

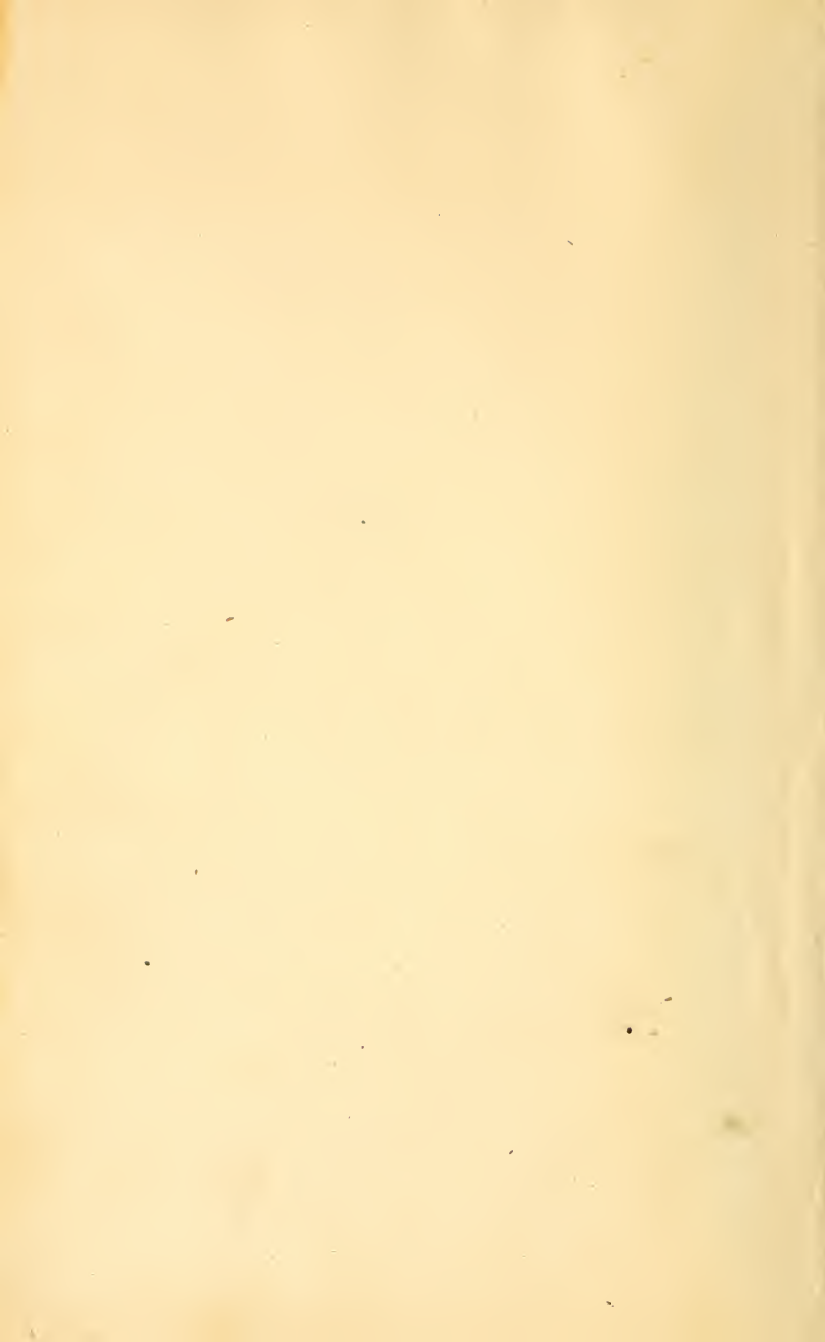

Class PG

Book B

YUDIN COLLECTION

А. И. БАШКАТОВЪ. ГЕНЕРАЛЪ ПЕРВОГО

БАШКАТОВЪ.

Bashkator, Alexsei Vasil'evich

БЫЛЪ

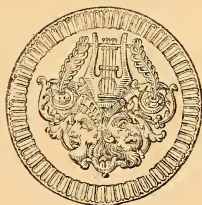
II

**ЗАБЛУЖДЕНІЯ
МОЕГО
УМА И СЕРДЦА.**

Сочиненіе

АЛЕКСѢЯ БАШКАТОВА.

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

МОСКВА.

Въ Типографіи А. Евреннова.

1858.

PG 3321
B33 B9

Печатать позволяется

съ тѣмъ , чѣмъ по оппечашаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число
экземпляровъ. Москва, 1858 года, Апрѣля 27 дня.

Ценсоръ В. Флеровъ.

104887
'87.

Вамъ нѣжныя сердца, друзья порядка, блага,
Я посвящаю прудъ моихъ досужныхъ дней!
Теперь душа моя предъ васъ нагой предстала,
И въ вашей правотѣ, ждетъ участи своей.—

Сотинитель.

СТИХИ.

МОЙ БОГЪ.

Вокругъ себя вращаю взоры,
Смутившись безною чудесь,
Перелетаю доли, горы,
Паю я мыслью выше звѣздъ,
На дно кидаюсь океана,
Видѣряюсь въ центръ земнаго шара,
Мяуся духомъ я моимъ,
Тебя о Боже всемогущій
Святый, всесильный, всюду сущій,
Хочу постичь умомъ своимъ.

Чѣмъ дальше мыслью углубляюсь,
 Чтобъ гдѣ, и какъ Тебя найти,
 Тѣмъ болѣе въ Тебѣ теряюсь
 На семъ пространнѣйшемъ пути;
 Но коль сей путь великъ, о Боже!
 Такъ мнѣ теперь осталось чтоже?
 Тебя жъ я жажду обрести!
 Ахъ, что же Ты, и какъ узнаю
 Твоей ликъ святой?... я исчезаю
 Въ Тебѣ всемогущий, всеблагій!—

Гдѣ Твой престолъ, Твоя обитель
 О Царь царей! о Царь міровъ!!
 Для дерзкаго ума Ты гибель,
 Его непроходимый ровъ;
 Но чудно мнѣ—и я дивлюся,
 Что каждый день Тебѣ молюся,
 Не зная самъ кому молюсь;
 А и того еще чуднѣе,
 Что тѣмъ мнѣ кажешься святѣе,
 Чѣмъ болѣе Тобой мятусь.—

Когда и какъ, и гдѣ о Боже
 Твое святое бытіе
 Настало намъ, отколь, и чтоже,
 Величье вѣчное Твое?
 Изъ вѣчности ширяюсь въ вѣчность,

Одну лишь вижу безконечность,
 Коль тьму вѣковъ соединю,
 То не достигну всё къ началу,
 Не будетъ вѣчностямъ причалу,
 Я въ безпредѣльность утону.—

Коль гдѣ еси—не постигаю,
 Возможно ли постичь отколъ
 Твое начало возсіяло,
 Гдѣ былъ Святѣйшій Твой престолъ.
 Ты безначальное Начало
 Изъ вѣка въ вѣкъ Собою сіяло,
 Въ Себѣ Самомъ Себя нанло;
 Ты всё Собою совершивый,
 Ты само-бытный, осѣннвый
 Мнѣ сердце, коль къ Тебѣ приплю.—

Отколъ же Ты воззвалъ вселенну,
 И мірады позажглись?
 Что было предъ сего явленья,
 Иль смертна тьма, хаоса ль жизнь?
 И для чего Всесильный Боже
 Напредъ не создалъ Ты тогоже,
 Прости мнѣ дерзостный вопросъ?
 Я углубляясь въ міро-зданье,
 Въ моемъ блуждающемъ мечтаньи
 Всѣмъ къ вѣчной вѣчности отнесъ.

Что будетъ Царь, коль нѣту царства,
 Что будетъ бранный человѣкъ,
 Коль безъ души, ума, убранства,
 И какъ назвать такой ихъ вѣкъ?—
 О нѣтъ! Творца я Всемогуща,
 Не помѣщу въ хаосной пучѣ,
 Хотябы жизнь кнѣла въ ней;
 Мой Богъ, съ созданьемъ безначаленъ,
 Мой Богъ, не можетъ быть печаленъ;
 А что забыть-среди тѣхъ ночей?—

Ты есть премудрости начало,
 Вмѣстилище любви святой,
 Ты правоты, добра зеркало,
 Ты всѣхъ надежда и покой,
 Тобою дышетъ вся Природа,
 Тебѣ дивятся всѣ народы,
 И чтутъ душою и умомъ;
 А кто Тебя не понимаетъ,
 Тотъ сердцемъ въ страхѣ замираетъ
 Коль грянетъ въ тучахъ ярый громъ.—

Изъ всѣхъ твореній, что отъ вѣка
 Сожиздалъ Твой святой глаголь,
 Прекраснѣй нѣту человѣка;
 Онъ будто міра полу-богъ
 Великъ умомъ, душою, чувствомъ,

И созерцанія искусствомъ;
 Слѣдитъ Тебя по всемъ мѣстамъ,
 И то глубоко ощущаетъ,
 Что въ сердцѣ онъ своемъ вмѣщаетъ
 Твой Пресвятый о Боже Храмъ.

Но коль въ себѣ ношу я Бога
 Для Коего весь тѣсенъ міръ,
 То разсудите въ смыслѣ строгомъ
 Какой я міра исполню?
 Я духомъ царь надъ всей природой
 Она—пречиннымъ хороводомъ
 Влачитъ мимо меня свой путь
 И я едва едва, замѣчу,
 Едва прекрасную привѣчу,
 Едва успѣю лишь вздохнуть,

Какъ тутъ и смерть не вчасъ нагрянетъ
 При всей великости моей,
 Мой духъ меня съ мечтой оставитъ
 И тѣло снѣдъ однихъ червей.
 Прощай же красота земная,
 Мнѣ предстоитъ уже святая
 Духовная за гробомъ жизнь!
 О Ты Господь, нашъ Искупитель!
 Пріймижъ мой духъ въ Свою Обитель;
 Въ Тебѣ лишь возмогу спастись!....

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ВСЕРОССИЙСКОМУ

въ 1824 году.

Когда бы царства всѣ текли
Однѣми къ счастію путями,
Когдабъ Батыи, Тамерланы
Страстямъ бурливымъ вопреки
Могли найти въ добрѣ лишь славу,
И кинувши кичливость рдяну
Талантъ Природы обратить
Могли ко благу ихъ народовъ,
Тогдабъ отъ насъ до антиподовъ,
Нельзя несчастныхъ бы найти.—

Какъ Понтъ средъ бурей и тумана
 Подобьемъ зрится океана,
 Такъ часто слабый человекъ,
 Прикрывшись чуждою фортуной
 Мелькнётъ, какъ феноменъ природы
 И осѣнить собою вѣкъ.
 Кромвели были тожъ на тронѣ
 Наполеоны, чудеса!....
 Но раздаются въ Небесахъ
 И мертвыхъ, и живущихъ стоны.

Исчезни же печальный призракъ
 Давно минувшихъ черныхъ дѣлъ,
 Пусть сердцу милая отчизна
 Глазамъ представится теперь;
 Я давъ душѣ моей свободу
 Хочу Россійскому Народу
 Блаженство наше описать,
 Перо мое хотя и ново,
 Но правду говорить готово,
 Я лести умью презирать.—

Отецъ Небесный лутче знаетъ
 Судьбами какъ расположить,
 Тотъ въ счастіи, а тотъ страдаетъ;
 А тотъ и такъ и сякъ блажитъ;
 Вотъ такъ и я въ укромной долѣ

Живу, и не желаю боль,
 Какъ счастья сторонѣ родной;
 Съ восторгомъ я тогда проснуся,
 Усерднѣй Богу помолюся,
 Коль Русскій хвалить жребій свой.—

Да и чегожъ желать намъ боль,
 Когда есть вѣдомо для насъ,
 Что АЛЕКСАНДРЪ пока на тронѣ,
 Дотоле счастья общій гласъ
 Повсюду будетъ раздаваться,
 Народы будутъ удивляться
 Земному царствію Его.
 Тебя молю о Всемогуцій
 И для временъ еще грядущихъ
 Храни, храни для насъ Его!....

На чтожъ намъ вѣкъ чужой Астрей
 Нашъ золотой при насъ теперь,
 И наши добры Россіи фен,
 Подобно массѣ вышнихъ сферъ
 Вращаясь съ законнымъ видомъ,
 Незыблемымъ своимъ Эгидомъ
 Преосѣняютъ всѣ мѣста,
 Куда свой зракъ не осклабляютъ,
 Повсюду ихъ благословляютъ
 Своихъ соотчичей уста.

Жилъ ПЕТРЪ, жила ЕКАТЕРИНА,
 То чувствуетъ еще теперь
 Великая изъ царствъ Россія,
 И то для будущихъ племенъ,
 Что АЛЕКСАНДРЪ царилъ надъ нами,
 Щиталъ насъ вѣрными дѣтами
 Глубоко врѣжится въ сердцахъ,
 Мы не щадя своя кровя
 Вкусили сласть Твоей любви,
 Отецъ! живи въ Своихъ сынахъ!—

Себя Ты славой оградилъ,
 А болѣе еще любовью,
 Тебя весь свѣтъ теперь почтилъ;
 Народовъ правилъ Ты судьбою
 Съ тѣхъ поръ, какъ вертится нашъ шаръ.
 Еще подобныхъ не вмѣщаль
 Людей, которымъ бы Натура
 Толико совершенствъ дала;
 Твоя краса—всегда цвѣла!
 Ведетъ по высотамъ Фортуна!!...

Куда Ты взоръ не обратишь,¹
 Доброта всюду за Тобою;
 Улыбкой, счастье Ты даришь
 Ты здѣсь!.... чегожъ желать намъ боль?
 Нѣтъ!—въ Македонскій славный вѣкъ,

На тронѣ былъ не человекъ,
 Нашъ АЛЕКСАНДРЪ—есть прелесть міра,
 И тьма вѣковъ еще пройдетъ,
 Пока Царь радость оживетъ
 Ахъ, какъ слаба моя здѣсь лира!

Со шлагою въ рукѣ на полѣ
 Средь тысячи смертей Ты былъ,
 Еще любить тогда насъ болѣ,
 Когда къ побѣдамъ насъ водилъ,
 О сладкое воспоминанье!
 О томъ утѣшно и мечтаешь;
 То время звучное прошло.
 Молчишь—полъ-свѣта уможаешь;
 Речишь—и молнии засверкають,
 Здѣсь солнце Русское возшло.—

Съ улыбкой кроткой на устахъ
 Всѣхъ фемиды озираешь,
 Въ Своихъ ужаснѣйшихъ войскахъ
 Полетомъ орлинымъ летаешь,
 И всюду правоту даришь,
 Наукамъ процвѣтать велишь;
 Они съ простертыми руками
 Къ Творцу міровъ возводятъ взглядъ,
 Въ сердцахъ Тебя благословятъ,
 А не ласкательствъ—лишь словами.—

Ты презираешь клеветы,
 И мщеніе Тебѣ несродно;
 По общей вѣсѣмъ стези идти
 Душѣ великой неудобно.
 Проходишь сквозь терновый Туть,
 И розы вслѣдъ Тебя цвѣтутъ:
 Селеньи, грады, вокругъ родятся,
 И Волховъ, и Донецъ, и Бугъ
 Въ берегахъ своихъ съ солнатою плутъ
 Увидя купно вѣселятся.—

Ты правосудья важный толкъ
 Переселилъ въ Свою десницу,
 Взглянулъ, и всякій гласъ умолкъ,
 Страшася острія зеницы!....
 Взошедъ, на превысокій тронъ,
 Невинности глубокій стонъ;
 И самый даже отдаленный
 Съ умильнымъ сердцемъ чутко слышитъ,
 Всею правдою законовъ дышешь,
 И милуешь, какъ милосердый.

Свою Ты показуя власть,
 Коварству видъ хамелеона
 Велишь въ доброту прѣмѣнись,
 Искать въ душѣ Твоей закона;
 Она же всегда чиста,

Всегда правдива и проста,
 Приказные пусть погги гложутъ,
 Когда отецъ нашъ дорогой,
 Моей ступлю къ Тебѣ ногой,
 Имъ крючкотворство не поможетъ!....

Россію Ты на сотню лѣтъ
 Подвинулъ скорыми шагами,
 Въ ней все, какъ Ты теперь цвѣтегъ
 Сердца огнемъ пылаютъ славы,
 Ты гидру всей Европы смялъ,
 И самъ времянь Эпохой сталъ!....
 Очистилъ предразсудковъ мраки,
 И давъ томужъ инакой ликъ,
 Колико межъ Царей великъ,
 Нелживы показалъ призраки.—

Ты тайну царствовать позналъ
 Привлечь къ Себѣ сердца умѣешь,
 Себя сыномъ своимъ вѣтрялъ
 Любовію—народы грѣшь;
 Средь самыхъ даже Ты враговъ
 Являлъ Собою ликъ боговъ;
 Передъ Тобою трепетали;
 Но зрѣвъ Тебя, какъ счастья даръ
 Глаея » великъ Россіи Царь! «
 Къ землѣ въ восторгѣ припадали.—

И Русскій на сіе глядя
 Возможенъ ли не умилиться?
 Отчизну и Царя любя,
 Лязяль сердцу равнодушно биться?
 Сто кратъ, сто кратъ счастливы мы,
 Бывъ современники Твои;
 Кто насъ любить толико можетъ,
 Чія душа изъ далека,
 Къ бѣдамъ сыновъ есть такъ чутка,
 И кто скорѣ намъ поможетъ?

Торговля при Тебѣ цвѣтѣтъ
 Въ таможенныхъ правота гнѣздится,
 Отъ роскоши банкротства нѣтъ,
 Купецъ правдиво веселится—
 Коль Царь, начало простоты
 Цвѣтижъ Россія! ты цвѣти.
 Пусть льется время дорагое,
 Какъ Дона тихія струи;
 Мы счастливы, что мы Твои,
 Для насъ Ты божество земное.

Но лязяли все исчислить мнѣ,
 Что Ты творишь въ часы благіе,
 Ты духомъ, мыслью, весь въ добртъ;
 И чувствія Твои прямія
 Всегда порукой за Тебя,

Что Ты отечество люби,
 Душою въ насъ лишь обитаетъ,
 И скипетръ твердою рукой,
 Храня Россіи всей покой
 Великолѣпно управляешь.

Помилуй же благій Творецъ
 Для насъ благаго АЛЕКСАНДРА!
 Да носитъ Онъ изъ миртъ вѣнецъ,
 Совокупивъ съ лавровымъ славно.—
 О Боже, Ты воззри на насъ!
 Зри токи слезны съ нашихъ глазъ,
 Тѣ слёзы лишь о немъ катятся,
 Да жизнь Его продлитъ ввѣкъ вѣкъ!
 Когдажъ невѣченъ человекъ
 Дѣтямъ съ отцомъ не разлучаться!!!...

НА КОНЧИНУ БЛАГОСЛОВЕННАГО

АЛЕКСАНДРА 1-ГО

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКАГО

ВЪ 1825 году.

Днесъ стонуть о Тебѣ, о Царь, нашъ добрый,
милый!

И добродѣтель, и слава и великость;

Приспѣли жъ и до насъ печалей дни унылы,

Которымъ повѣмъ не быть—и Ты несиленъ.

Умчался къ вѣчности Твой вѣкъ, столь славный,
громкій,

Ты былъ!.... и нѣтъ Тебя!!... но мы Твои попомки,

Твоей великостью налитаны живемъ

Въ насъ тажъ любовь къ Тебѣ оттоль улыбки ждемъ

Твоей отецъ, куда нашъ умъ не достигаетъ;
 А духъ Твой прелетѣлъ—и Бога созерцаетъ.
 Ты столь великимъ былъ среди живущихъ міра,
 Что пѣть дѣла твои одна Гомера лира
 Могла бы, не стыдясъ разнѣлѣннѣйшихъ свистовъ
 Превыше желчи бывъ мудрѣйшихъ журналистовъ;
 Но я въ избыткѣ чувствъ теряясь,
 На слезы сердца опираясь,
 Съ поникнутой главой иду—
 Да къ праху Твоему, отецъ нашъ, припаду!....
 Слегка лишь вспомяну, кто былъ на Русскомъ тронѣ,
 Коль выразить всего моею не въ силахъ волю,
 Да чистоту почтутъ моихъ душевныхъ силъ,
 Да вѣрятъ, что мой духъ Тебя боготворилъ!
 Твой геній, что объялъ время непостижимость
 Изъ вѣка въ вѣкъ промчить ту нѣжну къ Россамъ
 милость,
 Которую затмить не властны времена,
 Которую почтутъ позднѣйши племена!
 Ты жизнью доказать своей для общей славы,
 Сколь милы для Тебя сыны Твоей державы,
 И сколько Ты для нихъ употреблялъ Свой духъ,
 Чтобъ факель счастія Россіи въ вѣкъ не тухъ.
 Пусть спросятъ о Тебѣ у всѣхъ народовъ міра,
 Чѣмъ, когда, милѣй была для всѣхъ порфира?
 И общій будетъ гласъ Твоихъ отецъ потомковъ,

Что АЛЕКСАНДРЪ достигъ границъ у славы громкой,
И Македонскаго Своею помрачилъ;
По челоуѣчеству, Ты Царь Европы былъ!
Не позавидуетъ честный Наполеону;
Ты далъ блистательный отвѣтъ Своему трону.
Теряясь весь въ Тебѣ, нѣмью языкомъ,
И жаждалъ бы узрѣть, кто выразитъ перомъ
То чувство, коимъ я къ Тебѣ, благій, наполненъ.....
Ты былъ нашъ богъ земный, Ты олтарей достоинъ
Бытописаніе великихъ кто читалъ,
Найдетъ—Ты выше всѣхъ, кто міръ сей украшалъ,
И тамъ..... позднѣйшею порою,
Украсишь рай Собою!!....

ТАРУТИНО

1817 года.

Вотъ и Тарутински поля
Вотъ ревендучныя палаты,
Увидимъ скоро и Царя—
Ура! воскликнемте ребята!!
Ура! ура! теперь намъ;
Витъ съ нами вождь нашъ Остерманъ,
Величьемъ, славой умощенный,
Лишившійся въ бою руки,
Царю представить самъ полки,
Пришлиже дни для насъ блаженны!

Хоть пыльно въ лагеряхъ стоять;
 Морозъ и вѣтеръ задуваетъ,
 И гренадерамъ щиголятъ
 Природа будто запрещаетъ;
 Но съ нами matka нешутя,
 Солдаской дерзости прости,
 Препятствій никакихъ незная
 Какъ лучше выйдемъ нащипокъ,
 И будто бы кристальный токъ
 Пройдемъ, величье восхищая.—

Среди смертей насъ видѣль Царь,
 Узрять теперь на лаврахъ міра,
 Ура! отецъ нашъ Остерманъ!
 Ура! вся гренадерска сила!!!
 То громы пушекъ возвѣстятъ,
 Что Русскіе орлы не спятъ,
 Тимпаны, бубны, барабаны,
 И всё и всё, и всё что есть,
 Насъ алчныхъ чести приобрѣсть
 Явить достойными сынами.—

Спѣши Ты къ дѣткамъ АЛЕКСАНДРЪ!
 Усы нафабривши мы скажемъ;
 Всякъ зрѣть Тебя отъ сердца радъ
 На самомъ дѣлѣ то докажемъ;
 Теперь же, братцы, за Царя

Почаркѣ выпьемъ мы вина,
Да долго Онъ царитъ надъ нами,
Да вѣкъ прослужимъ мы Ему,
И гренадерамъ въ похвалу
Блеснемъ чинами и крестами.—

ПРИНОШЕНІЕ

ПРАХУ АРТИЛ. ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРА ДМИТ. ИВ.

КУДРЯВЦЕВА.

1825 года.

Теперь мнѣ мраченъ зрится свѣтъ,
Лишь колокольны слышу звуки
Отца не стало—друга нѣтъ;
Смутился взоръ—ломаю руки,
О, не шумите вы дубравы,
Не лейте болѣе отравы
Въ мою стѣснившуюся грудь!
И съ вихремъ бури не бушуйте,
Вы голубочки не воркуйте;
Успѣемъ всѣ отсель вспорхнуть.

Сокрылась знатность съ высоты
 Подъ хладною доской могильной,
 Сокрылось все, но всё не ты:
 Твой геній добрый, сердцу милый
 Не будетъ съ нами разлучень,
 Доколь въ семь міръ мы живемъ;
 Онъ въ призракъ воспоминанья
 Всегда явится будетъ намъ,
 Пока соединимся тамъ,
 Гдѣ нѣтъ ни плача, ни страданья,

Окрестность Малайрославца
 На Панское (') слезясь глядитъ,
 Театръ замолкъ—исчезли танцы,
 И флагъ въ обсерваторьи спитъ.
 Одинъ лишь арфы звукъ унылый
 По временамъ въ близнѣ могилы
 Разносится, и въ мракъ ночной
 Супруга нѣжная стеная,
 Свой голосъ съ нею соединяя,
 Оплакиваетъ жребій свой.—

Когда ты въ чинѣ Генерала
 Служилъ Царицѣ и Царямъ,
 Душа твоя всегда пылала
 Любовью къ нимъ, и ихъ дѣламъ.
 Съ достойными себя стязался,

А отъ коварныхъ удалялся
 Вельможей, коль неправду зрѣлъ,
 Добру давалъ правдиву цѣнность,
 А въ чувствахъ вѣчну неизмѣнность
 И твердость правиломъ имѣлъ:

Изъ скромности ты знатность сана
 Подъ сѣрымъ фракомъ сокрывалъ,
 Почтеньемъ всё къ тебѣ дышало,
 Когда свою ты роль игралъ;
 Но если обратишь въ другово,
 Ханжу, или скупца какого,
 Друзей забавить ты хотѣлъ;
 То не было тебя милѣе,
 Чтобъ выразить порокъ живѣе,
 Совсѣмъ забыть себя умѣлъ!—

Въ часы досуговъ пустотою
 Ты не умѣлъ себя питать,
 И съ искренней твоей душою
 Любилъ далеко залетать:
 Перо, бумага, и чернилы
 Въ рукахъ твоихъ бывъ столько милы,
 Сколь самъ ты для друзей почтенъ,
 Переносились, забавляли,
 И преданность къ тебѣ вливали
 Въ сердца приближенныхъ душей.

И я, блуждая въ здѣшнемъ мірѣ,
 Нашелъ почтенный мужъ тебя,
 По симпатической причинѣ
 Характеръ, умъ твой полюбя,
 Тобой съ избыткомъ награждался;
 Я сладкой пищею питался
 Твоей побезвѣйшей души;
 Себя ты въ письмахъ показуя,
 И тѣмъ меня преобразуя,
 Не забывалъ въ дали, въ глуши.—

Семь лѣтъ, и до доски гробовой
 Умѣлъ ты одинакимъ быть,
 И ктожъ теперь можетъ новый
 Тебя мнѣ въ сердцѣ замѣнить?
 Блуждаю, всюду я одинъ
 И безпріютный гражданинъ;
 Мой духъ унылъ, но будетъ вѣчно
 Переносившись въ тѣ лѣта,
 Когда мнѣ жизнь была злата
 Любить и чтить тебя сердечно.

Пріймижъ отецъ и другъ почтенный
 Сей слабый чувствій моихъ гласъ!
 Съ душою скорбыю угнетенной,
 И съ полными слезами глазъ,
 Я шло къ тебѣ мое прощанье,

Да вѣчно, вѣчно воспоминанье
Усладой жизни будетъ мнѣ,
Да гений твой надъ мной витаетъ.
Отъ бѣдъ меня предохраняетъ.
Пока и я пойду къ тебѣ.—

ДРУЖБА СО СКУКОЮ.

Ахъ нѣтъ! ничто утѣшить,
Не можетъ здѣсь меня;
На что взгляну всё бѣситъ,
И рвусь и мучусь я.

Вездѣ встрѣчаю скуку
Куда не обращаюсь.
Она мнѣ хладну руку
Даетъ вопя: дружусь!....

Какое выраженье
 Мой поражаетъ слухъ!
 Мученіе, мученье—
 И я теперь твой другъ!

О дружба, горька дружба,
 Всегда ль ты такова?
 И наша тяжка служба
 Съ тобою-ль недружна?

Вокругъ меня всё зрится
 Суровымъ Сентябрёмъ,
 Куда мнѣ удалится,
 Чтобъ ночь не видѣть днёмъ?

Двина разбушевалась,
 И Рига вся дрожитъ,
 Давно ли красовалась,
 А что теперь за видъ?

Срываетъ буря кровли,
 Тамъ тонуть корабли,
 А я нахмуривъ брови,
 Съ подругой злой сиди—

Сиди и забавляйся
 Всѣмъ ужасомъ кругомъ,
 Певольно улыбайся,
 Кошь въ тучахъ, въ сердцѣ громъ.

И граю-ль на гитарѣ,
 Курю-ли я табакъ,
 Наслужбѣ-ли бываю,
 Гляжу-ль какъ пьютъ аракъ?

Помыслю-ль удалится
 Отъ сюда далеко?
 И тутъ нельзя отбиться
 Всѣ просятъ взять съ собой.—

Да гдѣже скрыться можно ,
 Злюди́ка отъ тебя?
 Скажи хоть осторожно
 На ухо мнѣ сама.

Я право не открою
 Сей тайны никому,
 Простившись съ тобою,
 Я дружбу полюблю.—

П Ъ С Н И.

1.

НѢтъ, нѢтъ никакъ красотки
Недамся вамъ въ обманъ,
Вы въ томъ хотя и ловки,
Непромахъ я и самъ.

Голубенькіе глазки,
Пріятный, томный взглядъ,
И вздохи ваши тяжки,
Немного мнѣ вредятъ.

Губёночки, какъ розы,
 А щёчки, какъ заря,
 Влюблённымъ то угрозы—
 Но не боюся я.

Прелестный носикъ, шейка,
 Высока была грудь,
 Влюблённымъ то утѣха,
 Глаза закрою тутъ.

Глядѣлъ, молчалъ, крѣпился,
 И къ долу взоръ пустилъ;
 Но духъ мой веселился,
 Что я влюблёнъ не былъ.

Красоточки! скажите:
 Не впрямъ ли я герой?
 Но больй не тужите,
 Я жертвую собой.

Быть такъ ужъ вамъ отдамся,
 И плѣннымъ стану слыть,
 Что можетъ съ тѣмъ сравняться,
 Чтобъ васъ боготворить!—

2.

Дни счастья моего исчезли,
Какъ въ воздухъ тончайшій дымъ;
Душевы чувства онѣмѣли,
Мнѣ цѣлый свѣтъ теперь постылъ.

Одно лишь сладко воспоминае
Мое на части сердце рветъ?
Несчастное любви желанье,
На твой упрекъ ответа нѣтъ.

Себя ли я стыдится долженъ,
Иль счастье свое винить?
Ахъ нѣтъ, любовь гдѣ осторожна,
Для сердца лучше не любить.

Проклятый гдѣ разсудокъ водить
 Своей холодною рукой,
 Во мракъ счастье тамъ про ходить,
 Уносить вѣкъ нашъ золотой.

И поздно ужъ слезу уронишь,
 Вздохнешь, потужишь про себя,
 Не слышишь та, о комъ ты стонешь,
 Забывъ несчастнаго тебя.

Теперь лишь въ горькомъ восхищеньи
 Себѣ припомню тѣ часы,
 Когда я въ сладостномъ забвеньи,
 Невинно пожиралъ красы;

Когда гласъ дружбы, гласъ любви,
 На сердцѣ, на устахъ пылалъ,
 Ахъ милыя мои оковы
 Я лучше бъ васъ не вспоминалъ!....

На что не камнемъ въ свѣтъ родился,
 Зачѣмъ Творецъ мнѣ чувства далъ?
 На толь, чтобъ глядя я томился,
 И вѣчно отъ тебя страдалъ?

Вотъ чувствій всѣхъ моихъ награда,
Презрѣнье, ненависть и злость,
Какая для любви прохлада;
Какой суровый сердцу гость!....

Но я на всѣ сн причуды
Любви глазами лишь смотрю,
Твои сколь чувства ни грубы,
Но всё тебя еще люблю.—

5.

Хоть кротъ и слыхъ, но больше видитъ,
Какъ некогда съ глазами я—
Стыжусь любви не навидѣть,
Но симъ лишь мучу самъ себя.

Всѣ риторы и рифмотворцы
Куда не обращаю я глазъ,
Любови зряться ратоборцы—
Твердятъ мнѣ тысячи проказъ,

Такъ будетъ ли мудрёнымъ дѣло,
Что новы существа растутъ?....
Смотри на нихъ кто хочетъ смѣло,
Нерадь—а запятая тутъ,—

Но я не первый не последний
 И былъ, и есмь, и буду впредь,
 Что тяготу всемірну бѣдный
 Перекрестя долженъ снести.

Хоть роза безъ сомнѣнья милый,
 Душистый, пышненькій цвѣтокъ,
 Но вѣрь и лиліи унылой—
 Красу почувствуетъ знатокъ.

Шипами часто роза' колитъ,
 А лилію бываетъ рвутъ,
 Зажмура глазки, и не стонуть;
 Цвѣтокъ сей добренькимъ зовутъ.

А роза, о! я помню время,
 Когда я духъ твой лишь глоталъ,
 Любя тебя изъ сожалѣнья,
 Не рвалъ, блаженство ощущалъ.

Взглянешь теперь себѣ въ утѣху,
 Потужишь про весенни дни—
 Для слёзъ ли то, или для смѣху
 Лишь молвишь: розы отцвѣли!!...

Мнѣ право не до нихъ съ досады,
Хотя незнаю какъ сказать,
Но впредь такого маскарада
Во вѣкъ мнѣ больше не видать.

Съ К..... и дружбу кто заводитъ,
Или неволей попадетъ,
Въ забавѣ дни того проходятъ—
Или прегорьки слезы льётъ.—

4.

Лизынька со мной гуляла,
Всѣ кричали, какъ мила!
Но красавца увидала,
И одинъ остался я—

Нѣтъ, не должно мнѣ остаться
Для мученья своего,
Лиза будетъ наслаждаться,
Я-жъ терзатся отъ того.

Удаляюсь съ грустью злою,
И не знаю скрыться гдѣ,
Знать назначено судьбою,
Чтобы зрѣть ее вездѣ.

Мнѣ поля, лѣса и горы,
Лишь про Лизыньку твердятъ;
О жестокости мнѣ взоры,
Легче-бъ въ вѣкъ васъ не видать!....

Лиза милая нестыдно ль
Такъ со мною поступать?
Лучше-бъ столько милосивдой,
Не бывать, не чаровать?

Сердце стлѣвшее бросаю,
У твоихъ, Лизета, ногъ,
Ахъ! когда бы ты узнала
Сколь любить тебя я могъ!....

5.

Влюблённымъ грустно, тяжело жить:

Друзья! подайте ваши руки,

Клянитесь вѣчно не любить,

А кто влюбленъ уже отъ скуки,

Тому забыть,

И не глушить!—

Лукавѣй твари въ мірѣ нѣтъ,

Слывется что подъ нѣжнымъ поломъ.

Друзья! вамъ дружескій совѣтъ:

Никакъ не вѣрять томнымъ взорамъ;

Ихъ яркій свѣтъ,

И камень жжеть!

Двухъ милыхъ глобусовъ небесъ

Волненія вострепещите!—

Девятый валь—и другъ исчезъ!

Бѣгите-же, скорѣй бѣгите—

О ты Зевесъ!

Спаси отъ слезъ!

Какъ утрення заря для глазъ,

А щочки ихъ того мнѣ,

Когда-же слезка полилась,

Ахъ другъ! бѣги, бѣги скорѣе,

На этотъ разъ;

Есть тьма заразы!

Когда сіреньи ихъ уста

Любовь сердечну воспеваютъ,

Крѣпитесь други—все мечта,

Ловить васъ сѣти разстилаютъ—

Не та, не та!

Есть жизнь злата?....

Ручонучку, какъ алебастръ

Она идти чтобъ на гулянье

Потупя взоръ, вздохнувъ подастъ—

О горькое очарованье!

О, злая часть!

Прійдетъ пропасть!....

Волнуется въ тебѣ вся кровь,
Дрожать обѣихъ ваши руки,
Любовь тебѣ твердить: любовь!
По жиламъ огонь! о злыя муки!!
И чтоже въ томъ?
О, гряни громъ!

Мрачится зракъ ее—мертва,
Повергнется въ теон объятъ—
О вы друзья, мои друзья—
Спасайтесь! драгія братья!
Здѣсь жизнь ея—
А смерть твоя!—

Горячій сладкій поцѣлуй,
Друзья пропали безъ возврата,
Великій Богъ! даруй, даруй!
Хоть вѣчну память милу брату!
Ахъ другъ, горюй,
Горюй! горюй!....

6.

Къ... Е... А... В.

Не стану я тебя любить;
Не стало силъ уже влюбляться,
На что намъ болѣ заблуждаться,
Чтобъ жить?....

Довольно слишкомъ пролетѣло
Всего, въ нашъ шаловливый вѣкъ—
Когдажъ мы будемъ человѣкъ?
Въ насъ человечество кипѣло.

Мечты насъ слишкомъ далеко
Съ обычныхъ мѣстъ съ собой умчали,
Не стыдно ль намъ свои печали,
Не сбросить вдругъ, коль такъ легко?—

Скажи же мнѣ теперь: твоя!
 И я нетрепетной рукою,
 Сожму твою, назову земною (2)
 И будешь ты навѣкъ моя.

Не то, мой другъ, такъ я опять
 Пообращуся къ старой дурѣ,
 Въ небесной созерцать лазури
 Могла, чтобъ прелесть дурой стать. (3)

Вѣщательный я помню гласъ,
 Конечно вы давно забыли,
 Какой судьбой меня дарили;
 Но не шутя съ тѣхъ поръ я вань.

Давно вѣщунство то простыло,
 И всё пошло наизворотъ—
 Что отцвѣло, то стало мило—
 Гдѣ былъ угаръ—теперь—живётъ!....

7.

М..... К

У Мани очи голубые,
У Мани небеса въ очахъ,
У Мани щочки огневья,
Жиллище грацій на устахъ.

А русая коса дугою,
Ея головку обвила
И будто облачивъ въ корону,
Тѣмъ красотѣ вѣнецъ дала.

А о бровяхъ уже ни слова,
Ихъ самъ Рафаэль написалъ—
Онѣ плѣнятъ и неживаго,
Живой же будетъ, самъ не самъ.

Но съ чѣмъ сравнить бѣлизну тѣла,
Ея улыбку, томный взглядъ,
Куда природа захотѣла—
Весь совмѣстить и рай и адъ?

Вздохнетъ—и вы уже пропаши!
Вашъ духъ оставить тѣlesa,
Тогда вы неземные стали,
И воспарите въ небеса.....

Вотъ Душенька, точь вточь живая,
Что Богдановичъ описалъ—
Краса и прелесть неземная
Вотъ мой верховный идеалъ!....

Благодарю Тебя Всесильный
Что я возмогъ ее узрѣть,
И въ красотѣ ея обильной,
Твое могущество воспѣть.—

8.

А..... М..... С.

Ахъ, мой другъ, хорошо,
Если счастье не коснется на тебя;
Не тоскуй, не горюй
Безнадежно А..... милую любя

Есть бѣда, есть бѣда
Зло жестокое повѣтру по развѣй!
Презирай, не гляди,
На недобрыхъ легковѣтренныхъ людей.

Хохотъ ихъ, злой языкъ
Не коснется той душевной чистоты,
Съ юныхъ лѣтъ, чѣмъ всегда
Въ вихрѣ помысловъ своихъ пытался ты.

Всё прошло, всё пройдёт;
Но спокойствіе останется въ тебѣ,
Ты любилъ—обожалъ,
Не дружимъ но всегда на зло себѣ.

Богъ правдивъ Онъ рѣшитъ
Заневинныя страданія твои—
Онъ призритъ, наградитъ,
Проястнятся надъ тобою ненастные дни.

9.

О женщины, о полъ ужасный!
За что вы мучите меня?
Ужели вѣкъ мнѣ быть несчастнымъ,
Ужель на смѣхъ родился я?

Нѣтъ! за презрѣніе презрѣнье!
О—я умѣю презирать!!
Мнѣ въ сердце льется омерзенье,—
Не стану больше обожать,

За что глаза у васъ двоятъ,
И съ сердцемъ не одно вторятъ?
Чтобъ насъ по своему иначе,
И послѣ злобно осмѣять.—

Но нѣтъ, сей смѣхъ на васъ же канетъ;
 За право-душныхъ Богъ стоитъ.
 Вашъ цвѣтъ, какъ биліе увянетъ,
 Не узритъ свѣтъ плода отъ злыхъ.

А я простерши къ небу руки
 Прошу Всемощнаго Царя;
 Чтобъ зря мои сердечны муки
 Довелъ меня до олтара,

Но съ дѣвой милой, прямодушной,
 Любящей искренно меня,
 Которой умъ, и глазъ послушны
 Разсудку—и любить бы я!

Краса, богатство, знатность сана,
 Меня клянуса не плѣнять;
 Безъ доброты разсудка, права,
 Я буду прелесть презирать.

О вы красавицы драгія!
 Простите мнѣ сердечный гласъ!
 Коль вы насмѣшницы пустыя
 Я другъ не вашъ—со всемъ не вашъ!....

10.

К..... Н..... С.

Любовь безъ грусти и мученья
Бывасть-ли когда?
Средь воздыханій, огорченій,
Теперь мучусь я.

Ни дня, ни ночи не проходитъ
Безъ жалобъ и поски,
Мой духъ въ уныный всюду бродить,
Гдѣбъ могъ тебя найти.

И вижу мнѣ погибнуть должно
Я друга потерять,
Которому безосторожно
Страданія ввѣрялъ.

Я прежде въ вѣкъ бы не повѣрить,
 Что столь ужасный ядъ,
 Любовныя имѣеть стрѣлы,
 Чтобъ сердце заражать.

Жестокий пламень пожираетъ
 Теперь всего меня—
 Предметъ мнѣ всякой представляетъ
 О К.... лишь тебя.

Ахъ птички милыя—стрегитесь!
 Вы въ клетку залетѣть.
 Въ любви обмана берегитесь,
 Не попадайтесь въ сѣть!....

Вы видите какія ковы.
 Она готовитъ намъ,
 Когда съ злой мукой незнакомы,
 Спознаетесь вы тамъ.

Я тѣшился всегда надеждой,
 Что обладать тобой,
 Я буду, другъ мой, несравненный,
 И вѣкъ найду златой—

Теперь же дни текутъ въ мученьи
 Не знаю что сказать—
 Какъ воскъ желтѣю въ огорченьи.
 Живу чтобъ увядать.

Мой жизни цвѣтъ пройдетъ въ туманѣ
 Плачевныя любви—
 И скоро, скоро я не стану—
 Ужъ зрѣть красы твои.

Смежаться очи крестъ и саванъ,
 Вотъ мой любви удѣлъ,
 И сердце, что тобою дышало
 Твоихъ избѣгнетъ стрѣль.

Впалые очи проливайте
 Горчайшихъ слезъ струи!
 И тѣмъ сколько можно выражайте,
 Мученія мои.—

Возмогъ ли кто въ сей жизни боль
 Сграданій перенести?
 Но жизнь въ твоей о К..... воля
 Лишь слово произнести.

Ахъ сжался-жъ, сжался надо мною
 И не терзай въ конецъ!
 Отдай ты сердце мнѣ съ рукою
 Вотъ счастья вѣнецъ!!—

11.

Гдѣ другъ мой, гдѣ моя отрада
Повсюду я тебя ищу;
Исчезни всё!—тебя лишь нада
Лини о тебѣ одной грущу.

Вы пропадайте миллионы
Богатства злата и серебра,
И льстивы громкой славы звоны
Всё адъ—когда душа пуста!—

Мой другъ! да гдѣжъ ты обитаешь!
Явился, путь мнѣ укажи!
Ты всеела, ты не страдаешь
Тебѣ легко—скажи-жъ! скажи!

Какъ съ скорбью долженъ я разстаться
 Не снесу скуку позабыть,
 Съ тобой гдѣбъ долженъ повстрѣчаться
 Какъ пламенно тебя любить!

Утишить пылъ страстей бурливыхъ,
 И лишь тебѣ глядѣть въ глаза,
 Забыть о дняхъ моихъ постылыхъ,
 И о потерянныхъ слезахъ.

Мой вздохъ къ тебѣ я посылаю,
 А вмѣстѣ душу съ нимъ мою,
 Замѣть же сколько я страдаю,
 И сколько безъ тебя терпю.

Твоей улыбки будетъ много,
 Меня чтобъ счастьемъ подарить,
 И сердце ужъ мое готово
 Любить тебя любить, любить!

Въ глазахъ увижу соучастье
 Чего я въ жизни не видалъ
 Твой взглядъ душа мнѣ будетъ счастьемъ,
 Яжъ счастья никогда не зналъ.

Ты съ ласкою промолвишь слово,
И я не буду истуканъ;
Пойму его, хоть будетъ ново,
То слово счастья фіалъ.—

О существо ты неземное
Тебя дождусь ли въ жизни сей?
Иль на могильномъ ужъ порогъ
Твой духъ прильнетъ къ душѣ моей?—

12.

Ахъ грустно всюду пустота!
И солнца свѣтъ мнѣ мракомъ зрится;
На сердце скорби налегли
Одинъ я на земли!

Лети жъ душа моя отсель
Лети туда, всё выше, выше!
Гдѣ твой источникъ въ небесахъ;
Оставь, оставь мой прахъ!

Явилась ты, ждала привѣту;
Но міръ тебя не примѣчалъ
Неси жъ—неси ты упованье
Къ тому, чіе созданье.

Яснѣ звѣздъ, луны и солнца,
Яснѣ всѣхъ міровъ предстань
Передъ престолъ животворящій
Въ превыспреннихъ парящій!....

И будешь тамъ его лучемъ
Душа!.... ты есть частица Бога;
Забудь же всё земное ты
И въ Богѣ лишь живи!....

СОЖАЛѢНІЕ.

Промчался жизни цвѣтъ, какъ тѣнь
Отъ облакъ плывшихъ по лазури;
И гдѣ моя химерна тлѣнь,
Гдѣ юности прелестной бури?
Они исчезли всѣ какъ прахъ,
Оставля въ сердцѣ хладъ и страхъ.
Простите мнѣ мечты драгія,
Прости и славы лъстивый гласъ!
Къ честямъ уже огонь во мнѣ погасъ,
Всё кончено иду къ могилѣ!

Но нѣтъ! еще я не забылъ
 Моей судьбы опредѣленья,
 Въ мечтахъ—охъ, какъ великъ я былъ!
 И что со мной сыграло время?
 О—время, первый ты злодѣй;
 Лети жъ, лети, лети скорѣй—
 Пусть жизнь моя теперь пустая
 Быстрѣе молніи пройдетъ;
 Меня мракъ гроба ужъ зоветъ,
 Тамъ будетъ тишина святая.

Мечталъ я нѣкогда войти
 Во храмъ фортуны безъ сомнѣнья,
 И тамъ Алкалъ себѣ найти
 Для сердца пищу наслажденья,
 Тамъ думалъ я начну лишь жить,
 Чтобъ добрымъ доброе творить!
 Но нѣтъ, ступенька та высока,
 Прости меня Всесильный Богъ,
 Что я достигъ ее не могъ
 Для погубленія порока!....

Вокругъ я вижу суеты
 Несутся всѣ—куда? не знаю.
 Кудаже мнѣ теперь идти,
 Къ Тебѣ, о Боже, прибѣгаю?
 Вдохни Ты мнѣ благій совѣтъ.

Да вскроется предъ мною свѣтъ,
 Да не преткнуся опять о камень,
 Да мой остатокъ тусклыхъ дней,
 Я въ мірной пристани своей,
 Прейду безъ всякихъ претыканій.

Да хижина моя тиха
 Укроется отъ людской злобы,
 Да я избавлюся грѣха
 И тамъ клясти себя до гроба—
 Да вѣрный мнѣ сердѣчный другъ
 Со мною разделить досугъ—
 Пусть буду я забытъ отъ свѣта,
 Меня онъ, право, не ласкалъ,
 Хотя добро въ немъ почиталъ—
 Теперь страшусь его навѣта!....

Прости жь меня, о Боже силъ,
 Что я осмѣлился крушиться!
 Стоя въ предвѣрїи могилъ,—
 Червякъ! тебѣ ли шевелиться?....

ВОСПОМИНАНІЕ.

О..... А.

А..... милая, другъ сердца моего!
И самъ не знаю какъ, не знаю для чего
Тобою сдвна я живу
Тобою сдвна восхищаюсь,
Черезъ тебя здѣсь слезы лью,
И всё, и всё плѣняюсь!

Неужели благій Творецъ!
Тебя послалъ сюда—въ сей міръ—въ сін мѣста,
Чтобъ мы узрѣвъ тебя небесна красота,
Узрѣли наконецъ
Нагую прямо добродѣтель!

Твой кроткій, милый нравъ, и душу безпримѣру,
Твой взглядъ—улыбку—вдохъ! красу вся вселенны?
О Богъ тому свидѣтель,
Что-то нестихотворный жаръ
И не языкъ любви перѣдко многимъ льстивый,
А голосъ совѣсти—гласъ разума правдивый
Ту истину вѣщаль.—

ВЪ АЛЬБОМЪ.

А. И. Ф.

Когда пройдутъ ужъ многи годы
А нынѣшнихъ простынетъ слѣдъ,
И по людской старинной модѣ
Пойду туда, гдѣ горя нѣтъ.....
Тогда стихи сіи прочтите,
Тогда о мнѣ вспомняните
Въ досужный беззаботный часъ;
Но только чуръ, не въ чѣрномъ тонѣ
И не въ дураческомъ хитонѣ.
Въ какомъ казался я для васъ.—

Припомните бесѣды наши,
 Открытость нрава моего,
 Припомните ржаную кашу,
 Что краше ставится всего—
 Но кто безъ слабостей родиться
 И кто собою не гордиться,
 Я дань всеобщу отдавалъ
 Но тѣ минуты заблужденья,
 Безъ всякаго скажу сомнѣнья
 За жизни цвѣтъ моей считалъ!

Пусть наполняются Альбомы
 Всегдашней дамамъ похвалою,
 Пусть голосъ вѣчныя любви
 Въ нихъ тратится безщоту словъ;
 Я заключу однимъ молчаньемъ,
 И то мнѣ очарованьемъ,
 Лишь чту, что можетъ всѣхъ плѣнять—
 Характеръ вашъ души доброту;
 А всё хорошее безщоту.—
 Могу лишь въ сердцѣ ощущать.

Живите долго вы, живите
 Въ тиши безъ шуму свѣтскихъ фразъ!
 Меня по прежнему любите,
 Вотъ все, о чемъ прощу я васъ!

Когда же больше жить не будемъ,
Тогда о прошломъ позабудемъ,
Забуду васъ, а вы меня;
Тогда любить и чтить не стану—
Тогда я для всего увяну;
А до того, всегда я—я!....

СНОВИДѢНІЕ.

Собираются тучи, и мракъ облегаеъ,
Кругомъ покати́лся—грохо́тъ въ небесахъ,
Закаркали враны—поднялись—летаютъ—
Натуру объемлетъ унынье и страхъ!

И Заяцъ сокрылся подальше въ ущельи
И выпяля очи прижавши ушки,
Онъ въ мысляхъ читаетъ свои пригрѣшенья,
Кленеть за капустны свои корешки;
Ахъ, что же со мною несчастнымъ созданьемъ

Содѣлать восхощеть Всесильный Творецъ!
 Неужели громы—и молніи блистанье
 Негрануть, и Зайцу не прійдетъ конецъ?

А тамъ на високомъ, и дубъ дупнatomъ
 Сидить пригорюнясь, тоскуя Сова,
 Творецъ Милосердый! Ты видишь въ пернатомъ,
 Что дерзость имѣетъ теперь быть жива,
 О гряните всѣ громы, меня поразите,
 Не смѣю изъ давна я видѣть на свѣтъ.
 Кляните лягушки—и мыши кляните
 Меня, что ловила всегда васъ на снѣдь!

И вдругъ дубрава оголѣла,
 Безъ листьвіевъ, и вся шумить—
 Во мнѣ душа моя сомлѣла,
 И въ сердцѣ молоткомъ стучить,
 Я вижу длинными рядами
 Штилетовъ цѣлые полки,
 Проходятъ мѣрными шагами
 Поднявши къ верху кулаки,
 Сверкають впалыя ихъ очи,
 И слышенъ скрежетъ отъ зубовъ,
 И стукъ, и брызгъ отъ ихъ оковъ,
 Боюсь глядѣть, нѣтъ, право, мочи!—
 Кругомъ Церберы громко лають—

И тѣмъ, какъ будто повторяють,
Весь ужасъ моя души—
Вдругъ всё по дебрямъ разбѣжалось,
Какъ будто бы меня искать,
Тутъ я отъ сна освобождаюсь.
Оледенѣлъ!—радъ въ вѣкъ не спать.—

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Вотъ 'стукнуло и мнѣ сполна ужъ тридцать
лѣтъ.

Какую жъ пѣсенку начну теперь я пѣть?
Восторги юности, какъ бы ночныя тѣни
Мелькнули на часокъ, и быстро улетѣли,
И гдѣ подѣлился прелестныя мечты,
Которыя всегда мнѣ льстили вверхъ идти?
Гдѣ узы сладкія любовной пылкой страсти,
Отъ коихъ потерпѣлъ я многія напасти,

Гдѣ мой кичливый духъ, что неся выше всѣхъ?
Который лишь алкалъ единственныхъ утѣхъ!
И часто изтомясь на розахъ восхищенья,
Нерѣдко досягалъ верховнаго мученья?
Погасъ, какъ метеоръ, что въ небѣ часто зримъ,
И я теперь ни что—хоть свысока парилъ.—

СВѢТЪ ПО МОДЪ.

Въ Г. В.....

Право странно, что со мною
Деревенской простотою,
Иль провинціей святою
Въ громкомъ свѣтѣ можетъ быть?
Что ни шагъ—то поскользнѣлся,
Что ни слово—закниѣлся,
Или попросту заврѣлся,
Чѣмъ же горю пособить?

Ты не скачешь—такъ дуракъ,
 Нолезай скорѣй въ кошаки;
 Тѣмъ мундира не марай
 И порядку не терй.—
 Безъ кадрили, экосеза,
 Безъ мазурки, полонеза,
 Долголь можетъ быть повѣса
 Въ обществѣ большомъ?—

Пресурѣзно занимаясь
 Пустяками на балу,
 И собою утѣшаясь,
 Ты заслужишь похвалу.
 И любезной будешь малой,
 Передъ каждой модной дамой,
 А когда не такъ рождень,
 И не такъ остро умѣнь,
 Не совайся съ кроткимъ видомъ,
 Не послужишь то эгидомъ
 Чтобъ могло тебя спасти
 Отъ хи, хи, хи, хи, хи, хи!!!
 Всѣхъ премиленькихъ красавицъ
 И насмѣшекъ старыхъ пьавицъ;
 Экой скажутъ онъ болванъ;
 Словно биржепекій Иванъ,
 Двоеже, какъ скажутъ пьяны,

То придётся спать ложиться,
 Нль отъ туда удалиться,
 Хоть на балъ и званъ.
 Горе, горе, эки вѣки!
 И какіе человѣки,
 Нонѣ стали въ свѣтѣ жить?
 Страшно даже и любить!—

Шлейфъ огромный за звѣздами
 Но пятамъ всегда слѣдить,
 И за то ихъ именами
 Пресіятельныхъ дарить;
 Обѣ стороны довольны,
 Обѣ обольщаться вольны
 Положеніемъ своимъ;
 И величіе безъ блеска,
 Какъ окно безъ занавѣска
 Коль у..... сидитъ предъ нимъ.

Слава льется за богатствомъ,
 Будто Волга въ берегахъ,
 И своимъ счастливитъ братствомъ,
 Пресмыкающихся въ глазахъ,
 О счастливы эфемеры!
 День коротокъ вашей сферы;

Но какою пустотой,
 Ваше сердце окружится,
 Солнышко когда затмится,
 И пойдётъ иной тропой?....

Тотъ вздернувъ къверху носъ мечтаетъ
 Летя по залъ стрѣлкой въ тактъ,
 Что онъ собою замѣняетъ
 Всѣхъ знающихъ секретъ Эпактъ;
 Всѣ физики, и астрономы,
 Какъ бы мельчайшіе атомы
 Въ глазахъ ихъ кажутся ничѣмъ;
 Съ прелестницей, какъ вихрь вертится,
 День загрешный ему не снится,
 Онъ тонетъ въ счастіи своемъ.

Когдажъ его умильнымъ взглядомъ
 Кокетка къ стати подарить,
 Онъ съестъ готовъ съ царями рядомъ,
 Намѣлочъ больше не глядитъ—
 Прелестны лѣты заблужденья!
 Счастливыцы!.... ваше положенье
 Завидно и въ глазахъ монахъ;
 Но бывши мраченъ отъ природы
 Позненько мѣтъ по вашей модѣ
 Натѣживать коньковъ своихъ.

Тристрама Шанди кто читаль,
 И дядю Тобіа кто знаетъ,
 Кто много въ свѣтѣ испыталъ,
 И кто ужъ больше не мечтаетъ,
 Какъ рыцари старинныхъ лѣтъ,
 И не въ лорнетъ глядитъ насвѣтъ....
 Дай руку!.... мы не Донкихоты—
 Безъ Дульциневъ станемъ жить;
 Чтобы прелестницъ всѣхъ любить,
 Премного надобно охоты!!...

А тамъ гляди, Франтить проказникъ—
 Нѣтъ мочи на него смотрѣть—
 Усы Вертитъ, хохоль свой дразнитъ
 Безъ голоса—а хочетъ пѣть!
 Кругомъ вполглаза озираясь,
 И съ язвой глупо улыбаясь,
 На всѣхъ, какъ смилости глядитъ
 Прислушайся куда несѣтся;
 Но будто и съ того смѣется,
 И нехотя проговоритъ:

» Я нынче былъ у Генерала,
 » На вечеръ къ Князю укачу!
 » Графиня—къ завтраму сказала—
 » Отъ ней подарокъ получу!!...
 » Какъ право скучно!!!... и зѣваетъ—

На балъ съ театру поспѣшаетъ,
 Чтобъ выдержать высокій тонъ—
 О жалкое—мой другъ, творенье,
 Невольникъ чуждаго ты мнѣнья
 Сбрось тяжкій изъ себя хитонъ!....

Ты пароя загнулъ не кстати,
 И выраешь дружокъ нуль,
 Твои слова витѣсваты
 Литье твоихъ означать пуль.
 Но пули съ грубаго метала
 Не трафятъ и въ провинціала;
 Велику надобно мишень,
 Иль цѣлую поставить гору,—
 Чтобъ городивши столько вздору,
 Ты могъ когда потрафить въ цѣль.

Почтенья тѣмъ ты не заслужишь,
 Что знатностью чужой набить;
 А благомыслящій потужить,
 Что ты въ чужбинкѣ Сибарить.
 Взгляни же на себя ты дома
 Не хужель бѣднаго Пахома
 Находишь самого себя?
 Колю искру совѣсти имѣешь,
 Ты часто, часто пожалѣешь
 Не кстати много протрубя.

И я, мой другъ, теперь не кстатъ,
 Трубно, какъ видишь, наугадъ—
 Вить стиходѣи тароваты,
 Собою всемъ примѣръ давать,
 Но кто безъ слабостей родится
 И кто собою не гордится?
 Я презираю самъ себя—
 Но выдержать нѣтъ право мочи,
 Чтобъ правдою не брызнуть въ очи
 Лихихъ ни мало нещадя!....

Вы съ кѣмъ здѣсь въ городѣ знакомы
 Съ Пантимионычемъ..... fie donc!
 Вы простота сударь—безъ тону!....
 Да онъ чудесно какъ умѣнь;
 Умѣнь..... смѣшно..... но съ бороною,
 И можетъ ли онъ дать собою
 Хоть искру свѣтскаго добра?
 Стыдитесь вы, сударь, стыдитесь
 И съ торгашами не водитесь
 Ахъ, онъ дружокъ..... убилъ Бобра!!....

И носъ межъ пальцевъ заложила
 Сказала пѣсно на распѣвъ,
 О крестная ты, ты съ нами сила!
 Но тонъ высокій..... я нѣмѣлъ!
 Однихъ ей кресель мало было,

Въ другіе ноги посадила,
 И палець вдвинула въ уста,
 Другимъ невинно локонъ править,
 И то за тонъ высокій ставитъ—
 Прости всемошна красота!

Простите очи голубые,
 И черныя за дерзость мнѣ!
 Простите милыя богини,
 Зола при вашемъ я огнѣ—
 Невинная улыбка, ямки—
 Всѣ ваши милыя заманки,
 Прости всемоцный, томный взглядъ!
 При всей могущей вашей силѣ,
 Готовъ бѣжать скорѣй къ могилѣ,
 Чтобъ тонъ высокій не видать!—

Почотны граждане, вельможи,
 И дамы модныхъ степеней!...—
 О вы, что лѣзите изъ кожи—
 Исполнь богатства и затѣй!
 Простите мнѣ за гласъ свободы,
 Конечно пѣть я не по модѣ—
 Ползать предъ вами не люблю,
 А сидючи частенька дома,
 Въ бесѣду я зову Пахома,
 Ъмъ щи свои и воду пью.—

Мы съ вами въ вѣкъ не сговоримся,
 Я по Французки негоразъ,
 Да и Нѣмецкій негодится,
 Для вашихъ возвышенныхъ фразъ;
 По Польски мало разумѣю,
 Въ Латынь пуститься тожъ не смѣю,
 Пусть древность во усопшихъ спитъ;
 Языкъ же искренности, дружбы
 Давно взявъ абшидъ съ вашей службы,
 Для васъ навѣрно промочить.

А вы прелестныя плутовки,
 Вы модницы—на вѣчный ладъ!
 Мирюся съ вами!—безъ угонки—
 Желалъ бы милое поймать;
 Хотя я право не борзая,
 Но васъ душевно почитаю
 Для васъ готовъ собакой быть.
 Какъ вѣрный другъ любить васъ вѣчно,
 Безъ лести искренно, сердечно—
 Да можноль васъ и не любить?....

НЕСЧАСТЛИВЕЦЪ.

Въ 1815 году.

На мой манеръ, весь свѣтъ смѣшонъ,
Въ немъ что-то все идётъ не такъ;
Лягушка тамъ кричитъ ква, квакъ!!!
А тутъ, дуракъ всё смѣсть!
Судьбѣ дана велика власть,
Мнѣ жаль, что я не знаю,
Гдѣ созданъ для насъ чертогъ
Отъ куда счастье шлѣтся?
Я много на себя ужъ взялъ,
Прости меня природа,

Съ судьбой браниться захотѣлъ,
Такъ вѣрно я несчастливъ!
Но что по пустякамъ ворчать,
Коль на цѣпи сидѣть посаженъ,
Добро, ты правъ—ложись-ка спать—
Не забираясь далеко!
Разсудокъ!—помни ты дружокъ,
Свой нищинскій, пустой кружокъ—
Вить лучше спать спокойно!!!!...

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

Я также счастье манилъ,
Манилъ обѣими руками;
Гляжу!.... оно фирюльки строитъ,
И хочетъ вестъ меня въ храмъ славы.
Тьфу чо!... неужли въ самомъ дѣлѣ
Не въ шутку тамъ я очутюся?
И на фортушной постель
Вотъ такъ, какъ видишь развалиюся;
И чтожъ дружокъ, отъ толь гляжу я
Но всё глазами ужъ не тѣмъ,

И всю природу размежуя
 Дѣлюся всѣмъ, уже со всѣми—
 На бѣдный свѣтъ не сталъ кричать,
 И сталъ спокойнѣй какъ то спать,
 И не сержусь, хоть надоѣли.—
 И всё какъ бы со мной сроднилось
 Прекрасное—и даже голь,
 И сердце такъ развеселилось,
 Что я доволенъ сталъ собой;
 Такъ вотъ, что значить быть счастливу?
 Незлобну быть, неприхотливу,
 Любить всѣмъ сердцемъ и душой
 Всѣхъ добрыхъ и честныхъ людей.
 Не быть завистливу къ чужому,
 И удѣлять всегда другому
 Излишекъ отъ своихъ даровъ;
 Тогда не сыщешь столько словъ,
 Чтобы излить свое довольство.
 Въ вѣкъ не покажешь своевольтва
 Вотъ значить какъ, по Божью жить:
 Любить, любить, любить, любить!!!

ПЕЧАЛЬ

О

ПРОТЕКШЕЙ ЮНОСТИ.

Молодость наша проходитъ
Съ ней улетять и мечты,
Мрачными зрятся природы,
Прежніе всѣ красоты.

Также поля зеленѣютъ,
Также намъ птички поютъ—
Также намъ солнышко грѣетъ—
Рощи прохладу даютъ.

Ночи ли мракъ наступаетъ,
Блѣдная ль свѣтитъ луна?
Таже ли въ небѣ сіяетъ
Звѣздъ не исчислима тьма?

Видится тою жъ природа.
 Но утѣшенія нѣтъ,
 Ахъ возвратитесь годы
 Прежнихъ счастливѣйшихъ лѣтъ!

Дайте парить воображенью,
 Дайте фантази жить!
 Юности лѣта безцѣнны—
 Можно-ль о васъ не тужить?
 Можно-ль душѣ полумертвой,
 Чунть свое бытіе,
 Бывши нестерпимою жертвой,
 Власти о время твоей.

Что же вздыхаю, томлюся,
 Слезы горючія лью?
 Передъ судьбой не смирюся,
 Что же природу виню?

Вижу по камушкамъ мчится,
 Быстро прозрачный ручей.
 Онъ мнѣ подобіемъ зрится,
 Юныя жизни моей.

Ты протекалъ по муравкѣ,
 Ты протекалъ средь цвѣтовъ—
 Сыпалъ и я для чернавки,
 И для бѣлянки любовь!

Ты напоялъ и долины,
 Ты напоялъ и сады—
 Ахъ! о прошедшей годинѣ—
 Лучше не помнилибъ мы!

Но ручеекъ твои воды,
 Въ море струяся текутъ—
 Также мнѣ милые годы,
 Къ вѣчности быстро бѣгутъ.

Русые кудри не вьются,
 Тупы и очи мои—
 Слышитель нимфы смѣются.
 Бреннымъ остаткамъ любви?

И голова посѣдѣла,
 Въ частыхъ морщинахъ чело,
 Сердце гдѣ прежде кипѣло—
 Стало, какъ ледъ холодно.

Въ руки ли что попадется,
 Видится тоже не тѣмъ;—
 Это то грозное время—
 Старостью, смертию зовемъ!

Взглянешъ на юныя лица,
 Завистью кровь закипитъ,
 Виждь Всемогуца зеница
 Бѣдная тварь говоритъ:

Чѣмъ предъ тобою виновенъ
Ты же оставилъ меня?
Старость мою приускоривъ
Жизнью влачуся стена.

О Всеблагій Милосердый!—
Внемли сердечный мой гласъ!
Вѣкъ возврати мнѣ прошедшій—
Или—пусть грянетъ мой часъ!!...

СУЕТА СУЕТЪ.

Коль скука на умѣ, коль сердцу тяжело,
Чѣмъ погги виноваты, за что же ихъ кусать?
Помыслишь такъ и сякъ, но все же вить не лучше
Взглянешь-вездѣ увидишь, одно мерцанье счастья?
Я часто на крылахъ летать воображенья
Летаю—но все напрасно—все мыльны пузырьки,
Взглянулъ я и на славу-взглянулъ и на покой,
Взглянулъ и на богатство, на все, на все взглянулъ,
Но что же я увидѣлъ?.. Ахъ сжальтесь надо мной,
Кивая головою..... Вотъ весь вамъ мой отвѣтъ.....

И что могущество?—тажъ смерть его сѣчетъ?
 Вѣнки лавровы вянутъ, и славы стихнетъ гулъ,
 Пѣвецъ, хоть проворкуетъ; но вѣчность глубока,
 И кто на вѣрно знаетъ, что завтра скажетъ намъ?
 Мы мыслями своими въ превыспренни летимъ,
 Творца постигнуть чаемъ, о бѣдны твари мы,
 О тусклая премудрость, мишурна мишура!
 Гордимся мы собою, блуждая въ темнотѣ,
 Къ чему же гордость наша? мы всѣ натопыри!
 Незная Провиденья, тоскуемъ ни о чемъ,
 Въ восторгѣ торжествуемъ, и часто злой нашъ рокъ.
 Сель лучшее творенье природы красота,
 Заблудная овечка, несчастный человекъ?
 Вотъ солнышко явилось, взошедъ на горизонтъ,
 Всѣ твари оживились, ликуетъ радость все;
 Но мракъ не освѣтится смятенныя души,
 Лучи не проникаютъ во царство вѣчной тьмы,
 Я правъ, или виновенъ, того не знаю самъ,
 Когда-жъ дана мнѣ воля: почто же умъ мой слабъ?
 И почему не смѣю природу шевелить,
 Имѣя убѣжденье Творца и все любить?....

ОШИБКА ВЪ РАСЧОТАХЪ.

Бываетъ самъ съ собой мечтаю;
Что лучшаго найти не въ мочь,
Фантазін бѣгите прочь—
Напьюсь, хоть съ трубкой чаю.

До кофею недоживешь
Не то, холодну пей, водичу,
Поодаль объѣзжай Столицу,
Или въ просакъ ты попадешь.

Коль царской службы поотсталъ;
Въ твоємъ карманѣ денегъ нѣту,
То не увидишь солнца свѣту,
Вездѣ въ глаза тебѣ туманъ—

И сердце станет тосковать
 Съ собой коль нѣгдѣ приотпиться,
 Начнешь усерднѣе молиться,
 Творца вселенной прославлять!

Тогда Волтеры, Дидероты,
 Изъ памяти твоей ужъ прочь;
 Коль стало намъ и жить невмочь,
 Не будетъ умничать охоты.

Тогда и церковь на дорогѣ,
 Зайдешь и не зѣвать туда,
 Молиться станешь безъ труда
 Со умилениемъ сердца Богу.

И вздёрнувъ носъ на бульваръ
 Глядя вполъ глаза не помчншся,
 И болѣе не расфрантишся,
 Надѣвши модный свой кафтанъ!...

И всѣмъ давать дорогу станешь,
 А идѣ шапочку ламать—
 Хохла не будешь подымать,
 И самъ въ себя заглянешь.

Увянетъ горделивый духъ,
 Собой, что столько веселился,
 Когда слезами ты омылся—
 И легокъ твой карманъ, какъ пухъ.

А то когда звѣнить въ карманъ,
 Забота, деньги гдѣ дѣвать,
 Уляжешься какъ будто спать,
 Но всё насъ мучать планы—

Тутъ строишь замки со садами,
 Торгуешь модный экипажъ,
 Торгуешь сбрую съ лошадьми,
 Тамъ плешь къ любовницѣ склаважъ.

Нль балы строишь для почтенья,
 Украткою благотворишь,
 Но такъ, чтобы благотворенье,
 Имѣло бы въ запасъ кредитъ,

Чины и славу покупаешь,
 И всё, что въ голову прійдетъ.
 А послѣ Крезъ нашъ позѣваетъ
 Съ сердечнымъ трепетомъ уснѣтъ.

Мечтаются во снѣ пожары,
 Разбойники—грабежи кругомъ,
 Нль воры потронуть карманы,
 Ну, словно-грезится содомъ—

И вотъ отчаянье явится,
 Трепещеть—дыбомъ волоса—
 О вы свящанны небеса!
 Къ чему же намъ стремиться?

Стремись къ себѣ ты самому,
Въ страстяхъ своихъ поудержися!
Усерднѣй Господу молися,
Дай въ благо дѣйствовать уму!—

Не забывай, что черны дни,
Незваны къ намъ всегда приходятъ,
И худо если насъ находятъ,
Въ расплехъ—въ безнравственной связи.—

ПОДЛОСТЬ.

Отъ подлости ни гдѣ, ни гдѣ нельзя сокрыться,
Вездѣ какъ бы змѣя преслѣдуетъ тебя—
Скрывая мерскій видъ—добромъ кажися зрится
Язвить ласкаяся—какъ будто бы любя,
Пить изъ внутренней твоей послѣдней соки,
И то ей кажется за чувства высоки,
Сосетъ всю кровь твою, зубами скрежеща—
Но тутъ же лисій хвостъ, хвостъ правды подкидаетъ,
И будто бы всегда добра тебѣ желаетъ;
И сколько кровь не пьетъ, а всё она тоща.—

Взгляните вы на тварь сію окрававленну.
И чувствуетель вы?... прольется въ жилахъ хладъ!
Хотя мерзигъ она, какъ водится вселенну,
Но видишь-льститъ тебѣ, и ты бываешь радъ.
О слабый человекъ къ чему же разумъ данъ?
Не пивши ни воды, ты видишься какъ пьянъ;
Закрою я глаза обѣими руками—
И будь то сказано, о други, между вами—
Терпи душа, терпи, лишь тѣмъ себя спасешь!
О Боже! я къ Тебѣ съ мольбою прибѣгаю:
Избавь меня отъ бѣдъ, колѣна приклоняю!
Неужель и Творца зла совѣсть превзойдетъ?

Б А Л Ъ.

Ярны волны бушуютъ,
Тучи сквозь тучи идутъ,
Каркають въ воздухѣ враны,
Буря мрачитъ небеса,
Вихри за вихрами мчатся,
Громы гремятъ по горамъ,
Въ трепетъ зрится природа,
Что же грядетъ на концѣ?

Мышь!.....

Мышь триумфально вступаетъ
 Въ поприще славы своей,
 Пастію страшно зіяетъ
 Глядя на сыръ изъ крупей,
 Тѣломъ и мыслью весела,
 Прыгаетъ, ножкой скребетъ,
 Съ лавки на лавку несѣтся,
 Нѣтъ никакихъ ей препонъ!....
 Ахъ, но какъ тутъ и на стражѣ.
 Страсный мой васинька котъ—

Васинька! не горячися,
 Крошку позволь ей пожить!
 Сыру ей дай поотвѣдать,
 Сладкій кусочикъ ты ждешь.
 Тише! хвостомъ не вертите,
 Ртомъ антраша мы небей!....
 Глазки закрой въ половину
 Ахъ потерпи! не мурчи!

Видишь ли мышка несется?
 Видишь ли какъ весела,
 Видишь ли, видишь ли мышку?
 Какъ она право мила!

Васька, стой, удержи—
 Вижу тебѣ невтерпѣжъ.

Ты погляди полюбуйся,
Послѣ ужъ скушай ее!....

Взглянь, позадумалась мышка.....—
Воображая тебя,
О! да какая плутишка—
Сырѣ ей и въ помыслѣ неидеть.

Ахъ! но вотъ запахъ отъ сыру
Къ носику скоро пришелъ,
Страстные глазки бросаетъ—
Бѣдная мышка въ него.

Прыгаетъ и въ восхищеньи—
Бросилась грызть, и глотать—
Котъ ей изъ памяти вышелъ,—
Сладокъ ли мышенька сырѣ?....

Василька!.... что жъ заглядѣлся?....
Ну же, лови! не зѣвай!....—

МОЯ ЗВѢЗДА.

Т. Ф. Л.

И осень на дворѣ,
И солнце вечерѣетъ,
Морщины на челѣ,
И голова съдѣетъ.

Я вижу наконецъ,
Что путникъ запоздаый,
Не въ сплахъ уберечь
И мысли величавой.

Ему подруга тягость,
 Мечты осиротѣлой—
 И о прошедшемъ жалость,
 Что годы улетѣли.

Съ природой ненастать
 Не вовремя тягаться—
 Кто много могъ желать,
 Тому не наслаждаться.

Лети же безотрадно,
 И мчи меня съ собой,
 О время коловратно,
 Теперь я узникъ твой!....

Ужъ страсти улеглись—
 Пора всему пришла—
 Духъ бурный, не мятися!
 Твоя звезда зашла!—

Она была блестяща,
 Но огонь ея лучей,
 Сожогъ меня томяща
 Прильнуть душею къ ней—!

Съ унылымъ равнодушьемъ,
 Взираю я на свѣтъ,
 Звѣзды моей не стало
 О Богъ, ся ужъ нѣтъ!!!!...

МЕЧТА.

Ограда жизни моя
Мечта тебя я обожаю!
Ты некторъ мнѣ на сердце льешь,
Въ тебѣ всё счастье обрѣтаю;
Представлю ли себя героемъ—
Уже я свѣта властелинъ!

Всё взгляда моего трепещить,
Одинъ есть Богъ—и я одинъ!....
Что Цезари и Тамерланы,
Что Фридерикъ, Наполеонъ!
Они не такъ-какъ я мечтали,
Я жъ опрокину всё вверхъ дномъ.....

Хочу я быть миллионеромъ
 И всѣ сокровища мои!—
 Богатства Крезовъ въ мірѣ сущихъ,
 Текуть ко мнѣ какъ водѣ струи.

Ляшъ только вздумаю любить,
 Какъ тутъ Венера предъ глазами,
 Или вполне счастливымъ быть—
 И счастье льется мнѣ рѣками.

Хочу-ль теперь чтобъ возвратился
 Златый Анакреона вѣкъ—
 И вмигъ съ свирѣлками пастушки
 И пастухи сидятъ у рѣкъ—
 Овечки прыгаютъ по холмамъ,
 И соловьи въ кустахъ поютъ—
 Они жъ въ объятіяхъ другъ друга,
 Нектарны поцѣлуй пьютъ.—

Въ безумной гордости мечтаю,
 Я, я одинъ, всему творецъ!
 Міры я рушу-создаю—
 На новый лучший образецъ,
 Зенитъ съ надиромъ соединяю
 И полюсы въ единый пунктъ—
 И послѣ что же? позѣваю.—
 Въ забытіи спѣшу уснуть.

И А Д И П С И.

1.

ПОДЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ СПАСИТЕЛЯ.

Божественной души страданія почитите
Верховному уму, дань должну отдадите,
О вы кичливыя и дезкіе умы!
Помыслите о томъ, кто сей, и что же вы?
Да усыплятся всѣ продерзостны мечтанья!
И—да исполнятся предвѣчнаго желанья—
Да будемъ мы на вѣкъ руководимы имъ,
Чтобъ счастье обрѣсти во правдѣ, яже съ нимъ.

2.

КЪ ПОРТРЕТУ НАПОЛЕОНА.

Великій человекъ! твой умъ весь міръ потрясъ,
 Гроза Царей и царствъ, по что жъ себя не спастъ?
 Ты на землѣ былъ то, что въ небѣ суть кометы;
 Твой гений осязалъ великіе предметы,
 Въ ошибкахъ же своихъ ты былъ ужъ слишкомъ малъ;
 Тебѣ, великому, никто ихъ не прощаль.—
 И для того ты слылъ на островѣ Елены,
 Чтобы тицету затѣй явить собою вселенной!
 И что же наша жизнь, коль въ купѣ всѣ короны
 Невластны премѣнить Звѣздителя законы?
 Не лучше-ль въ тишинѣ овецъ не злобныхъ пастъ,
 Чѣмъ страшной высоты тебѣ подобно пастъ?....

5.

КЪ ПОРТРЕТУ ЕГО ЖЕ.

Въ 1820 году.

Пошелъ гигантскими шагами
 По тверди Европейской онъ;
 А духъ парилъ подъ небесами,
 Великъ, великъ, Наполеонъ!

Онъ насторонніе короны,
 Себѣ на неподвластны троны,
 Взиралъ, какъ на строигивый родъ;
 И мня безумство всѣхъ исправить,
 И на своемъ бы всё поставить,
 Идѣть!....

Вѣнки лавровы всюду рвѣтъ!....
 Онъ царства новы устрояетъ,
 Царей изъ ничего творить,
 Вездѣ законъ свой проявляетъ,
 Его вселенна не вмѣститъ!!...
 И наконецъ мы видимъ что же?
 Величье вселось въ тѣснотѣ,
 Правдивъ твой судъ Великій Боже!
 Явились времена нетѣ.
 И прахъ великаго!.... и гдѣже?
 А сколь ужасенъ былъ онъ прежде....

4.

ФРИДЕРИКУ ВЕЛИКОМУ КОРОЛЮ ПРУСКОМУ.

Фридерикъ! ты великъ, какъ Царь, какъ человекъ.
 Ты жизнью доказалъ, что Богъ тебя облекъ
 Въ порфиру для того, чтобы явился міру
 Примѣръ, носить царямъ со славою порфиру.

5.

КЪ ПОРТРЕТУ А: Т: БАТАРОВСКАГО

Проходятъ дни, недѣли, годы
Прискорбныя моей свободы..... (4)
Когда разстался, другъ, съ тобой (5)
Что жъ будетъ далѣе сомной?
На сердце будто бы туманы
Слегли, и сухо точать раны,
Что въ немъ любовь произвела;
Съ тобой лишь жизнь моя цѣла!!...

М А Ш Ъ.

Къ тебѣ, мой другъ, я шлю сей вздохъ
Красы обитель несравненна,
О Маша! еслибъ я возмогъ
Тебя увѣрить, сколь блаженна
Теперь вся жизнь моя себѣ,
И сколько преданъ я тебѣ,
Какъ сердцу моему отрадно
Тебя, что смѣло полюбить,
Что смѣетъ лишь тобою жить,
Ахъ, и мечтать о семъ пріятно!

Въ тебѣ природѣ я дивлюсь
 Тобой живу, тобой стараю,
 Тобою въ сердцѣ веселюсь
 Въ тебѣ весь міръ я созерцаю.
 На комъ ты остановишь взоръ,
 Тамъ будетъ счастья приговоръ,
 Хотя бѣ разсудка онъ лишился,
 Очарованіе любить,
 Въ тебѣ одной себя забыть
 Есть то, чѣмъ всякой бы гордился.—

Люблю тебя! но въ сердцѣ адъ,
 Ахъ Маша! если бы ты знала,
 Что значить твой преместный взглядъ,
 Тогда бѣ ты глазъ не раскрывала;
 Ты добродушна, а незла,
 И предъ тобой, чѣмъ виненъ я?
 Зачто жъ меня ты поразила;
 Я такъ досель спокоенъ былъ,
 Такъ тихо жизнь свою влачилъ;
 Но ты, всего меня лишила.

Взглянула! и—конецъ мечтамъ!
 Прости, о Боже Милосердый!
 Себя, Тебя оставилъ тамъ,
 Гдѣ можетъ храмъ, жестокосердый;—
 По жиламъ хладъ моимъ бѣжитъ,

Вся внутренность моя дрожить,
 Когда холодность воображаю—
 О Маша! прелесть всѣхъ времянь;
 Будь жалостна къ моимъ слезамъ!
 По вѣрь-тебя я обожаю!!...

Въ забвеньи по полямъ брожу
 Тебя лишь зрю во всей природѣ.
 Я всё тобою здѣсь зову;
 Мнѣ Маша все:—и огонь, и воды
 И солнце, и луна, и громъ,
 И тишина—и вихрь крутомъ—
 Что съ бурями въ порывахъ свищетъ
 Мнѣ кажется какъ бы зефиръ;
 И сей—и невидимый, міръ
 Одной тобою, другъ мой, дышетъ!

Во всякомъ хлѣба колосѣ
 Теперь который мечутъ въ скирды,
 Летншь, ты Маша на гумнѣ—
 И жизнь моя летаетъ съ ними!....
 И стукъ цеповъ, и самый прахъ,
 Какъ вѣютъ хлѣбъ, есть Маша страхъ;
 Которымъ сердце мое полно,
 Ахъ! слабо всё, что нисказалъ,
 Мой духъ тебя воображалъ;
 И льзяль то выразить достойно?

Воображенъ на конѣ,
 Съ тобой летаетъ по манежу,
 Ты мысль наявѣ и воснѣ,
 Тобой живу, тобою брежу—
 Тебя я пригорюнясь зрю,
 И всю тебя, во всемъ люблю;
 Уже твои я видѣлъ слёзы—
 О вы, моихъ отрава дней,
 Вы огонь чарующихъ очей
 Вы ароматъ цвѣтущей розы!....

Твой ростъ, твой станъ, окладъ лица
 И алебастровыя руки,
 А черны очи—а уста?
 Улыбка! все—о сладки муки!
 Я мучуся, и счастливъ тѣмъ,
 Я мучуся—гляжу—и нѣмъ.
 А зубки будь-то бы жемчуги—
 А бѣлоснѣжна шея—грудь!!
 Ахъ, дайте мнѣ, хоть здѣсь вдохнуть,
 Сердечны перевестъ натуги!....

Еще души твоей незнавъ
 Одинъ лишь образъ обожаю,
 Твой кроткій мнѣ^в невѣдомъ правъ,
 Но я его воображаю—
 Паружности прелестной зракъ,

Добрѣйшій души есть знакъ,
 Ты негорда и нехвастлива,
 Умна, скромна, лобезна всѣмъ,
 Внимательна и зрится тѣмъ.
 Въ тебѣ невѣдомая сила.—

Въ гостинѣй сладко говоришь,
 Твой видѣнь умъ, образованье—
 Себя кумиромъ тамъ творишь,
 Ты всюду, всѣмъ очарованье!
 Но если крадучись взглянешь,
 Ты въ райскій плѣнь свой всѣхъ берешь—
 И безъ возврату пропадаютъ;—
 Кто съ чувствомъ, вкусомъ и душой,
 Тотъ вѣрно будетъ самъ не свой—
 И сердце въ томъ уже страдаетъ!....

О сладкіе мечты отсель,
 Летите къ Машинкѣ безценной!
 Представтесь такъ же вы и ей,
 Какъ предъ моею натурой бренной;
 Забѣйте ей въ пристойный часъ,
 Что всей природы кроткій гласъ
 Её теперя умоляетъ,
 Самъ Богъ сердца благословить
 Пока въ насъ жизни огонь горить—
 Ахъ всё подъ солнцемъ угасаетъ!—

Представьте ей вы тишину,
 И жизни счастье семейной,
 Представьте Машиньку въ жену—
 Супруга нѣжность безпредѣльну!
 Какъ сладко въ парѣ съ другомъ жить,
 И горе по поламъ дѣлать,
 Не занимаясь суетами
 Творцу молиться каждый часъ,
 Да подкрѣпить любовь онъ въ насъ,
 Прелестными, какъ ты дѣтми!—

Вотъ, Маша, весь эскизъ души!
 Теперь въ твоей ужъ будетъ воля,
 Пожалуй, что я не пиши,
 Но чувствовать всё властенъ болю,
 А ты судьбу мою рѣшай,
 Дай счастье мнѣ, нѣль поражай
 Кинжаломъ лютаго презрѣнья,
 Я твердъ, но слезъ моихъ роса
 На сердце канетъ—и краса
 Твоя увянетъ безсомнѣнья—

Теперь во мнѣ стѣснился духъ,
 Сказать я болю неумѣю,
 Склони, о Маша, нѣжный слухъ
 На гласъ любви, которой глѣю!
 Великій Боже! помоги—

Моей невиннѣйшей любви,
Воззри на слезы умиленья
Творецъ! и повели Ты ей,
Подругой быть мнѣ въ жизни сей—
О Маша, милое творенье!!!!

АКРОСТИХЪ.

Можно ли любви незная
Вѣкъ свой такъ и сякъ прожить?
Ахъ такая жизнь пустая,
Насъ не можетъ веселить!
Разумъ нашъ и сердце скажетъ
И въ разгулъ молодомъ
Імя Вертера покажетъ
Что милѣй всего любви:
Я давно уже томлюся,
И предмета всё ищу,

Ахъ къ чему же прилѣплюся—
 Вотъ о чемъ всю жизнь грущу:
 Соня, называетъ хладнымъ,
 Лиза, дразнить гордецомъ—
 Таня, слишкомъ своевольнымъ—
 Саша, неучью, глупцомъ—
 А Анюта, слишкомъ добрымъ—
 Катѣ, тоже я не владѣ,
 Фи! да долго ли подобнымъ.
 Слогомъ Машѣ трактовать?
 Израильски невѣсты,
 Несложили бѣ мнѣ цѣны,
 Если искра будетъ чести,
 То забываютъ и ту они—
 Вамъ, красавицы, возможно,
 Наше счастье довершать;
 Нужноль вамъ столь осторожно
 Намъ донитки разбирать? «
 Ангелы родятся въ небѣ;
 На землѣ-жѣ, лишь человекъ,
 Сомнѣваясь въ сей потребѣ,
 Значить потерять свой вѣкъ;
 А морщины съ сѣдиною
 Вамъ конечно ненавкусъ,
 Худо быть съ душой прямою,
 Скажутъ просто глупъ, нѣ трусъ;

Но настанетъ грозно время,
Какъ краса по отцвѣтѣтъ,
О тогда и пустомѣля,
Старикашка въ ростъ пойдѣтъ!
Вы желаете богатства,
Красоты природы всей,
Смысла, знатности, убранства,
Или значущихъ честей?
Какъ же быть? а другъ мнѣ нуженъ,
О Всевидащій Творецъ,—
А, нашоль!—неоканфуженъ;
Счастью моему вѣнецъ!
Я съ трепетомъ гляжу начальныя слова—
Лобзаю ихъ—увы! и все же не жена!!...

НА ПАМЯТЬ.

Ея Превосх: М. Я. Б..... й.

Готовы перья и чернилы
Вамъ хочется стиховъ моихъ;
Издавна сердце мнѣ твердило
Нетратить тамъ рѣчей своихъ,
Гдѣ упованье—суета;
А счастье—мечта!
Вы приказали—повинуюсь;
Но что, вы, приказали мнѣ?
Сказать, что видѣлъ я воснѣ,
Или, чѣмъ на яву люблюсь,

Непризываю вдохновенья

Оно не мнѣ дано въ удѣлъ,
 Что шагъ—что слово—то сомнѣнье:
 И куча острыхъ грозныхъ стрѣлъ—
 Слезами стрѣлы окроплю,
 Коль не могу сказать люблю!
 И то душѣ моей отрадно,
 Коль въ домѣ вашемъ есть привѣтъ,
 Коль Лиза что при мнѣ споетъ,
 Я слушаю—и мнѣ понятно!....

Вамъ свѣтъ давно статья знакома,
 А для меня туманенъ онъ,
 Но я о свѣтѣ ни полъ слова,
 Онъ видѣнъ лишь для знатоковъ,
 Души люблюсь простотою
 Моей эмблемою святою,
 Её одну всегда я чту.
 Живя безъ всякихъ экивоковъ
 Мнѣ кажется и то жестокимъ,
 Коль скажутъ не.любя—люблю! (б)

Но если въ смыслѣ мнѣ буквальный
 Принять подобныя слова,
 А не въ кадрили фигуральный;
 Моя бь вѣкружилась голова
 Отъ счастья—избави Боже,

Чтобъ не сказать и мнѣ товоже;
 У всякаго есть свой кадрилъ:
 Я Таничку люблю душою,
 Пльняюсь Юліей, любовью,
 А Лизинъ нравъ—меня сразилъ?

Мнѣ милы всѣ, и радъ бы душу
 За каждую—иль каждой дать,
 Но я..... но я.....—я право трушу,
 Чтобъ не сказать мнѣ невпопадъ!
 Судите сами Христіянски
 Бываютъ ли въ любви безъ маски?
 Вить это, право, старина,
 Сказать люблю тебя отлично
 Въ глаза, и стыдно, неприлично—
 Особенно жъ—когда одна.

Всѣ нынче дамы и мужчины.
 Кричатъ о жизни холостой,
 Добро бы такъ, когда морщины
 Украсютъ лбы ихъ пестротой;
 Но нѣтъ—теперь и въ лутчиши лѣты
 Сии причудливы обѣты
 Изъ устъ переходятъ въ уста!
 Куда жъ прикажите дѣваться
 Теперя тѣмъ—кто наслаждаться
 Хотѣлъ бы прозой—не въ стихахъ?....

Къ Е. А. В.

Что честно, то всегда прилично,
 Во мнѣ же предразсудковъ нѣтъ—
 Пусть говоритъ, что хочетъ свѣтъ,
 А мнѣ такъ вѣсть себя обычно.
 Безъ позволенья къ вамъ пишу,
 Обидитесь, молчать я стану;
 И вѣчно въ дверь къ вамъ не загляну,
 Сидѣть часть мечты вамъ приношу.
 Не думайте, чтобъ снести легко
 Сіе мнѣ было, я не камень,
 Хотя отъ васъ и далеко,
 Но... но—боюсь быть страненъ!!...

Н Е Л Ъ З Я.

Къ А. С. Б.

Вы жъ знаете, что за стихи
 Бываетъ часто не хи, хи!
 Когда же исплопадь въ кадрили
 То лучше пожалѣйте вы
 Что вашъ сосѣдъ—увы! увy
 Себѣ въ глаза пустилъ лишь пыль.

Къ Г. В. П.

И жаръ любви среди заботъ,
Соединясь съ серпомъ, косою
Мнѣ зрится тѣнью роковою,
Которая меня ведетъ
Куда?—въ чертоги-ль наслажденья,
Въ вертепы-ль адскаго мученья,
Или..... но я молчу, я нѣмъ?
Скажите, что со мною будетъ,
Мнѣ дастъ ли жизнь, или погубитъ
Она—и буду ль счастливъ тѣмъ?

Любовь! съ тобою рай земной
Мнѣ въ душу кажется тѣснится,
Мнѣ днёмъ и ночью только снится,
Что я живу, дышу тобой;
Но долго-ли мечтой питаться,
И долго-ль явно заблуждаться,
Что я счастливъ, коль я одинъ?—
И толи назначенье рока,
Что надо мной рука жестока
Ея, всегдашній властелинъ?—

ОТДЫХЪ.

Къ А. А. Г.

А я спокойно предъ каминомъ
Въ теплѣ—въ тулупѣ у огня,
Питаюсь лишь табачнымъ дымомъ,
И вотъ вопросъ: живу ли я?

Не смѣйтесь же—и ради Бога
Не шевелите мой покой!
Ужъ скоро, скоро до порога,
Прогулка въ парѣ мнѣ съ клякой—

Съ лежки въ диванахъ шерсть свалялась
Недумайте—не слабость силъ;
А лѣнь проклятая напалась,
А я, какъ видите, одинъ.

И силъ не стало съ ней сражаться,
Отдадся вполнѣ ей во власть—
Да долженъ искренно признаться,
Что и лежу, не торопясь!....

ЖАЛОБА.

КЪ НЕМУЖЬ.

И словно я какъ Г...ъ поэтъ,
 Извѣстный страстью неумолкнуой
 Въ поэзіи неслишкомъ громкой
 Сержусь теперь на цѣлый свѣтъ.
 Миѣ всё зѣвается нѣтакъ,
 И самый солнца свѣтлый зракъ
 Потускъ, потускнувшимъ глазамъ,
 Пустякъ миѣ всё—пустякъ я самъ;
 Куда жъ отъ пустоты души
 Сокроюсь я, въ какую тварь,
 Въ какомъ лѣсу, въ какой глуши
 Набрелъ бы жизни я огтарь?
 Кругомъ кидаю я глаза?
 На всё прекрасное и что жъ?
 Вотъ въ жертву красотѣ слеза,
 Какъ часто въ ней встречаемъ ложь!
 Еще одно воспоминанье
 Миѣ чувствовать себя величь,
 Чго будто Божіе я созданье,
 И что душа во миѣ горить.—

ПРОЩЕНЬЕ.

КЪ НЕМУЖЬ.

Когда же невзначай меня холера злая
Съ собой къ расплаткѣ позоветъ;
То снмъ послѣдній вамъ вздохъ дружбы посылая,
Послѣдній шлю привѣтъ!—

ВЪ АЛЬБОМЫ.

1.

К. К. Зону.

Хоть скоро наша жизнь течетъ
Съ заботой скучной неразлучны,
Но завтра солнышко взойдетъ
И мы опять благополучны.

Одной тропинкою прямой
Дай руку Карлъ, пойдемъ до гроба!
Добро лишь тышится собой,
Своей трепещетъ тѣни злоба.

Потщуся завсегда тебя
 Себѣ примѣромъ лестнымъ ставить,
 Ты добръ—и можноли себя
 Подобнымъ именемъ безславить?

Хоть служба разлучаетъ насъ,
 Но не разстанусь я душою,
 А ты хотя въ досужный часъ,
 Припомни!—когда то жилъ съ тобою.

Б.

2.

А. И. Р.

Вы просите меня стишки вамъ написать
 Неслазливъ на Олимпъ—рѣшилъ я молчать;
 И для того прочелъ всего Шатобріана,
 Чтобы туды попасть безъ всякаго обмана,
 И вотъ теперь какъ есть отъ туда я испалъ.
 Пропалъ бѣдняжка я совсѣмъ, совсѣмъ пропалъ;
 Поплачте обо мнѣ подобныя мнѣ птицы:
 Безжалостны живутъ все девять тамъ сестрицы,
 Авось, состраждетъ, мнѣ, я думалъ Апполонъ,
 »Ахъ скройся отъ меня скорѣе! воскликнуть онъ.—
 Съ досады началъ я пермскую пить воду,
 Теперь же думалъ: мы начнемъ писать ужъ оду.
 Увы! какъ видите,—пишу, пишу, пишу.

И самъ не разберу—простите мнѣ! прошу!—
 Чего не влито въ насъ священною природой,
 Игнать противъ неё—пустою будетъ модой,
 Какъ не старался бы гомерить пиндарить,
 А кто чѣмъ сотворёнъ, тотъ тѣмъ и долженъ быть!...

3.

Н... Н... Л...

Вы часто веселы—но я не вѣрю вамъ—

Обманъ!

И пригарюнившись частенько вы сидите,

Печальной кажегесь—свѣтъ видѣть не хотите,

Не вѣрю ничему!

4.

А... А... Б... й.

Скажу вамъ за секретъ не требуйте стиховъ;

Я съ каждымъ словомъ васъ хвалить уже готовъ,

По скромности своей вы будете стыдиться;

А правды не сказать мнѣ тоже не годиться;

Пріятность, сердце, умъ—кого не восхитить?

Достоинствомъ такимъ, невольно станешь льстить.

5.

Л. К... Н....

Пріятна скромность мнѣ—пріятна красота
 Всего же болѣе—пріятно видѣть знатность,
 Подумаешь себѣ—на свѣтѣ всё мечта.
 Ахъ нѣтъ, взглянувъ на васъ,
 Увидишь всю пріятность!....

6.

Н. Н. Л.... ѵ

Вы правды хотите—а я рѣшился лгать!
 Васъ должно убѣгать,
 Вы злобы—вы сердиты!
 И вы теперь, не вы—
 Самъ Богъ не любитъ васъ.
 А,—а....—блѣдите?
 Въ перёдъ же не просите,
 Чтобъ вамъ стишки писать.—

7.

К.... А.... Ч.....

Пожалуста—всегда я буду
 Въ пустыняхъ сдѣвшихъ вспоминать—
 Пожалуста! я не забуду—
 Пока опять, опять, опять.....—
 Пожалуста!!!!..

8.

В... Ф.... С.... у

Вступая въ свѣтъ, мой милый другъ,
 Умѣй любить людей душою!
 Да будетъ твой всегда досугъ,
 Лишь занять дѣломъ, не мечтою.

Умѣй лилить ты судьбу,
 Когда она къ тебѣ ласкава,
 И Богу шли свою мольбу—
 Въ твоёмъ, чтобъ сердце тлилась слава—

Да духъ твой будетъ полнъ добра,
И скромность вѣчною эгидой,
Отъ всякаго въ семъ мѣрѣ зла,
И чуждыхъ замысловъ и видовъ.

Люби Монарха, службу, честь!
Люби прекрасныхъ безъ измѣны!
Ахъ сколько блага въ сердцѣ есть—
Другихъ—когда и мы смыслены!....

НЕДОУМѢНІЕ.

Л... М... С....

Не будетъ такъ какъ, ты хотѣлъ,
Слова души незамѣнять,
Судьба же въ перекоръ мечтамъ,
Тебѣ щелчкомъ дастъ знать себя
Тому давно я не дивлюсь,
Душѣ привычно тяготѣть
Подъ ношей тяжкою себя,
Она стремиться въ высоты;
Но слишкомъ грузъ ея тяжолъ,
Закопъ всеобщій и на ней
Всѣхъ тѣлъ, она падетъ—падетъ нанизъ.
Найдетъ ли же, хоть тамъ покой
Сіе загадка для меня?....

Мечты мои какъ призракъ сна
Блуждаютъ въ сумракъ сомнѣній,
И—не покажется она,
Средь немечтательныхъ явленій,
Къ чему же жизнь моя дана,
Коль не покажется она?—
Собой мнѣ суждено скучать,
Ее невидя заключать,
Ужасна мысль—Любовь нѣма.—
А я потеряю безъ ума....
Ахъ смѣйтесь блеклыя поля—
Вашъ сынъ потеряю безъ ума!!!..

ПРИЗЫВЪ.

Д... М... С....

Провидѣнье, скажи ты мнѣ,
Когда конецъ моимъ мученьямъ?
Когда стараемый въ огнѣ
Въ любви—и страстью упоенный,
Забуду хладъ могильный свѣта,
Услышу гласъ любви привѣта,
И ей проникнутый я вновь,
Забуду міръ! познаю Бога,
И духъ мой возродяся снова,
Уже не будетъ безтолковъ!—

Забуду рядъ, протекшихъ лѣтъ,
 Забуду всѣ души тревоги,
 Когда услышу я привѣтъ,
 Твоей чарующей любви—
 Тогда смирясь, сознаюсь я,
 Что Богъ правдивый Судія—
 Что Онъ мольбамъ моимъ внимая,
 Для счастья моей души
 Нашолъ меня въ степной глуши,
 Безъ казни ропотъ оставляя.—

И ты прекрасное созданье
 Явилось мнѣ издалика,
 Что бы сердечно трепетанье
 Утишила твоя рука;
 Я буду въ вѣкъ се любзать,
 Что бы Творцу хвалу воздать
 И въ семь восторга упоеньи
 Помчаться въ даль мои часы
 Я буду жить лишь для красы
 О восхищенье, восхищенье!

Ты станешь дни мои счастливы
 Прямой дорогою вести;
 Счастливые жъ не прихотливы,
 Ихъ доля сердцемъ въ вѣкъ цвѣсти!
 Мнѣ будетъ солнышко яснѣе

Поля и рощи зеленѣе—
 И птичекъ пѣсни веселѣй—
 И сами даже хищны звѣри,
 Хотя я злобѣ ихъ не вѣрю;
 Мнѣ будутъ шерстію милѣй!....

Пусть на дворѣ вихрить метель,
 И вся въ волненіи природа,
 Но ты возлѣ меня, и вѣрь—
 Мнѣ будетъ ясная погода!
 Мнѣ чѣрнымъ блескъ твоихъ очей,
 Яснѣ солнечныхъ лучей!
 Тумановъ видѣть я не стану,
 И могутъ ли туманы быть,
 Глаза гдѣ прямо милой глянуть.
 Съ желаньемъ искреннимъ любить?....

Пусть громы въ облакахъ гремятъ
 И съ шумомъ дождь на землю леть,
 Твои жъ уста заговарятъ,
 И вся природа улыбнется,
 Утихнеть всё и я молчу,
 Тебя, въ тебѣ одной ищу,
 И восхитясь до упоенья,
 Гармоніей твоихъ словесъ,
 Въ тебѣ зрю Божіе велѣнья—
 И возлетаю до небесъ.—

Твой умъ, характеръ, и душа,
 Лишь созданы во славу Бога!
 Ты не по модѣ хороша,
 Твоя краса всегда готова,
 Въкамъ предстать въ своемъ эгидѣ,
 Какъ будто Тассъ, въ садахъ Армиды,
 Или Державинъ, въ одѣ Богъ—
 Высокомѣрія незнаешь,
 И кто постичь тебя лишь могъ,
 Того съ собою увлекаешь.—

Да породиться жъ другъ мой, чувство
 Въ тебѣ увлечь меня съ собой!
 Въ твой храмъ любви, гдѣ нѣтъ искуства,
 Гдѣ дышетъ все, тобой одной.
 Гдѣ нѣтъ ни скорби, ни печали,
 Гдѣ бъ нашу жизнь, какъ вихрь промчал
 Восторги пламенной любви,
 И позабывъ, что мы земные,
 Вкушали бъ блага мы прямые,
 И въ гробъ кушно бы легли!....

ПУТЕШЕСТВІЕ.

Къ Л. М. С. А... С... Б... у.

Мой тѣска, другъ! и свать Алеша!
Не безкуражъ же нановаль.—
Когда не выпала пороша,
А нашъ братъ въ трубы заиграль,
И не впопадъ поѣхаль въ поле,
Хоть сердцу горе, горе, горе,
Но псы не чувствуютъ того,
Они въ восторгѣ завываютъ,
Нѣтъ звѣря, такъ на насъ полаютъ:
Кричи жъ, мой другъ: агу сво!!...

Не знаяши роли красна звѣря
 Пушуся зайцемъ я ѡбжать,
 Собаки же на мнѣ измѣря,
 Свои гортани—лягутъ спать;
 Не то—такъ съ шумомъ вѣтръ порывный
 Поразнесётъ ихъ заунывный
 И мною нелюбимый вой;
 А ты, мой другъ, свой бичъ направивъ,
 И концертистовъ позаставивъ
 Лишь выть подъ полюсъ роговой.

Прошло пять лѣтъ отъ роковаго
 Явленія во снѣ еудьбы—
 И сердце вдругъ за трепетало
 Твердить сто кратъ: иди, иди!
 Прійми, что Богъ тебѣ на значить,
 Чтобъ свой удѣлъ переименить
 И я къ тебѣ стремглавъ лечу;
 Не слушаю твоихъ резоновъ,
 И предразсудка бывши полонъ—
 Съ тобою на д...ъ качу.—

Митель въ глаза—бушуютъ вѣтры
 Замерзлая хруститъ земля
 Сердце же нашихъ liebe-метры,
 Кура жъ другъ другу лишь твердятъ!
 Мечтая будущее счастье,

Для насъ ничто было ненастье
 Всѣ далѣ мчались, какъ мятель,
 Но вотъ лѣсокъ—и повернули,
 Кричимъ пошолъ!—ужель заснули!
 Какъ вдругъ корабль нашъ съѣлъ на мѣль!...

Ось лопнула и мы пѣхотой,
 Ни что намъ бурна мрачна ночь,
 Ты къ счастью велъ меня охотой,
 Желая искренно помочь!
 Энотами не тяготился,
 И потомъ хоть своимъ умылся,
 Упрека мнѣ не произнесъ.
 Сіе вполне я оцѣняю
 Въ душѣ тебя благословляю—
 И для тебя готовъ я весь!

А вотъ и огонёкъ мелькаетъ,
 Я тѣнь Л..... Н..... зрѣлъ
 Но Б.....ъ собаки лаютъ
 Вдругъ стихло!!...—лишь въ провалъ слетѣлъ
 Сынъ Бахуса съ мечтой блаженства,
 Бывъ упоенъ до совершенства
 Ахъ милый! думалъ я—и ты
 Ходилъ съ утра, какъ я ногами
 Подъ вечеръ же ползешь ты съ нами
 На четверенькахъ до мечты.—

Дать сабѣно призраку nocturno
 Свободенъ онъ—мы дале ѿдемъ,
 Къ Ба...му блестящу дому
 И вотъ уже передъ крыльцомъ
 Конецъ бѣдамъ—и отряхаясь
 Ты въ домъ спѣшилъ не озираясь,
 А я душой лѣвѣй лѣтъ—
 Взглянулъ—вдохнулъ—моляся Богу.
 Да къ счастью озаритъ дорогу
 И ниспослетъ бѣдамъ предѣлъ!

Да я въ желаньи утвердися
 Не буду болѣ слабодухъ,
 И ею больше убѣдися,
 Что слаще жизнь намъ будетъ въ двухъ;
 Да мотылькомъ я быть престану,
 Въ нѣе я пристаивать загляну,
 И если сыщется порокъ;
 То разсужу, и очень строго
 Безъ прихоти—себя самого,
 Не будетъ ли—отвѣтомъ, вздохъ?—

Да людямъ больше вѣрить стану,
 Не все же въ нихъ, земля и прахъ,
 Я въ душу ихъ съ любовью гляну,
 Навѣрное, пройдетъ мой страхъ—
 И я съ веселою душою,

Довольный ставни самъ собою,
 Пущусь въ невѣдомый мнѣ путь—
 Быть можетъ духъ любви мірскія
 На мнѣ съ участіемъ почія,
 Возможенъ мудрость мнѣ вдохнуть.

И я смирясь предъ Провидѣньемъ,
 Пущусь къ цѣли прямикомъ—
 Прельстися жъ новымъ мнѣ явленіемъ
 Найду я сласть въ быту такомъ.—
 О сердце, сердце! отдохни же,
 Вѣдь ты не всѣхъ же въ мірѣ ниже,
 Но вотъ направо посмотришь—
 Я вижу чистоту нарядну,
 Въ покояхъ даже непарадныхъ
 И вдругъ хозяевъ я узрѣлъ.—

Кто въ свѣтъ жилъ—живетъ для свѣта,
 Того пріятель всѣмъ привѣтъ,
 Ласкаетъ тотъ безъ этикета,
 Его гостиной—кабинетъ,
 Гдѣ откровенность обитаетъ
 Коварство мѣста гдѣ не знаетъ
 И самымъ шалостямъ просторъ;
 Воспоминанья молодыя,
 Раждаютъ чувствія живыя,
 Хотя бы говорили вздоръ.—

Хозяинъ весель, гости живы—

Но я, мой другъ, душою млѣлъ;

Воспоминанья всѣхъ смѣшили—

А я, я не того хотѣлъ!—

Мнѣ будущность бѣдой грозилась,

И въ сердцѣ будто говорилось—

Не вѣрь, не вѣрь своимъ мечтамъ!

Ты всё утратишь, чѣмъ ласкался,

Чѣмъ падшій духъ твой восхищался,

Всеми виною ты же самъ:

Ты прямъ душою не помодѣ,

Ласкать невѣстамъ негораздѣ!

Въ твоёмъ нелѣстивомъ гордеробѣ

Нѣтъ зеркала—и вотъ проказъ,

Что ты несёшься горделиво,

Какъ будто бы, что свѣту мило

Должно тебѣ покорно быть!

Сія то суетность пустая,

Тебя въ мечтаньяхъ увлекая,

Возможетъ даже погубить.—

Обыкновеннымъ ты не льстишься,

Къ изящному твой духъ паритъ,

Но если искренно спросится—

Что можетъ духъ твой веселить

Ты головою покиваешь.

Сознаешься, что самъ не знаешь—
Такъ, промечтавши лучший вѣкъ,
Существенность тебя чуждалась,
Мечта мечтою замѣнялась,
Ты жалкій въ міръ человѣкъ!....

І У Д Е И.

Взглянувъ на родъ Израильтянъ
Крещенскимъ подеретъ по кожѣ;
Ихъ хитросплетеннымъ умамъ
Ничто на свѣтъ не дороже,
Какъ постоинымъ въ вѣръ бытъ.
Ея догматы свято чтить,
Хамелеонски обращаясь—
Они судьбу вертять людей
По своему, и ихъ свѣтъ
Не избѣжишь и ухитряясь.—

Лишь кинетъ взоръ на міръ страстей
 Ужъ планъ готовъ ко збору дани,
 И нѣтъ могучей ихъ властей
 Чтобъ опоражнивать карманы—
 Онъ всѣхъ читаетъ душу жертвъ
 Бывъ невидимъ, и будто мертвъ;
 Но жизнь его полна повсюду—
 Во всемъ свою находитъ часть—
 Въ душѣ смѣется на напасть,
 Во всемъ для всѣхъ онъ обоудень.

Гляди стоитъ согбенный въ крюкъ,
 И блѣдень и дрожащъ отъ страха,
 Души твоей, ума недугъ,
 Моментъ ловить, чтобъ съ размаха
 Тебя на цѣль свою навѣсть,
 Потомъ, какъ водится, оплестъ!
 И ты невольно, невидимо.
 Отдался уже во власть ему;
 Смѣясь коварному уму;
 Онъ сноситъ смѣхъ сей горделиво!

Ты мыслишь, ты надъ Жидомъ царь?
 Пустое, то одна химера;
 Его жъ неправославна вѣра
 Сведетъ тебя на свой олтарь!
 И ты поклонешься не зная,

Что тернитъ вѣра тѣмъ Святая.
 Жидовскій же есть злато Богъ,
 До коего чрезъ доль и горы,
 Летятъ могучіе ихъ взоры,
 Ты невидимо имъ помогъ.

Жиды всѣ царства облегли,
 Какъ пчелы мѣдъ съ цвѣтовъ собираютъ
 Такъ дань со всей почти земли
 Къ себѣ поволѣ направляють;
 Весь Православнѣйшій народъ
 Всю жизни сласть ему несётъ,
 Съ такимъ радушьемъ отдавая,
 Что Философія молчи,
 Скорѣй улягся смѣючись,
 И спи отнюдь не воздыхая!....

То правда, что судьба свое
 Надъ ними тожъ имѣетъ право
 Могучій часто громъ ее
 На нихъ отгрянетъ величаво;
 И онъ въ обманахъ пресытася,
 И наконецъ судьбой смутася,
 Со всею сожизненнымъ паживомъ
 Пріявъ щелчокъ отъ злой судьбы,
 Какъ родился преѣдетъ туды,
 Гдѣ будетъ ужъ ни что немало.

Но что же? онъ и до того
 Отраднo въ мiрѣ наживѣтся
 Вся кабала ума его
 Въ тиши довольно насмѣется,
 Онъ дряхль, и жизненный размахъ
 Едва примѣтенъ, лишь въ глазахъ;
 Тогда ему, прощай земное!
 Махнетъ рукою на туманъ,
 Узрѣвъ людской и свой обманъ,
 И мѣсто на землѣ прямое.

Ахъ, если бы какая власть
 Израильтянъ соединила!
 Дала бы имъ землицы часть
 Стѣной высокой оградила
 Огъ всѣхъ народовъ на земли,
 Чтобъ ихъ пронырства лишь могли
 На ихъ главахъ же пресмыкаться,
 Тогда бъ желательно взглянуть
 Жида съ Жидами какъ живутъ,
 И чѣмъ могли бъ они питаться?....

Не обольщайте жъ вы людей!
 Мы дѣти всѣ отца едина,
 За чтожъ въ завѣтъ вашихъ дней,
 Не Иудей всѣ, какъ тина;
 За гордость вашу, кара вамъ

Презрѣніе по всемъ землямъ,
И сколько вы не величайтесь,
Вашъ миллионъ не оправдѣтъ!
И Жидъ пребудетъ вѣчно Жидъ!
Хоть и Евреемъ называйтесь!!...

ДУМКА ПРО СЕБЕ.

А..... о. На Малороссійскомъ языкѣ.—

Геть, геть! видь сила бусурманы,
Нащо вамъ хочеться менѣ!
Чи вы Волохи, чи Турчане?
Не хай васъ бисъ усихъ бере!.... (7)
Хибажъ я въ Бога провинися
Що уродливимъ народився,
И вирись якъ великій пень?
Скажете вы неугомонины,
Чи я не бачусь вамъ моторнымъ
И въ темну нічъ и въ ясный день?

Якъ бы на сонце чорна хмара
 Нашла на мене Татарва (8)
 Що день, що нічъ, я би́лше вянущу,
 И рѣзуму уже нема.
 Куды не ткнусь, усюды бачу
 Якъ кажуть людѣ, то собачу—
 Свою нечепурну я тварь—
 Нешкодыть, що я такъ скривывея;
 А тобѣ дивчацій ридъ влюбився
 Вѣ мене, якъ бы вѣ собаку псарь.—

Не хай же быють! не хай же лають!
 Я буду все такъ, що есть;
 Що я роблю, того не знають,
 А все для мене буде честь.
 Оттакъ я самъ собі меркую,
 Що кажуть людѣ я не чую—
 Мини все бачится не такъ.
 О, ни—я знавъ себе здавна,
 Кольсь бувавъ хлопчина гарна—
 Хиба вже розумъ мій изсякъ?

Бувай мои здоровы плечи,
 Спи́на, поты́лиця и шее́къ,
 Ни ча́пли, рога́тъ съ запечнѣ,
 Ни мако́гнѣ мене не́тыскѣ,
 И кочерго́ю не крестывся

На билий свить якъ народився,
 Хоть за дивчатами йвертивсь.
 Я знаю имъ точягы лясы;
 Робытыгь вмію выхулясы,
 Всѣму недавно я навчивсь.—

Теперь умію жити въ свити,
 Я съ розумомъ уже сфатывсь!
 Вы потривайте вражи диты (9)
 Изъ васъ ниhto ще неголывсь—
 Я нароблю такои шкоды,
 Що будете кричаты: й годи!....
 Лящивъ начну якъ видпускать—
 Чи знаєте вы сюю рыбу,
 Вона червона, кругла звиду (10)
 И вмію, тилько я піймать? (11)

Бачь панянки не такъ жартують,
 Якъ слобожански, хай имъ бнсь!....
 Воны соромны—не цѣлуютъ,
 Руками закричали: брысь!....
 Отце паскудная гадюка;
 Якая сталась зъ мною штука,
 Що я тепера ни чичиркть!....
 И далебищо чудно! нудно!
 Що козаку такъ сталося чудно—
 Теперь на ню, хоть не девысь!!....

Настала кутерьма на свити,
Все не помоему стоить!
Колысь я думавъ що робыты,
Все можно—якъ душа велить;
Ажъ ни,—прру—пррусь! миннi сказали,
А тамъ—що двери показалы,
Теперь, хоть прямо йды топысь;
Або петлю надинь на шню,
Скоринше кинсь живой въ могилу,
И дальше въ пекли заберись!....

ДОСАДА.

Нѣтъ счастья прочнаго на свѣстѣ
Вездѣ несообразность зрю—
И сколько знаю напрымѣтъ
Красавицъ—всѣхъ бого-творю.
Бываетъ всѣхъ я презираю
Покою, счастья имъ желаю—
Но ихъ кокетство есть кинжаль,
Который вѣкъ не иступится,
Пока нашъ шаръ земный вертится—
Вотъ что я самъ себѣ сказалъ:

Жениться!—волосы дыбаться—
Не знаю, что то мнѣ твердить,
Страшнѣе съ невѣрными связаться,
Чтобы несчастливый не быть!—
Свобода милая драгая!
Тебя душевно почитаю,
Тебѣ я въ сердцѣ ставлю тронъ.
Не дай съ пути мнѣ совратиться,
Да снова не рѣшусь влюбиться—
О!—всепроклятая любовь!....

ВОСТОЧНЫЙ РЕЙФЪ.

Лежу любуюся природой
Пью—тѣмъ, табакъ себѣ курю!
И вполнѣ пользуюсь свободой,
Немысли ни о чемъ—люблю!....

Люблю я всё душой прямою,
Мнѣ вся природа другъ и братъ—
И тѣмъ доволенъ я собою,
И слишкомъ жизнию богатъ.

И что жъ бы могъ я для покоя
Придумать въ головѣ моей?
Я несмогу, хотя давно я
Забочусь дать отвѣты ей—

За чѣмъ—за чѣмъ—и что такое
Мое смѣшное существо?
Иль доброе оно, иль злое,
И живши, что оно смогло?

Смогло—вдыхая, заблуждаться;
Смогло—не двигаясь, мечтать;
Смогло—ни чѣмъ не наслаждаться
И сможетъ здѣсь, какъ тамъ..... лежать.—

Такъ рано—слишкомъ рано, вѣчность
Моя безжизненна началась;
А виновата, лишь безпечность,
Что я жилъ жизнь—неразсмотрясь.

БЛАГО БЛИЖНЯГО.

Я часто на крылахъ металъ воображенья,
И гдѣ я не бывалъ? чего я не видалъ?
Во всемъ величїи Всевышняго творенья,
Я всѣ черты красотъ—всѣ худо ощущалъ!
Покорствуя жъ своей я безусловно власти
Лишь въ цѣломъ зрѣлъ красу не разбирая части,
И что мнѣ до того, что на дворѣ туманъ,
И что худово въ томъ, коль есть въ тебѣ обманъ?
Когда въ туманѣ семъ есть благо для народа
Когда въ обманѣ томъ—лишь для любви свобода!

Свободный человекъ, есть прямо сынъ природы
Природа жъ ничего худо не творить,
Коль сердце нѣжно въ немъ, и непричастно злобѣ,
То Божьимъ пламенемъ его душа горитъ;
Онъ имъ проникнутый, лишь благо міра видитъ
Лишь цѣпи хитростей, злодѣйскихъ ненавидитъ.
На счастье жъ частное, онъ кинувъ правды взглядъ.
Блаженствомъ одного безъ соучастья скупень,
Въ томъ видитъ, что сей свѣтъ съ коварствомъ не-
разлучень
И слабодушный въ немъ, не жди во вѣкъ отградъ!

Хотя уже давно въ природѣ тотъ порядокъ
Что сила слабое въ дугу, играя, гнётъ—
Среди животныхъ такъ , но вѣкъ нашъ слишкомъ
падокъ
На притязанія, и чувствъ людскихъ въ насъ нѣтъ!....
Ни гласъ священнѣйшій любви Царя къ народу,
Ни нравственный примѣръ съ престольной высоты
Невнятны для сердецъ проникнутыхъ во злобу—
Для нихъ моральныя вѣдѣнья не святы.....
На что намъ повторять заморскія мѣрала
Когда родная мать—насъ не тому учила;
Она твердила намъ: безсильныхъ не обидь!
О томъ же, что терзай, коль сможешь беззазрѣнья
Слабѣйшихъ—и потомъ имъ здѣлай угожденья
Могла ль въ родимую такая мысль взойти?—

Такъ лучше что либо оставить безъ вниманья
 Чѣмъ спорить, а потомъ стараться поправлять
 Но правку же сію вмѣнять въ благодѣянье,
 Добро, что простота не можетъ понимать,
 Но и сія толпа имѣетъ также душу,
 Хотя жизни ихъ климатъ, есть отпечатокъ суши—
 На благо жъ зрѣть свое, какъ бы на солнца свѣтъ!
 Ужели доброты имъ чувства непонятны?
 Ужель несчастныя сердца ихъ такъ развратны,
 Что взоромъ ласковымъ не подарятъ въ отвѣтъ?

О взоръ , прѣвѣтный взоръ , сколь для меня
 ты сладокъ!

И гдѣ—и отъ кого, тебя бѣ я могъ узрѣть?—
 Тотъ съ высока тяжолъ—другой съ коварства гадоклъ,
 Такъ—безъ прѣвѣтнаго, мнѣ вѣрно умереть!
 А отъ того и мой, всегда—всегда суровый,
 Когда печаль грызетъ—и слышны сердца стоны,
 Лишь только одному; а соучастья нѣтъ.—
 И солнце на меня всё какъ-то тускло свѣтитъ,
 Меня въ тѣняхъ мечты—оно и не замѣтитъ;
 Но Богъ великъ!—и въ тьмѣ бываетъ часто свѣтъ!—

Къ А... Ф... Л...

Я былъ тогда во цветъ лѣтъ.
Когда ты отрокъ былъ прелестный
Теперь увяль моей жизни цветъ,
А твой явился ликъ небеснымъ.
Ты снова жизнь во мнѣ зажгла
Ахъ какъ ты пышно разцвѣла!
Какой твой ростъ—какой твой станъ!
А о глазахъ уже ни слова—
Душа моя, отъ нихъ готова—
Забыться въ нихъ—я ими пьянъ!

А розаны румяныхъ щокъ
 А носикъ—губки огневья?—
 А ямки—граціи утѣхъ,
 Округлости полуногія!
 Какая васъ создала власть,
 И на чію скажите сласть?
 Такая скромность и стыдливость,
 Что въ нашемъ вѣкѣ чудеса—
 Ахъ Д..... ты небеса!!
 И я боюсь, что мнѣ ль не снилось!....

Средь славныхъ Л... и Т....ы
 Тебя я милушку узрѣлъ,
 Во цвѣтѣ славы ихъ и силы,
 Мой взоръ, лишь на тебѣ горѣлъ.
 Ахъ, думать: жаль тебя малютка!
 А ждать тебя плохая шутка—
 Двѣнадцать лѣтъ—въ любви—вѣка!—
 Они-жъ летѣли, да летѣли,
 Какъ въ поднебесн облака—
 И вотъ на цвѣтъ и твой поспѣли.

При семъ, быть можетъ, улыбнешся,
 А для меня со всѣмъ не смѣхъ,
 Въ комъ сердце, лишь тобою бьется,
 Надъ тѣмъ насмѣшка, будетъ грѣхъ!—
 Я знаю самъ! что силадона

Передъ тобой играть не въ тонъ,
 И мнѣ же будетъ не къ лицу:
 Скажу жъ серьёзно и не въ шутку,
 Что я съ такою бы голубкой
 Готовъ сей часъ бы хотъ къ венцу.—

Когда ты съ Х..... а явилась
 На присловутомъ С... шѣ
 Вдругъ сердце жизнию забилося
 Заёкало въ моей душѣ—
 Узрѣлъ тебя, какъ прелесть рая,
 И внутренно огнемъ пылая,
 Не смѣлъ я на тебя смотрѣть,
 Боясь напрасна увлеченья,
 И безсомнѣннаго презрѣнья,
 Рѣшился въ жизнь тебя не зрѣть!....

Проходятъ мѣсяцы, и годы,
 Быть можетъ, я забылъ тебя
 Прелестнѣйшій цвѣтокъ природы;
 И чтобы время не губя,
 Въ однихъ мечтахъ не встрѣтить старость,
 И чтобы не быть ни въ смѣхъ, ни въ жалость,
 Рѣшился духомъ я упасть,
 Рѣшился безъ любви жениться
 Ахъ лутше бъ, лутше бъ не родиться
 Но Богъ великъ, Его же власть!....

Вотъ въ церковь я спѣшу молиться
 Да духъ волнующійся мой
 Въ надеждѣ въ Бога укрѣпится
 Предстанетъ тѣшиться мечтой.
 Да обращаюся я къ разсудку,
 Судьбы да не поставлю въ шутку
 И съ мыслью сей вступаю въ храмъ;
 Встрѣчаю весь сплкнуть священный—
 Творищу курился фиміамъ—
 Народъ толпился восхищенный!....

И что же вижу наконецъ
 Тебя о Д..... а нарядну,
 Красы чудесной образецъ
 Явившуюсь, и какъ парадно!....
 Съ невиннымъ юности лицомъ
 Взглянула!—и бѣда кругомъ!!!..
 Все ахнуло!.... и всё дивилось!
 Кругомъ тебя гурьбой толпилось!
 Во всѣхъ быстрѣе жилы бились!
 Тотъ съ радости—а тотъ съ тоски,
 Всякъ тѣрѣ смущенные виски,
 Я о себѣ уже ни слова!....
 Лишь огонь мнѣ въ сердце хлынулъ снова—
 Чтецы громче зачитали,
 Яснѣе свѣчи запылали,
 Казалось красы эфиръ.

Смѣшались вопѣснопѣнны клиръ;
 И всякъ съ невыразимымъ взглядомъ
 Толпилися стать съ тобою рядомъ,
 Забывшись каждый былъ не свой—
 Увлечшись яркой красотою!....

Въ оцѣпенѣннн глубокомъ
 Смутившись духомъ я стоялъ;
 Тебя недобрымъ зрѣлъ я окомъ,
 Въ борьбѣ страстей мой духъ игралъ.
 Не постигалъ я чѣмъ мнѣ быть;
 Не смѣлъ презрѣть, не смѣлъ любить?
 Въ тебѣ свой рай, свой адъ я видѣлъ,
 Тебя, себя я ненавидѣлъ!....
 И клялъ я жизнь—рожденья часъ,
 Что жизнь, печальный мнѣ Парнасъ!....

Прекрасна! знатна! въ юныхъ лѣтахъ,
 Богата всемъ: душой, умомъ,
 Добротою, къ лицу одѣта,
 Ты молнія—ты Божій громъ!
 Ты пораженіе сердечно
 Являлась мнѣ на муку вѣчну;
 Привѣтствовать тебя не смѣлъ—
 Стоялъ, какъ мраморна статуя,
 Въ забытїи ни зря—ни чула—
 Лишь сердцемъ и душею мѣлѣлъ!....

И какъ же мыслилъ—мнѣ презрѣнну
 Такъ дерзостну въ желаньяхъ быть!
 Ее красавицей рожденну
 Мнѣ ль—рядовому получить?
 Когда бъ я Князь, нѣ Графъ, нѣ Крезъ,
 Тогда бъ не лилъ мнѣ вѣчно слезъ!—
 Избавлюся отъ посмѣянья,
 Оставлю я ее на вѣкъ,
 Оставлю милыя желанья,
 И буду просто человѣкъ!....

Я пагъ во храмѣ предъ престоломъ
 Прося Всевышняго Творца
 Да подъ святымъ его покровомъ,
 Укроюсь твоего лица—
 Да укрѣплюсь отъ посрамленья,
 Искать тебя въ себя забвеньи—
 Я скрылся въ жалкій мой приютъ;
 И здѣсь мнѣ всё тобой жужжало,
 Тамъ голубочки ворковали,
 Забудь ее, забудь! забудь!....

Забыть тебя, возможноль было?
 Но я рѣшился—я забыть.
 И въ II.....тъ съ тоской унылой
 Въ раздумьи мрачномъ покатишь.
 Но наконецъ!.... Великій Бже!—

Опять я вижу, что же, что же?

Опять явилась не въ мечтѣ

Въ ино—образной красотѣ.

Ты Ду...а блѣдна, прекрасна,

Уста поблѣкши—очи ясны,

Какъ поднебесная лазурь,

Види́лась въ нихъ души тревога,

Въ тебѣ узрѣлъ я счастье съ нова

Во мнѣ же ты узрѣла дурь.—

Вотъ день, вотъ два опять я тамъ,

Опять тебя я созерцаю,

Опять въ тебѣ я жизнь глотаю,

Опять бѣгу я по пятамъ.—

Еще недѣля—я въ С.... ѣ!....

Взглянуль, подумаъ, усумнился—.....

Завидя тѣнь—перекрестился,

Нѣтъ—нѣтъ!!... конечно я не вашь!!!

Кричу людямъ: пошолъ назадъ!

И лошади меня помчали—

Домой, на новыя печали;

Какихъ же въ жизни ждать ограды?....

На сердце грусть!—тоска гнетѣтъ!

Нѣтъ силъ—нѣтъ сна—кругомъ видѣнья!—

Осенній вѣтръ въ трубахъ ревѣтъ,

Лишь ставней слышно мнѣ скрипѣнье.

Въ постелю слѣгъ,—увялъ мой духъ;

Душа тобой изнемогала

Какой съ меня шкелетъ мой другъ—

Ахъ, если бы меня ты знала!....

Крикъ филина, собачій вой,

Дать саблю мнѣ въ постель со мною!

Недобрый знакъ—я весь не свой,

Я ночи брежу лишь тобою.....

Но вотъ печальна вѣсть опять,

Что ты больна!!... и мнѣ отрадно!!!..

Не дивно ль зла для той желать,

Чей взглядъ—всю жизнь ловилъ я жадно?

Ахъ, если бы померкъ тотъ взоръ,

Чѣмъ смертный пить въ немъ приговоръ!

И лутче бы соединиться,

Съ тобой мнѣ тамъ, гдѣ болѣ нѣтъ,

Ужъ зависти, и гдѣ бы свѣтъ

Не могъ тебѣ, и мнѣ дивиться!!....

УПРЕКЪ СЕРДЦУ.

Что сердце такъ затосковалось,
Мертва природа для тебя
Взгляни! все также разцвѣтаетъ,
Одно—одно—лишь вянешь ты,
И птички тѣ же пѣсни вторятъ,
Илють розы тотъ же ароматъ,
И воды плещутся, какъ прежде,
Лишь стало сердце ты не то.
Куда жъ отъ сюда ты сокрылось
Гдѣ жизнь твоя теперь? скажи!
Ужели время быстрокрыло
Съ собой умчало и тебя?

Давно ли всѣмъ ты восхищалось,
 Бѣды казались ни чѣмъ,
 Давно ль? гдѣ ты, являлась радость,
 И жизнь вокругъ тебя лилась,
 Когда бывало ты открытымъ
 Средь милыхъ для тебя людей?
 Теперь же скроясь отъ шуму
 И суеты мірской въ тиши,
 Глядишь въ туманну отдаленность
 На то, гдѣ ледѣнѣетъ кровь:
 На мракъ гробницъ, на прахи предковъ,
 И солнца зришь одинъ закатъ—
 Ужели духъ твой изомился,
 И тяжкимъ сдѣлался тебѣ?
 Престань же ты крушиться болѣ,
 И мертвенность свою оставь,
 Воспомяни протекше время,
 Какъ въ полнотѣ своей цвѣло,
 Воспомяни свои восторги,
 Какъ сладка жизнь твоя была,
 Откинь ты мрачныя причуды,
 Могильный хладъ, и ночь, и смерть,
 Да прейдутъ мимо думы черны
 И воскреси себя для всѣхъ!....
 Послушай пѣсней соловьиныхъ,
 Коля Хлоя больше не поётъ!

Коль карі очи отъратились,
 На голубые посмотри!....
 Но слышу, сердце, ты вздохнуло.
 И отвѣчаешь—пустота!....
 Почто жъ намъ ранѣе крушиться,
 Какъ самъ Творецъ опредѣлить?
 Къ чему искать могилъ прохлады,
 Въ свой рядъ, и наше къ намъ придетъ?
 Зима на дворъ, и холодъ съ нею
 На нашъ явится горизонтъ,
 Коль наши розы отцвѣтутся,
 Кипяща кровь простынетъ въ насъ,
 Тогда, лишь кроткими глазами
 Посмотримъ мы на западъ свой,
 Тогда промчась въ юдоль озадковъ,
 О горькомъ, сладкомъ вспоманувъ,
 Мы въ правѣ духъ не возмущая
 Вздохнуть, и уронить слезу;
 Тогда смирясь съ благоговѣньемъ,
 Предавъ себя, свой духъ—свой толкъ
 Предъ Тѣмъ, для насъ Непостижимымъ,
 Кто жизнь, кто чувства далъ, любовь,
 Пойдемъ туда, отколь взялся
 Мы къ матери своей землѣ,
 И персть ее облобызавши,
 Спокойно, и на вѣкъ уснемъ!....

КЪ ЖЕСТОКИМЪ.

На смѣхъ другимъ меня природа создала
И душу дивную она въ меня влила—
Толкаюсь въ міръ я повсюду лишь краснѣясь
Вздыхаю, мучуся—премѣны не надѣясь.
Мой остовъ сохнетъ весь—а я еще живу,
Во снѣ лишь вижу жизнь; а горе на яву.....
По всюду кажутся мнѣ чудные призраки
Я вижу, лишь однѣ осуществлены враки,
И вѣру потерявъ къ создавшей такъ меня,
Боюсь кругомъ всего: земли, воды, огня;

А о сердцахъ людей подумать ужасаюсь;
 И если на бѣду съ красавицей встрѣчаюсь,
 Крещенскій пробѣжитъ по жиламъ вдругъ морозъ,
 Стремглавъ бѣгу отъ сихъ колючихъ милыхъ розъ
 Куда глаза глядятъ безъ памяти въ тревогъ,
 Лишь мыслию дыша о милосердомъ Богъ,

О вы, лукавыя, не нѣжныя сердца!
 Дождусь ли я когда отраднaго конца?
 Пойдете ль вы когда правдивою тропюю,
 И станете ль плѣнять—насъ истиной святою?

Вотъ погляди на тѣ прелестныя глаза,
 Среди огнистыхъ искръ, въ нихъ блещетъ и слеза,
 Но что же? Аспида, то злое искушенье
 Ниспосланное намъ на вѣчное мученье
 Въ свой рядъ оно сразить Сократа самаго,
 А послѣ? холодомъ повѣетъ на него.

А тамъ потупя взоръ, таинственно вздыхаетъ,
 Какъ будто къ сладостямъ любви призываетъ,
 Весь эстетическій въ тебѣ находитъ міръ!
 Какъ будто ты одинъ, лишь счастію кумиръ;
 Взгляни жъ на этотъ вздохъ нестрaстными глазами,
 Клянуся жизнью, клянуся небесами!
 Сей вздохъ, ведетъ тебя на поприще стыда
 Ты скажешь наконецъ: бѣда; бѣда, бѣда!!!

А тамъ невинностью и скромностью блистая,
 Чаруетъ языкомъ: вотъ искренность святая
 Подумаешь, и ты попался прямо въ рай!
 Но помни, милой мой, и хорошенько знай,
 Сей рай тебѣ на зло, лишь адомъ отзовется,
 И сердце бѣдное на части разорвется,
 Когда раскроешь ты всю каверзу тѣхъ словъ,
 Которыя лгались, лишь для твоихъ оковъ,
 И въ жертву личному безумному тщеславию,
 Что бы предать тебя постыдному безславию.

Смотри: задумчива, тоской окружена,
 И къ небу взоръ простертъ сидитъ съ собою одна,
 Вотъ чудо изъ чудесъ мечтаешь торопливо!....
 Все меланхоліей, въ ней дышетъ сладко, мило:
 Не вѣрь ты ни чѣму, не вѣрь своимъ глазамъ,
 Не вѣрь ты на щекахъ красавицы слезамъ;
 То крокодиловы суть слёзы намъ на кару,
 И льютъ они свой ядъ къ рѣшительну удару
 Здѣсь ты узнаешь свѣтъ такимъ, каковъ онъ есть,
 Оплачешь наконецъ ты посрамленну честь.—

Но если нечислять всѣ хитры ихъ затѣи,
 Невинно попадешь въ пасквильны грамотѣи;
 Довольно—я усталъ испытывать судьбу,
 Наскучило вести съ прелестными борьбу
 Не лутше ль своего конька перемѣнивши,

Поклясться красоту на вѣки позабывши,
 Не знать ихъ ни когда? И въ рядъ иной вступить,
 Гдѣ бѣ можно иногда не столько жалкимъ быть,
 Средь добрыхъ по душѣ въ середовой годниѣ
 На счастье взглянуть, какъ схиимикъ на пустыню.

Но нѣтъ повсюду тамъ, гдѣ есть лишь жен-
 скій духъ,
 Ты мысли ихъ узришь, какъ бы легчайшій пухъ;
 Они парятъ вездѣ какъ будто неземныя,
 Хотя бы личики были середовыя,
 Что нужды до того—довольно постоять,
 За родъ свой всей душой, и насъ чтобъ наказать,
 Уловки нѣтъ такой, нѣтъ взгляда, остра слова,
 Котораго бѣ онѣ здѣсь не были готовы
 Употребить на зло, чтобъ насъ очаровать,
 И тѣмъ повеселясь—съ презрѣньемъ осмѣять!....

Вотъ общая черта прекраснаго созданья!
 И ждите же отъ нихъ за муки воздаянья?
 Предъ нами будешь ты существенный чудакъ,
 Но поведутъ тебя онѣ со всеѣмъ нетакъ;
 Тебя же осмѣютъ, тебя же приглубятъ,
 И тѣмъ тебя въ конецъ предательски погубятъ,
 Въ тебѣ натуру всю по своему свертятъ,
 Ты будешь двигаться? не вѣрь!—ты будешь спать!!
 Слова ихъ сладкій сотъ, и ты, какъ воскъ растаешь,

Ихъ душу со своей невольно съединяешь—
 И купно кажется парите въ небесахъ,....
 Очнувшись наконецъ! невольно вскрикнешь: Ахъ!!!—
 Что есть небесное—не есть еще земное;
 И ты заметишь здѣсь существенно смѣшное.

Но кто не испыталъ сихъ горестныхъ заразъ,
 Кто не былъ пораженъ стрѣлами томныхъ глазъ,
 Конечно тотъ со мной въ душѣ не согласится,
 Тому совѣтую попробовать влюбиться
 Въ такое существо, что въ обществѣ блестить,
 Котораго краса, талантъ и умъ не спитъ,
 Котораго языкъ въ изгибахъ изворотливъ,
 И премѣняться въ мигъ къ характерамъ заботливъ,
 Чтобъ гармонировать съ тобой, съ душой твоей,
 Попробуй говорю, повѣрить слѣпо ей!
 Узнаешь наконецъ могучую ихъ силу,
 И будешь призывать безвременно могилу.

Бывали времена—и я счастливымъ быть!
 И васъ, всей пылкостью души моей любить,
 Но то было одно, лишь сердца заблужденъ
 То былъ чадъ юности, слѣпое наслажденъ;
 Когда же наконецъ открылъ мои глаза,
 Взгляните вы на нихъ, еще блестить слеза,
 То данъ вамъ горькая за ваше снисхожденъ,
 И чувство жалкое, быть съ вами въ отдаленъ—

Я съ вами прелегалъ весь поэтизма міръ,
Какъ сладостенъ мнѣ былъ въ тѣхъ высотахъ эфиръ,
Какъ вашъ невинный духъ живилъ меня собою;
Но пробудясь, гляжу теперь на земное—
И вы со всѣмъ не тѣ, и я—со всѣмъ не то;
Но всё же я терплю, отъ васъ же и зачто?
Не та ль моя вина, что не спросившись броду
Надѣясь на себя поплылъ я въ непогоду
И вотъ, какъ видите въ волнахъ любви тону,
И жизнь, и всѣ мечты прелестныя клянущу!
О вы жестоки! хотя слезой почитите—
И болѣй никого, такъ къ счастью не видите!...

КЪ СЕБѢ.

Когда бь судьбѣ угодно было
Мнѣ указать ко счастью путь,
Тогда бы сердце позабыло
Всѣ скорби, что его гнетуть:
Воспрянули бь душа и тѣло,
И принялися бы за дѣло;
Но нѣтъ—судьба моя не та;
Душа моя полна заботой,
Что занята такой работой,
Отъ коей въ сердцѣ пустота.

Я самъ себя не понимаю
 Куда бь протхаль мой конёкъ?
 А что теперь—то твердо знаю,
 Что тлю въ трубкѣ огонёкъ—
 Лежа съ постели, на диванѣ
 Не одѣваясь, въ кафтанѣ,
 И беззаботнѣйше лѣнясь,
 Въ мечтахъ тѣснюся цѣлымъ свѣтомъ,
 И прикурёзнѣйшимъ обѣтомъ,
 Твержу себѣ: Василнчтъ!.... зась!!!

Пиши мечты, когда не стыдно
 Тебѣ въ бездѣйствіи мечтать,
 И самолюбью не обидно,
 Собой, что можешь наскучать—
 Не то, такъ лягъ и спи спокойно,
 Коль будетъ то тебя достойно,
 И не тревожся ни на часъ—
 Хи, хи! хи, хи! то жь слышать скучно,
 Оно жь со свѣтомъ не различно,
 И не прѣмѣнится для васъ!....

Взгляни кругомъ—и всё въ движеніи
 Всё суетится—все живетъ!....
 И ты теперь въ своемъ волненіи
 Найдешь достойнѣйшій привѣтъ.
 Вотъ слышишь свистъ правдивый свѣта?

Не дай же Богъ, сего привѣта,
 Тебѣ ни какъ не перенести,—
 Скажи жъ: прощай! стихамъ и прозѣ,
 Пусть лучше опочіютъ въ Бозѣ,
 Не огорчай свою ты честь!....

Я жить бы жаждалъ съ пользой міру;
 А не зѣвая смерти ждать,
 Не то, что бъ строить вѣчно лиру,
 И никогда не заиграть,
 Не то мой другъ; а дѣло—дѣло!!
 Вотъ для чего и духъ и тѣло,
 Создатель міра сотворилъ.
 Какъ камень въ безднѣ океана,
 Лежитъ спокойно почивая—
 Такъ я лежу—глядя на міръ!....

Не смѣйтесь, я сатиру вижу—
 Вашъ смѣхъ души понятенъ мнѣ!
 Хвастливыхъ самъ я ненавижу,
 И вамъ бы доказалъ вполне,
 Къ чему мой духъ давно стремиться.
 Что и во снѣ и въ явѣ снится,
 Чѣмъ можно бъ мнѣ полезнымъ быть,
 И чѣмъ бы холодность людскую,
 Къ себѣ переменить въ святую
 Любовь; а не въ борьбу бы жить?....

И такъ всю жизнь борюсь съ бездѣльемъ,
 И каждый день безъ дѣла я,
 Что жъ будетъ съ мигнѣемъ, съ разсужденѣемъ,
 Коль жизни огнь въ себѣ храня,
 Безжизненно тянусь до гроба?
 На что же матерня утроба,
 Меня лелѣла—и свѣтъ
 За что я пью лучей солнечныхъ,
 И для чего во мнѣ Предвѣчный
 Сначала и досель живетъ?—

Судьбами править провидѣнье;
 Но ты, о Боже, дажь мнѣ власть.
 Ты дажь мнѣ горе—наслажденье,
 Ты дажь и счастье, и напасть,
 За что жъ досель я мятуся,
 И ни къ чему не прилѣплюся?....
 Такъ нейтрально вѣкъ живя,
 Колеблюсь, какъ былинка въ полѣ,
 Въ такой ли сладость жалкой воле?
 Возьми же власть!!... она Твоя!!....

Ты сотворишь? такъ дай такое,
 Творенью чувствовать бытъ,
 Какъ въ сердце влиль мнѣ непростое,
 А чѣмъ то вышнее чутье—
 И коль на муку мнѣ одну,

Отверзь изычнаго пучину,
Что бы на вѣкъ я вѣней погрязь;
То лучше духъ не возмущая,
Прійми его въ Своя Святая!
Да съ міромъ тьмы разрушу связь!....

Коль сладость жизни возвышенной,
Позналъ—и я не Готтентотъ,
Коль блага міра отдаленны
Велятъ мнѣ дать Тебѣ отчетъ,
То на распутіяхъ судьбины,
Да буду въ міръ я единый—
Къ Тебѣ, о Боже, восклицать:
Презри на мя, о Милосердый!
И утверди—мой духъ нетвердый,
Да я престану долъ спать!!...

Q H A.

П Ъ С Н Ъ I

ВОСПОМИНАНІЕ. О: Н. . М. . Р.

Цвѣтокъ, цвѣтокъ, какъ ты милъ!

Юность природы, явленіе года,

И мной ты родинся всегда—

Въ день Божіею челоуѣка; ⁽¹²⁾

Но я молю тебя, мой Ангелъ.

За что ты и меня тожъ не раждаешь снова?

За что я такъ скоро къ вѣчности бѣгу?

И за вину какую изсякъ источникъ жизни,

Что для утѣхъ любви досель я не разцвѣлъ?

Стремися жъ стрѣлой, моя кручина сердца,

И душу бѣдную скорѣй освободи
 Отъ тяжкихъ заклеповъ скуки.
 Ахъ гдѣ жъ мое земное благо
 Гдѣ радость сердечная моя?
 Откликнись, откликнись, кумиръ моей думы!
 Излей ты свой нектаръ на раны сердечны,
 Хотя при закатѣ бытъя моего!
 Пусть буду я не ниже всѣхъ твореній,
 Что воздухъ пьютъ со мною одинакій,
 И не исчезну, какъ въ небѣ метеоръ,
 Пусть эфемеръ кратчайшее созданье,
 Передъ Творцомъ надъ мной не посмѣется!
 Уже ль на мнѣ Предвѣчнаго заклѣтье
 Ужели прахъ—наслѣдье бытія,
 И тлѣніе на духъ мой посягаетъ?
 О ужасъ! хладъ обдалъ мою всю сущность
 Нѣтъ, нѣтъ! Творецъ!! я вѣрю откровенно,
 И на землѣ, какъ тамъ—я долженъ жить:
 А безъ того, прости, о Милосердый,
 Не можетъ быть мой Богъ несовершенъ!!...

П Ъ С Н Ъ П

ТО С К А.

Есть время въ жизни и такое,
Что свѣтъ тебѣ со всемъ соборомъ
Своихъ невыразимыхъ благъ,
Постылымъ, гадкимъ становится
И сердце бѣдноє твое
Отраднago не зная мѣста,
Въ семъ жалкомъ жизни промежуткѣ,
Коснѣеть въ забытїи себя.—
Не для него цвѣтеть природа,
Не для него и солнца свѣтъ,
Не для него вся прелесть міра

И тотъ невыразимый взглядъ,
 Что дышетъ пламенной любовью
 И чувства жизни намъ даетъ,
 Со всѣмъ, со всѣмъ, не для него!!
 Ни чувствъ отца, ни чувствъ сына,
 Ни чувствъ любовника, супруга,
 Все помертвело для меня—
 Кругомъ гляжу—и холодъ вѣсть,
 Отъ всюду жалкій, безотрадный!—
 Оцѣпелю бѣдно сердце,
 Ни чѣмъ, ни чѣмъ не наслажусь!!

Какая жъ участь ждетъ страдальца
 Напередъ 'юдоли сей,
 Какой искусь фортуна злая,
 Мнѣ въ заключенье запасла?
 Иду съ закрытыми глазами
 Теперь къ концу моей судьбы,
 Я не рою на Бога силы;
 Предвѣчнаго великъ законъ!
 Его то было назначенье.
 Что бъ я съ своимъ избыткомъ чувствъ,
 Кой какъ перебивался съ горемъ,
 И вѣчно стыдъ отъ всѣхъ терпя,
 Игралъ бы жизнью моею,
 Какъ въ юныхъ лѣтахъ кубарѣмъ.

Мечты мои поулеглись,
Лета умчали ихъ пожаръ;
Мятели жъ зимней безпокойнѣй
Ужъ перезрѣлый жизни жаръ,
Онъ будто медь недопгравый
Рветъ пробки, вылетаетъ вонъ,
Такъ человекъ позапоздальи,
И съ чувствомъ, и съ своимъ умомъ!
Въ немъ счастье вѣкъ не разовьется,
И то одно лишь будетъ впрокъ,
Что онъ постигнувши свой рокъ;
Надъ нимъ панически смѣется!...

ПѢСНЬ III.

ОБМАНЩИЦА.

Я не могу тебя любить
Душа твоя того не стоитъ;
Но какъ мнѣ горю пособить
Кто бѣдно сердце успокоитъ.

Тебя сладчайшую мечту
Мою, ловилъ я ненаглядну;
Но ты, бывъ вѣчно на лету,
Неуловима—о, досадно!....

Ты позабыла какъ люблю
Тебя, мою кручину злую,
Какъ жизнь черезъ тебя гублю
И сколько горя испытую.

Куда жъ направила полетъ
 На парусахъ всевожденья?
 Все гимнъ любви тебѣ поетъ
 И ты въ угарѣ упоенья—

Но жизнь бурливый океанъ,
 Рулемъ твой чолнъ, кто будетъ править?
 Я Богомъ былъ тебѣ избранъ,
 И ты могла меня оставить?

Какая жъ участь насъ зовегъ
 Тебя, меня, въ юдоли жизни,
 Что бъ тамъ..... могли мы дать отвѣтъ
 Что жили здѣсь безъ укоризны?

Сомкнулся наши тамъ уста
 Не сыщемъ словъ мы для отвѣта;
 Открыты адовы врата
 Пойдѣмъ же другъ мой безъ привѣта.

Мои потухли красны дни,
 Ты западъ мой поисказала!
 Теперь, какъ прежде мы одни—
 Мнѣ жъ счастье ты съ собой сулила!....

Ни кто какъ Богъ, и я молчу—
 Дабудетъ воля всесвятая!
 Его на насъ—и научу,
 Тебя любить, о дѣва рая!....

ПѢСНЬ IV.

НАЗНАЧЕНІЕ.

Во мнѣ ужъ тѣшится горячка
Волнуется, кипитъ вся кровь,
Мнѣ грезится чертова скачка,
Октябрскій первый день, въ Покровъ.
Когда въ поляхъ работъ ужъ меньше
И станетъ селянину легче,
День здравія прекрасныхъ дѣвъ;
День ихъ судьбы усюкоенья,
День ихъ всеобща размысленья
Про свой таинственный удѣль.

Мое же сердце всё въ тревогѣ,
 Досель себя не разберу,
 Хотя по жизненной дорогѣ
 Я безъ оглядки на бѣгу;
 Но вотъ день жданный наступаетъ
 И мнѣ предчувствіе вѣщаетъ,
 Что скажутъ на Покровъ мнѣ, нѣтъ!....
 Какая жалкая награда
 За всѣ волненія и досады,
 Какой чувствительный отвѣтъ?!..

Прокляты сладкія мечты,
 Проклятыя мои надежды,
 Скажи мнѣ! для чего же ты,
 Нѣтъ не сказала годомъ прежде?
 За чѣмъ меня къ себѣ ты звала,
 За чѣмъ меня собой плѣняла,
 Къ чему губила ты мой вѣкъ?
 Не думала ль похорошею,
 Или тѣломъ, или хоть душою?
 О чудень, въ дѣвѣ человекъ!....

Къ чему я нуженъ былъ тебѣ,
 Уже ль я могъ собой дать цѣну
 Или ходъ къ блистательной судьбѣ,
 Или проба быть я на пзмѣну?
 Ахъ что бъ насъ родшіе могли

Сказать воскреснувъ на земли?
 Ихъ появленіе было бѣ горѣ—
 Спросили бѣ, что вы? экой стыдѣ!
 Какой же воспріять мнѣ видѣ,
 Пускаясь снова въ горя море?....

Передѣ тобою я былъ такимъ,
 Какъ создала меня природа,
 И сколько разъ тобою зримъ,
 Былъ въ продолженіи цѣла года;
 Когда неправенъ былъ мой зракъ,
 Давно бы ты сказала такъ;
 И я бы помоляся Богу,
 Вздохнувъ тихонько, хоть не разъ
 Забывъ твой тонъ—уста, и глазъ,
 И тьму еще другихъ заразъ—
 Ко счастью бѣ премѣнилъ дорогу.—

Но ты рожденная безъ чувствъ,
 И Бога въ сердцѣ не имѣя,
 Прикрывшись облакомъ искусствъ,
 Вокругъ себя блаженствомъ вѣя—
 Меня въ свой храмъ любви звала,
 Казалось счастье мнѣ несла;
 Но вотъ и для чего не знаю
 Моихъ достигнувъ адскихъ мукъ,
 Удѣлъ мой бросила изъ рукъ,
 И я подѣ нимъ изнемогаю.

Вотъ слышу роковое нѣтъ!

И сердце обдало морозомъ,
 Мнѣ показался цѣлый свѣтъ
 Какимъ то счастію угрозой?
 Куда не обращаю я глазъ,
 Какъ тутъ, и нѣтъ мнѣ напоказъ.
 Ахъ, гдѣ же мнѣ отъ нѣтъ сокрыться!
 Я безнадеженъ, я пропаль!
 Какъ бы отъ солнца, льда кристалль—
 Кому же мнѣ теперь молиться?—

Мой Богъ, ужъ умеръ для меня!
 И что начну, лишенный духа?
 Я тайну бытія храня—
 Ищезнулъ—какъ ничтожна муха?
 На что жъ мой Богъ меня обрекъ,
 Колю позванъ въ жизнь, какъ человекъ?
 Уже ль для счастья вселенны,
 Теперь необходимъ мой срамъ?
 Колю такъ—и душу я отдамъ
 За нѣтъ Творцомъ благословенный!—

Когда въ себѣ вмѣщаешь адъ,
 Прикрытый райскою одеждой,
 Когда мнѣ твой горючій взглядъ,
 Не тою сладкой былъ надеждой,
 На коей мой насытый духъ

Со вѣсѣмъ пожаромъ бы потухъ;
 А ты была одна химера—
 О жалкое творенье я!
 Жалка мнѣ участь и твоя,
 И въ насъ была другъ въ друга вѣра?....

Не яль всю жизнь тебя моить,
 О Всеблагій и Милосердый!
 Что бь отъ врага мя отвертитъ,
 Нипутствовалъ въ пути мнѣ твердеиъ.
 Что бь доброту въ подруги дать,
 Дабы я счастье позналъ!
 Уже ль досель я недостойнъ
 Въ себѣ мое названье несть,
 Что Ты мою позоривъ честь
 Досель счастья не устроиъ.

Я тварь Твоя, какъ и она,
 И мы Твои—Твои обое—
 Къ чему жъ намъ жизнь Тобой дана,
 Коль мы находимъ въ ней, лишь злое?
 За что межъ нами окаянъ,
 Взреветъ черезъ людей обманъ,
 Вѣдь мы хотѣли съединиться—
 И только бь надобно тогда,
 Какъ водится у вѣхъ всегда
 Лишь съ нею въ храмъ поклониться!....

Минута сладкая прошла,
 Настало послѣ злое горе—
 Твоя звѣзда на вѣкъ зашла,
 И нѣтъ на нашемъ небосклонѣ!!... (13)
 А вмѣстѣ палъ и мой кумирь.
 Межъ нами кто жъ возставитъ міръ?
 Я былъ далѣкъ отъ поклоненья,
 Мнѣ селадонить не къ лицу;
 Особенно когда къ вѣнцу
 Мнѣ прежде были преткновенья.—

Какъ женица, я также гордъ
 Въ семь дѣлъ слишкомъ щекотливомъ,
 Хотя въ своемъ я словъ твердъ;
 Но не хочу же быть постылымъ;
 Да знаетъ будущій мой другъ,
 Что я свободный ей супругъ—
 Въ исволно же себя отъ скуки
 Хотѣлъ съ любовью приютить,
 Что бъ дѣтокъ миленькихъ нажить,
 И подсластить житейски муки—

О другъ души, скажи же да!
 Скажи скорѣй безъ принужденья,
 Дабы я могъ въ тебѣ всегда
 Зрѣть назначенье Провидѣнья
 Назвы хотъ Diabl, o pudzge tu!

Тогда увидишь на лету,
 Ты нелукавую собачку—
 Я радъ у ногъ твоихъ лежать,
 Радъ ручку въ вѣкъ твою лобзать,
 И дѣлать радъ во всѣмъ потачку!!...

Не то, такъ мой привѣтъ прійми,
 И вздохъ послѣдній на прощанье!
 Ахъ, лутше бѣ тлѣть въ сырой землѣ
 Какъ жить въ одномъ воспоминашь!
 Теперь, быть, можетъ ужъ другой
 Есть осчастливленный тобой—
 Яжъ объ одномъ прошу лишь Бога;
 Да вѣкъ твой въ счастьи пройдетъ,
 Да будетъ милый твой привѣтъ
 Залогомъ счастья земного!—

А о небесномъ ты забудь
 Оно лишь быть могло со мною,
 Я право былъ нечто нибудь
 Съ своею кинучею мечтою.
 То зналъ добрейшій изъ людей,
 А потому онъ безъ затѣй
 Сказать ницѣ въ моей Н.... т.
 » Въ ней право ангельска душа,
 » Она въ чемъ видишь хороша «
 » Но будь смѣлее, не какъ прежде!....

И тѣмъ нагналъ мнѣ въ сердце дурь!
 Пусть тѣнь его теперь оттолѣ,
 Прешедъ небесную лазурь
 Явится въ храмъ предъ престоломъ
 Гдѣ ты съ другимъ теперь стоишь,
 Обѣты вѣчны говоришь.—
 Всмотрися, и припомни младость,
 Чей быстрый взоръ въ тебя вперень?
 Замѣтила ты слезы въ немъ?
 Признательность! мой другъ—не шалость!!...

» Давноль ты собственной рукой,
 » Погасшій взоръ мой закрывала?
 » Давно ли вѣчный мой покой,
 » Слезой горючей окропляла,
 » Давно ль спѣшила рвать цвѣты,
 » Чтобъ на могилу принести?
 » Но что же зрю, ты мой презрѣла
 » Насчогъ судьбы твоей совѣтъ.
 » Въ томъ дашь сама себѣ отвѣтъ,
 » За то что въ чувствахъ огрубѣла «!

И смолкъ!.... и болѣе ни слова!!...
 Теперь же другъ мой разсуди,
 А коль избрала ты другога;
 Да будетъ такъ!—иди—иди!!...

И Ъ С Н Ъ V.

Д О С А Д А.

Томлюся я, и вотъ два года
Какъ бы прикованный къ тебѣ,
Всё льщуся, потерявъ свободу
Быть вѣкъ въ семъ сладкомъ внѣ себя;
Тебѣ жъ сіе невнятно чувство,
И ты притворствуя искусно,
Что день, то новый ковъ куешь,
Какая жъ цѣль такихъ затѣвъ,
Что изсушивъ меня, развѣявъ,
Ты такъ же какъ и я сохнешь?....

Мнѣ горекъ и тебѣ несладокъ
 Такой насильственный нашъ видъ;
 И намъ обѣимъ будетъ стыдъ,
 И намъ конецъ обѣимъ гадокъ,
 Что ѣдемъ безъ цѣла до обидъ.—

Когда еще ты польскій кашель
 На кливикордѣ пѣла мнѣ,
 И я мечталъ о счастьи нашемъ
 Весь утопившись въ тебя,
 Когда твое противурѣчье
 О воспитаніи дѣвицъ,
 Мнѣ навѣвало издалуче,
 Лишь счастья и любви магнитъ—
 Я слушалъ не сводивши духу,
 Глотая взглядъ и голосъ твой,
 И милую въ тебѣ воструху,
 Чуть, чуть считалъ я не святой,
 Тогда еще на розахъ яркихъ
 Твоихъ ланитъ, ждалъ дней нежалкихъ!....

Проходитъ годъ, и что жъ ты спѣла?
 Душа моя теперь сомлѣла?—
 Свершился мой лютейшій рокъ!
 За что же мнѣ такой урокъ?
 Ты такъ была любви достойна
 Всегдашняя мечта моя,

Что мнѣ козалося непристойнымъ,
 Коль равнодушнымъ буду я,
 Увидѣть—року покорился,
 Перекрестившись—влюбился!!!...

Такъ вѣрно вѣжливость едина
 Насъ такъ далеко завлекла,
 Что наша чудная судьбина,
 Теперь такъ кажется смѣшна!
 Урокъ тяжолъ, но успокойся!
 Съ тоски я право не умру;
 А ты, мой другъ, скорѣй умойся,
 Пока дни младости цвѣтутъ!
 Моя же участь мнѣ знакома,
 Живя всегда съ мечтами дома,
 Отъ женщинъ въ вѣкъ добра не ждать;
 Но чтобы жизнью не томиться,
 Всѣ жъ не замедлю пріотиться,
 Я снова прелесть обожать,
 И снова тѣжъ уроки брать,
 Какъ должно холодъ презирать!....

ПѢСНЬ VI.

УТѢШЕНІЕ.

Н..... а! милая! прелесть—душа!—
Всё ли ты, всё ли ты, такъ хороша?
Всё ли въ глазахъ твоихъ небо блеститъ,
Всё ли на устахъ твоихъ солнце кипитъ?
Жадное высосать сласть всѣхъ вѣковъ,
Шепчетъ стыдившися всё про любовь?....
Ты ли въ раздуміи вижу сидишь—
Ты ли въ туманную дальность глядишь—
Ты ли такъ дружески, держишь советъ
Съ той, чьею прихотью тѣшится свѣтъ?
Н..... я съ судьбою ты такъ знакома,

Что жъ не подаришь мнѣ счастья сама?
 Долго ли—долго ли буду терпѣть,
 Долго ль надеждою буду лишь мѣть,
 Въ сладостномъ пламени буду горѣть,
 Долго ль? хоть шопотомъ, дай мнѣ отвѣтъ?....

И Каркнулъ воронъ надъ главою!....
 Я вверхъ поднялъ свои глаза—
 Зловѣща птица! Богъ съ тобою,
 Вотъ И..... а тебѣ слеза.....
 Моя душа затрепетала,
 Взорвался вихоръ близъ меня—
 И въ сердце что то мнѣ запало—
 Чего назвать не знаю я!!—

О чудный вихоръ нашей жизни!
 Какихъ ты не вскрываешь ранъ?
 На конхъ видимъ укоризны
 Своимъ загадочнымъ дѣламъ?
 Вращаясь въ океанъ чувствій,
 Ты насъ вертишь, крутишь, какъ прахъ;
 По убѣжденію жъ предчувствій,
 Я въ будущемъ провижу страхъ—
 О удался мрачна дума;
 Моя судьба не такъ угрюма—
 Хочу я сердцемъ весель быть,
 Хочу любить ее, любить!!!!..

Любя жъ, возможно ль бытъ унылымъ,
 Себя морить какаѣ стать
 Химерой?—и въ предметъ мнѣюмъ,
 Себѣ тревогу назначать?
 Ужели въ ней не раю мѣсто,
 Ужель одна моя невѣста,
 Мнѣ къ счастію закроетъ путь?
 И мнѣ убитому душою,
 И даже не назвавъ своею,
 Прійдется такъ глаза сомкнуть?....

Моя загадочна судьбина
 Манитъ меня всё далѣ въ далѣ—
 Конечно есть тому причина,
 Не та, что бѣ дѣлать мнѣ печаль;
 И я всему такъ слѣпо вѣрю,
 И такъ предъ ней не лицѣмерю,
 Въ себя какъ вѣрю самаго,
 Къ чему жъ въ чужихъ мнѣ тайнахъ рыться
 Коль Богу вольно мнѣ молиться,
 И вѣрить искренно въ него?

Я былъ невиненъ, съ чистымъ чувствомъ,
 Безъ примѣси земныхъ затѣй!
 Не назову того искусствомъ,
 Что мнѣ страшнѣе всѣхъ смертей—

Подъ симъ отказъ я разумѣю,
 Когда подѣкши жизни край,
 Мнѣ скажутъ съ чувствомъ: » сожалѣю!
 » Но я должна сказать прощай! «
 Нѣтъ!—если бъ ты презрѣла мною,
 Давно бъ—давно бы сей стрѣлою
 Мнѣ прободала сердце сквозь,
 Давно бъ сказала: » удалися!
 » Напрасно здѣсь не суетися
 » Твоихъ я не замѣчу слезъ!—
 » Не выплачешь моею ты доли,
 » Я создана не для тебя,
 » Моею на то не будетъ воли,
 » Что бъ съ состраданья помоя,
 » Противу чувствъ могла дать слово,
 » Что ввѣкъ твоею быть готова «
 Мнѣ жъ чуденъ—милый твой привѣтъ;
 Но коль въ твою отдался волю,
 Да будетъ такъ, и я доволенъ—
 Въ очахъ моихъ зажжется свѣтъ!

Авось онъ будетъ вѣстникъ счастья
 Авось я буду человекъ!
 И послѣ горькаго ненастья,
 И я узрю златой мой вѣкъ!
 Крепись душа—молися Богу,

Да онъ мнѣ въ нову жизнь дорогу,
Устелить радостей ковромъ:
И я по немъ, какъ межъ цвѣтами.
Пройду хранимый небесами,
И милымъ жизни сей узломъ!....

И ЫСНЬ VII

Т Ы.

Ты такъ была всегда мила,
И такъ собою всехъ пленяла,
Что изъ поклонниковъ могла бы
Составить для себя забрала
Отъ всехъ необычайныхъ бурь,
И вѣчно ясная лазурь
Видѣлась въ небѣ надъ тобою,
Такъ подъ эгидой красоты,
Могла бы межъ людей цвѣсти,
Хоть кажешься и неземною.—

Ты зришь, передъ тобой курится—
 Съ однихъ лишь вздоховъ фиміамъ—
 Вокругъ тебя гурьбой тѣсниться,
 Сонмъ юношей—мужей и дамъ;
 Ты жъ всѣхъ привѣтомъ утѣшая
 И ихъ достоинствамъ внимай,
 Себя стараешься забыть;
 А тѣмъ къ себѣ любовь ихъ прочинишь,
 Блаженство всѣмъ съ собою пророчишь,
 И какъ тебя не полюбить?—

У Феба ты брала уроки,
 Сердцами какъ другихъ играть,
 Людскихъ не знаешь ты пороковъ,
 Передъ тобой чуть всякъ не святъ,
 Или такимъ казаться хочетъ,
 За тѣмъ умильно такъ хлопочетъ,
 Тебѣ бы, чѣмъ бы, угодить;
 Ты жъ за вниманье благодарна,
 Душа твоя незлоковарна,
 Умѣетъ скоро наградить!....

Твой взоръ—природы украшенье,
 Привѣтъ—не знаю чѣмъ назвать,
 Ты мнѣ сладчайшее мученье,
 Тебѣ и имя дано въстать;
 Мы всѣ питаемся надеждой

Въ сей жизни часто, часто слезной,
 Къ ней всѣ глаза устремлены,
 Ея вѣдѣнья всѣми чтутся;
 Сердца всѣхъ ею лишь мятутся,
 Она есть Богъ всея земли!....

И могъ ли нелишенный чувства
 Тебя увидѣвъ—не видать?
 И всей великости искусства
 Въ создавшемъ прелесть не понять?
 Ты соль страны—гдѣ обиташь,
 Хотя того сама не знаешь,
 Сколь ты мила и хороша,
 Сколь ты прелестна—ненаглядна—
 Сколь отъ природы ты нарядна,
 И какъ красна въ тебѣ душа!

Кто бъ могъ пресытиться тобою,
 Увлечшись красотой твоей,
 И добродѣтельной мечтою,
 Твоихъ единственныхъ затѣй.
 Твоимъ блестящимъ воспитаньемъ
 И всеобъемлющимъ познаньемъ,
 Искусствъ изящныхъ и наукъ;
 Какой языкъ не занкнется,
 Чье сердце кровью не заляется,
 Познать въ тебѣ лишь цѣль для мукъ?

Лишь мрачну цѣль недостижиму
 Для стрѣль обычныхъ на земли,
 Цѣль въ поднебесн чуть лишь зриму,
 Средь заоблачной тусклой мглы,
 Куда никто не долетаетъ,
 Хотя вѣкъ цѣлый воздыхаетъ,
 Въ ней духъ и сердце погрузя—
 Ты такъ отъ всѣхъ взнеслась высоко,
 Что между нами нѣту ока;
 Тебя достойно созерцать!....

Приблизься же сама оттолъ
 О цѣль безцѣнная моя!
 Найди меня въ укромной долѣ,
 Скажи, скажи мнѣ, я твоя!....
 Да духъ, воспрянувъ отъ сомнѣнья,
 И соединившись съ твоимъ,
 Яснѣ солнца отблескъ кинетъ,
 Все теплотой своей обиметъ,
 И будетъ гениемъ моимъ.—

ПѢСНЬ VIII.

ОТЧАЯНІЕ.

Шумить, шумить поблелый листъ,
Вкругъ одинокаго жилища,
Хлепещетъ дождь—и вѣтра свистъ,
Какъ бы моя душевна пища
Мой духъ усопшій колыхая,
И къ жизни новой призывая,
Мнѣ счастье въ будущемъ сулитъ.—
Такъ лейся жъ дождикъ на поля,
И прохладн собой меня,
Да нову жизнь, мой духъ узритъ!....

Слѣжу въ раздумьи на крыльцѣ
 Вдругъ слышу шелестъ на заборѣ,
 Гляжу!—сычъ смотритъ мнѣ въ лицо—
 И отпускаетъ мнѣ поклоны;
 Чего онъ хочетъ отъ меня,
 Сей ночи другъ, подумалъ я?
 Уже ль премудръ онъ до того,
 Что по инстинкту знаетъ духъ
 Хозяина—и кажетъ вслухъ,
 Всю глубину души его?—

Къ чему твои мнѣ поздравленія,
 Того хотѣлъ я не отъ птицъ;
 Но ты лишь зрѣлъ мои мученія,
 Не вѣдая причинъ и лицъ?
 Да..... часто съ трубной высоты—
 Со мной мѣнялся въ стонахъ ты—
 И что жъ злобѣщій накричалъ?....
 Къ чему же шлетъ теперь поклоны,
 Не для того ль, мои что бѣ стоны
 Съ твоими въ ночь совокуплялъ?....

Ты кажешься.....—но вотъ въ клетяхъ—
 Завыли псы концертъ ужасный!
 Какія думы ихъ мутятъ,
 Такъ вѣрно буду я несчастнымъ!!....
 Еще мнѣ памятенъ вашъ вой,

Передъ родительской кончиной,
 Онъ будетъ вѣстникъ гробовой,
 И мнѣ когда разстанусь съ милой!....
 И листья съ шумомъ повалились
 На голову мою съ вербы—
 Непостижимыя судьбы!...
 Въ одинъ мы день на свѣтъ родились—
 Ты вѣдъ мнѣ спутницей была,
 Меня въ тѣни своей хранила,
 О, ты всегда меня любила,
 И мнѣ всю жизнь была мила!
 Такъ можетъ быть въ единый часъ
 И смерть зоветъ обѣихъ насъ!
 Но сычъ вспорхнулъ въ гнѣздо свое,
 Не внявъ въ смущеніе мое!....—

О чудень, чудень жребій мой!
 Не неба ли то лота кара,
 Давно ли надъ моей главой,
 Надежда птичкою порхала;
 Теперь же, лишь поблеклый листъ,
 И плескъ дожда—и вѣтра свистъ!....
 Давно ль тобою опягѣлый,
 Я видѣлъ бѣгутъ души созрѣлымъ;
 Но листъ, и сычъ, и вой собакъ,
 Мнѣ кажутъ, ужъ не тотъ призракъ,

Я вижу образъ не Н.... ы.
Красы верховный идеаль,
И счастья моего фіаль.—
А свой—его сомкнуты вѣжды,
Восковый крестъ въ рукахъ и якорь—
Прижатыя къ его груди—
Предъ Богомъ былъ ты одинаковъ!
Съ надеждою жъ къ Нему иди!!...

ПѢСНЬ IX.

СОВѢТЪ.

Ты чрезъ барьеръ своей судьбы
Никакъ всю жизнь не перескочишь,
И сколько сколько не хлопочешь,
А все подъ нимъ ты проходишь,
Его высоко ты поставилъ,
И тѣмъ себя досель безславилъ,
На твой обширный карусель
Весь свѣтъ глядитъ глазами строго;
Ты захотѣлъ ужъ слишкомъ много,
Постыдно жъ выйдешь отсель.—

Перемѣни же ты конька,
Другой хоть будетъ недоростокъ,
За то внесетъ онъ сѣдока,
Наверхъ судьбы его подмостокъ.—
Во время жъ къ цѣли ты приспѣвъ
И взявши призъ себѣ въ награду—
Поѣдишь въ жизненный распѣвъ
Къ наилучшей духа сереадѣ.
И жизнь твоя какъ бы ручей,
Журча чрезъ камни прокатится!
И будутъ жизнью твоей,
Друзья всечасно веселиться.
Любя добро—любя людей,
Конька перемѣнять не станешь,
И при кончинѣ ты своей—
Благій советъ мой вспомянешь!....

ПѢСНЬ X.

НЕТЕРПѢНІЕ.

Меня ты заживо хоронишь
Въ сырую землю, для чего жь?
Ты все одно издавна вторишь,
Все завтра! а сегодня—что жь?
Ты молода, а пѣснь старинна,
И ты всему, о другъ мой винна,
Сказала бь прямо:—никогда!....
Не истлѣвать бы я душою,
И былъ бы вмѣстѣ самъ съ собою,
Была бь сноснѣй моя судьба—

А заетки—приказныхъ штуки,
 Тебѣ со всѣмъ бы не къ лицу,
 Ужъ я давно ломаю руки;
 Всѣ зову жду итти къ вѣнцу;
 Но ты молчишь—и я иѣмью—
 И вторить тожъ сто разъ не смѣю,
 Что ты моя всегдашняя мысль,
 Что я живу, дышу тобою,
 Тебя зову моею судьбою,
 И скоро потеряю смыслъ!....

Да и какое жъ утѣшенье,
 Другихъ собою, чтобъ губить?
 Когда не можешь ты любить,
 Скажи свое опредѣленье!....
 Но ты разбойница сердецъ,
 Твои предовиты стрѣлы,
 Ты всѣхъ лишь губишь наконецъ,
 Кто завлечонъ въ твои предѣлы;
 И для чего такіа средства,
 Употребляешь для меня,
 Я право и безъ ихъ посредства,
 Съумью вѣкъ любить тебя!....

Въ мечтахъ своихъ—есть всякой воленъ,
 Хоть въ поднебесье залетай!
 Но я тобою весь доволенъ;

И мнѣ въ тебѣ виднѣеть рай!....
Что въ Н...ѣ рай я твердо знаю—
За тѣмъ прильнулъ къ тебѣ мой другъ
Въ томъ раѣ весь я исчезаю—
Мое тамъ сердце, умъ, и духъ—
Иль лучше всё мое безумье
Кипящей страстію любви;
При таковомъ твоёмъ раздумьи
Какъ тяжки мнѣ, какъ горьки дни!

И все жъ себя въ тебѣ теряя—
Облить блаженства я рѣкой!
Ахъ грустно Н.. я дорогая—
Скорѣй, о день мой золотой!....

ПѢСНЬ XI.

УПОЕНІЕ.

Ты небо мнѣ—и я передъ тобой
Поклонникъ жизнью опоздаый,
Спѣшу въ забытій себя,
Со всѣмъ сердечнымъ безпорядкомъ,
Повергнуться къ твоимъ стопамъ—
И пить у ногъ твоихъ блаженство,
Пить нектаръ жизни моея,
Что бъ послѣ—послѣ—хоть исчезнуть!!...
Въ тебѣ, отъ свѣта—отъ себя!—
Какъ сладостно! какъ будетъ мило,
Въ семъ высочайшемъ упоеньи,
Себя на вѣкъ, и всё забыть?—

Тогда для насъ пожаръ всемірный,
 Потухнетъ—и природа вся,
 Явится въ образъ спокойномъ,
 Какъ по потоку голубку.
 И ты своимъ невиннымъ взглядомъ
 Въ привѣтъ ея благословишь,—
 И духъ страданьемъ утомленный,
 Мой, успокоя, приласкавъ,
 Совокупишь съ своимъ воедино;
 И тѣмъ я въ силахъ укрѣплюсь.

Ты сердца красота и радость!
 Укажешь мнѣ всю жизни сладость,
 Въ храмъ счастья прямо поведешь,
 И тамъ, лишь руку мнѣ пожмешь!....
 И я тобою воскреленный,
 Езнесусь стезею правоты,
 Въ тотъ храмъ судьбой благословенный,
 Гдѣ бѣ съ новой жизнью намъ цвѣсти!....

И Б С И Ц Ъ XII.

ЗАВИСТЬ.

Любви твоей я недостойнъ,
То знаютъ все уже давно,
Коварные друзья—и строятъ
Мнѣ адъ; но Богомъ суждено;
Чтобъ въ рай я прямо преселился,
И коль съ душою я родился,
То долженъ и счастливымъ быть,
На перекоръ суждений свѣта;
Я отъ тебя всё жду отвѣта
И позволенія любить.—

Ужъ твоего расположенія
 Ко мнѣ—довольно на починъ
 Довольно—и столько уваженія—
 Хотя не презрѣнья безъ причинъ.—
 Когда жъ короче познакомимся
 Съ тобой—быть можетъ сноровоси.—
 Страстей волненъе успокоиться,
 И я не столь смѣшнымъ явлюсь,
 Тебѣ;—а о другихъ сомнѣніи—
 Мнѣ право мало скорби въ томъ—
 Лишь быть бы, другъ, въ твоёмъ мнѣ мнѣніи—
 Съ душою—чувствомъ—и умомъ!....

Какая намъ нужда—что злоба явится,
 Гдѣ царство любви, она тамъ молчи,
 Мой духъ въ упоеньи—тобой веселиться—
 На чуждое жъ сердцу, гляжу смѣючись!....

Я прихотей людскихъ не въ силахъ
 Всегда съ охотою выполнять,
 Всякъ воленъ есть въ своихъ причинахъ;
 Но я хочу благословлять,
 Лишь тѣ, которыя мнѣ милы;
 Которыя бь меня манили
 Все ближе, милый другъ, къ тебѣ,
 Я ихъ съ любовью освящаю,
 Въ себѣ лелѣю, обожаю
 О нихъ прибѣгну и къ мольбѣ.

О Боже Правый, Милосердый,
Приблизь ко мнѣ блаженства часъ!
Навѣй Ты въ духъ ея не твердый
Моей любви унымый гласъ,
Пусть освятитъ она обътомъ,
И скажетъ мнѣ предъ цѣлымъ свѣтомъ—
Иль нѣтъ—пусть скажетъ одному,
Что сердце въ ней уже не камень,
Что ей любви понятенъ пламень,
Что отдается вся ему.

ПѢСНЬ XIII.

СРАВНЕНІЕ.

Надежда, Вѣра, и Любовь!
Вы жизни моея стихій
Вы съ ласкою мнѣ въ день покровъ,
Часы сулите золотыя,—
И я теперь упившись вами,
Летаю лишь подъ небесами
И что мнѣ мрачная земля?
Здѣсь крикъ, здѣсь тамъ, одна тревога,
А тамъ близъ Милосерда Бога,

Такъ весело пробуду я.—
 Тамъ тихо все!.... такой порядокъ!
 Природа—и вѣка грядутъ—
 Своей стезей прямой—и сладокъ,
 Ихъ стройный и величавый путь!
 Тамъ нѣту горячи земныя,
 Тамъ страсти не бушуютъ злыя—
 И я подъ Божиимъ крыломъ—
 Взгляну спокойно на содомъ!....

О ты земля, съ своею бурей
 Не позавидуй мнѣ отгол!

Мы нашей общею фортуной
 Себя къ себѣ, равно ведёмъ.—
 Я вотъ куда взлетѣлъ мечтою—
 А ты вихришь сама съ собою,
 Все возметаешь будто прахъ,
 Нѣтъ ни любви, ни правдѣ ходу
 Ты чувствамъ нѣжнымъ рѣешь злону,
 Въ своихъ запекшихся устахъ.—

Но Богъ великъ, хотъ ты кичлива,
 Тебя за твой накажетъ адъ!
 Всему конечно есть причина,
 Смиришся жъ ты, я буду радъ!
 Тогда мы съ Богомъ съединимся,

Когда со зломъ на вѣкъ простимся—
И духъ добра въ себя воъемъ,
О съ Богомъ зло не совмѣстится,
Такъ будемъ же ему молиться,
Да вступимъ въ сѣнь Его вдвоемъ!!—

ПѢСНЬ XIV.

Къ Н...

Долго ль, долго ли кручину
Буду милая питать?
Сердцу тѣсно, а причину,
Моженъ скоро отгадать;

Я повадился мечтою,
Неразлучнымъ быть съ тобой,
Что же будетъ, коль судьбою
Вѣкъ мой рушится злагой?

Мнѣ была въ кручинѣ сладость,
 Я тобою лишь дышала,
 Грусть о милой—сердцу радость,
 Въ ней отраду обрѣтала!

Я тебя, о другъ мой, скромно—
 Звала въ объятія свои—
 Страсть кипитъ—но я упорно.
 Нѣсъ желанія твои—

Ты хотела четверть года,
 Послѣ полъ—и цѣлый годъ!
 Я терпѣла—но мнѣ свобода—
 Слишкомъ горька на исходъ!!...

Скоро годъ, но всё молчанье—
 Тихо всё вокругъ меня!
 Только сердца трепетанье,
 Часто, часто, слышу я.—

Двигается оно тобою,
 Всё въ тебѣ, и для тебя!
 О не будь же Н... я злою,
 Оживи скорѣй меня!!...

Скороль жизнь моя разсвѣтетъ,
 Скороль ночь ея пройдетъ?
 Скороль солнышко пригрѣетъ,
 И умершій оживетъ?....

Другъ мой милый! другъ дражайшій!
О зовись скорѣй ко мнѣ!
И назначь мнѣ срокъ кратчайшій,
Умились къ моей судьбѣ!....

Преблагій и Милосердый
О услышь мой сердца гласъ!
Ахъ приблизь, приблизь скорѣе
Мой сладчайшій жизни часъ!....

ПѢСНЬ XV.

ПРИЗРАКЪ Р.

Благослови меня оттоль
О тѣнь священнѣйшая друга!
Благослови мою любовь
Ненаводя уже испуга—
Я перешелъ чрезъ испытанія
Перешагнувъ черезъ мечтанія,
Твой духъ я вижу надо мной
Витаетъ съ ласкою благой.

Лети жъ и къ ней, шепни тихонько,
 Чтобъ черный креплъ съ себя сняла—
 И скорбь души, ужъ слишкомъ громку,
 Въ одномъ бы сердцѣ понесла.
 Тебѣ нѣтъ нужды въ увѣреніи;
 Ты зналъ ее къ себѣ почтеніе,
 И креплъ приличья, мрачный видъ,
 Тебя не будетъ веселить.—

Пусть веселится въ новосельи,
 День два забывшись о тебѣ—
 А ты простишь сіе забвенье—
 Заботясь о ея судьбѣ.—
 Тогда мнѣ небеса откроются,
 Тогда лишь духъ мой успокоится—
 Тогда начну я только жить—
 Чтобы ее боготворить!
 И въ ней тебя всю жизнь хвалить—
 И вѣки вѣчны память чтить—
 Твою другъ юности моей!....

ПѢСНЬ XVI.

ЭПИТАФИЯ. Р.

ПРОХОЖІЙ!

Я видѣлъ суету мірскую, какъ и ты,
Но Провидѣніе могилу указало.—
И такъ прекрасный міръ, на вѣки ужъ прости!
Мое добро къ людямъ — предъ Богомъ днесъ пред-
стало;
А вы мнѣ милые! съ чувствительной душой
Не плачьте болѣ надо мной!!...

ПѢСНЬ XVII.

ПОСЛѢДСТВІЕ.

Какъ камень я теперь безгласенъ,
Стою съ поникшею главой;
Я въ жизни сдѣлалъ шагъ ужасный—
На жребій свой и шелъ войной!
Былъ бой у насъ, на жизнь и смерть,
Въ тотъ часъ, тряслась земная твердь,
Души твердыня трепетала—
И сердце кровью облилось!
Былъ бой—со всѣмъ не на авось!....
И тутъ, любовь моя пропала!!...

Ее унёсъ судьбины вихрь—
 Въ свою незримую обитель,
 И жизненный вулканы мой стихъ
 И сдѣлался я ада житель!....
 Я слышу хохотъ раздаётся,
 Мой духъ къ отвѣту ужъ зовѣтся,
 И адски гурин кругомъ,
 Влекутъ, терзавъ меня на части
 Испить своей гienской сласти—
 Надъ мной раздался ярый громъ,
 Завыли адскіе церберы—
 И змѣи всюду зашипѣли—
 На сердце жала устремивъ—
 И слышенъ пискъ: а.—!! ты любилъ!?...
 А тамъ рогатые чѣртѣнки,
 Державши факелы въ когтяхъ—
 Огнемъ мой путь во тьму свѣтили—
 И дѣлавъ съ стукомъ антраша—
 Въ одинъ расцѣвъ всё хоромъ выли.—
 » Вотъ славная цдѣть душа!!...
 » А вы почтеннѣйшій любилъ!!!...???
 » Такъ для дадытѣйшихъ въ томъ наукъ,
 » Извольте жъ слѣдовать для мукъ!!
 Ахъ, думать я тогда съ собою,
 И что мнѣ новаго въ аду?
 Мнѣ кажется борясь съ судьбою

Я въ жизнь до дна испилъ бѣду;
 Но каркали вороны въ слѣдъ—
 Летѣвши въ тысячахъ. » О нѣтъ!!...
 » То билъ надъ земный духа галь,
 » И всей бѣды ты не позналъ—
 » Спѣши жъ, спѣши жъ предъ Вельзеула!!...
 И вдругъ огнемъ въ меня пахнуло—
 Я предъ могущаго предсталъ:—

Среди клокочущихъ зыбей—
 Бурно дождливой ночи черной—
 Среди страшилницъ и чертей,
 Гдѣ воздухъ реялся смертельный—
 На тьмѣ удавахъ возсѣдалъ—
 Царь смерти—и на судъ свой звалъ!—
 » Скажи двуногая химера «
 Онъ съ злобой рекъ мнѣ громогласно,
 » Повѣдай мнѣ! какія мѣры,
 » Ты избралъ, чтобы жить прекрасно?....

Я

Нашедши мыслей идеалъ
 Въ прекрасной дѣвѣ—къ ней стремился,
 Въ ней счастья моего искалъ,
 И для того въ нее влюбился.—

ОНЪ.

По ты ужъ пожилъ, а она,
 Едва лишь въ жизнь благословила,
 Хотя всему научена,
 Но можно ль, чтобъ съ тобой слобилась?
 Скажи откуда дерзка мысль,
 Затмила твой ходячій смыслъ?

Я.

Отъ сердца, и моей души,
 Отъ вѣры чудной въ Провидѣнье
 Досель всё были хороши—
 Пилъ чашу горькаго мученья,
 Но лишь ее едва позналъ,
 Съ тѣхъ поръ мой вѣкъ, мнѣ расмѣ сталъ!!...

ОНЪ.

Такъ ты забылъ уже объ адѣ?
 Забылъ меня и весь сей сонъмъ?
 И въ жалкомъ счастія нарядѣ,
 Забылъ испить Коцита воли?....

Я.

Гдѣ счастье, тамъ мысли нѣтъ,
 Что адъ мой гдѣ либо живеть!

ОНЪ.

Ахъ ты ничтожное творенье!
 Какъ могъ, какъ смѣлъ меня не знать?
 Тогда какъ началъ обожать
 Неиспытавъ еще мученья?....

Я

Прости меня, о муки Царь!
 Я былъ за то уже наказанъ;
 Въ любви, весь адъ твой мнѣ предсталъ;
 Ахъ счастливъ тотъ, кто ей несвязанъ!

ОНЪ.

Тебѣ отъ вѣка суждено,
 Питать въ себѣ любви терзанье—
 Да что мнѣ толковать одно!
 Ступай пріять ты наказанье!....

Вдругъ засверкали адски очи
 Его на весь стоящій чинъ!
 Меня повергли въ бездну ночи,
 И мучусь въ ней, я всё одинъ—
 Мой стонъ неслышенъ никому,
 Самъ Богъ, не внемлетъ ужъ ему!....

ПѢСНЬ XVIII.

ДА!....

Не смѣйтесь люди надо мной!
Я невиновенъ передъ вами—
Мой путь былъ чистый—и прямой,
Когда летѣлъ я за мечтами.
Не заслонялъ я никогда
Собою чьей либо дороги,
Старался въ жизни сей всегда
Блюсти Твои, о Боже, строгіи
Велѣнія, незлобнымъ быть,
И чтобъ обидѣвшихъ любить!....

Отъ всѣхъ, всегда уединенъ—
 Мнѣ такъ назначено судьбою—
 Мой бытъ, людьми давно забвенъ—
 Бесѣдную, лишь самъ съ собою,
 Такая горькая мнѣ часть,
 Какъ запускнїя напасть—
 Всегда тревожитъ разсужденъ—
 И я, давно бы развязалъ,
 Злосчастїя моего фїаль,
 Когда бъ не вѣрилъ въ Провидѣнїе!....

Надежда жизни нить блудеть,
 Хотя давно очарованье
 Утратило свой яркій свѣтъ;
 И я, какъ неба наказанье,
 Себя въ самомъ себѣ гнѣту—
 И въ жалостномъ такомъ быту—
 Не знаю гдѣ съ собой дѣваться!
 Всегда я лишній межъ людей—
 И самъ съ собой, боюсь остаться—
 Мнѣ жизнь моя—теперь злодѣй!....

Мое остановилось время—
 А жизни сладкія раскатъ,
 Еще закономъ тяготѣнья—
 Несѣтъ ес; непрямо ль въ адъ?
 И въ жалкомъ бывши я волненъ,

Во всемъ Божественномъ твореньи
 Ни въ чемъ отрадъ не нахожу!
 Мнѣ всё туманъ!—мнѣ всё пустыня!
 Всё мракъ!—всё хладъ! о зла судьбина,
 Кончай завѣтъ свой! все твержу.....

Къ чему такая жизнь пасквильна,
 Я неспособенъ ни къ чему!
 Хотя чувствіемъ она обильна,
 Но въ чувствѣ, смѣхъ одинъ уму!
 Въ физическомъ оцѣнитьтъ
 Разстерзанной собою души,
 Живя въ степномъ уединеннѣ,
 Безъ соучастія, въ глуши—
 И чѣмъ достоиніе заняться,
 Какъ надъ собою самимъ смѣяться?....

На что же онъ томится, скажутъ,
 И что въ пустынѣ той живетъ—
 О хладные! пускай развяжетъ,
 Любовь, сей мракъ—и дастъ отвѣтъ.
 Еще ли я встрѣчаться долженъ,
 Съ той, въ мірѣ, съ косою расторгенъ,
 Мой рай на вѣки злой судьбой?
 Нѣтъ—нѣтъ! бѣжать, не видѣть хлада;
 О, большаго для сердца ада,
 Не видѣть въ жизни надъ собою!....

Блаженъ, съ холодной кто душою,
Въ комъ чувства, разумъ старшина,
Тотъ смѣйся—смѣйся надо мною!
Намъ доля разная дана;
Ты въ истинѣ всегда, какъ камень
И въ смѣхъ тебѣ сердечный пламень!
Ты жалкое лишь видишь въ томъ,
Гдѣ нѣтъ порядка и расчёту,
Гдѣ чувство предано Эроту—
Тамъ всё по твоему вверхъ дномъ.

ПѢСНЬ XIX.

ТАКЪ ЧТО ЖЪ?....

Она теперя въ восхищеньи!
Младое милое творенье—
Создателя—и вся горитъ,
И въ кругъ ее пожаръ шумитъ!
Она ко всемъ любовью дышетъ,
И какъ Армида всё колышетъ,
Надеждой сладкой на себя—
И всё вокругъ въ движеньи яромъ—
Крушимо бывъ любви пожаромъ,
Таращится усы вертя.—

Или жебо на шестъ править—
 Иль саблей въ попыхахъ гремить—
 Или другихъ гримасой славить—
 О шпору шпорою брячить.
 Ахъ какъ пріятно!.... восхищенье!....
 Всѣхъ приводить въ самозабвенье—
 Все дышетъ мною лишь одной,
 Какой восторгъ! какая радость;
 Трепесчетъ вся предъ мною младость,
 Какъ листъ осиновый живой!!!!

Толпами нѣжности несутся—
 Ипофалы изъ устъ и глазъ—
 Въ дали тамъ вздохи раздаются,
 Иль чистыя, иль для проказъ;
 Но ты по суетности милой—
 Пріавъ за сердца знакъ правдивый,
 Бывъ горделиво хороша—
 Сей блескъ, горячку молодежи,
 Капризь—сатиру—даже слёзы—
 Не ставишь—а, ни въ полъ гроша!....—

И давъ отвѣтъ на притязанья,
 Съ нихъ каждому, въ приличный часъ,
 Свое тѣмъ тышишь лобознанье—
 И свѣта—и ходячихъ глазъ.—
 Сама жъ съ собою на досугъ,

Вздыгаешь въ ужасъ, въ испугъ;
 И совѣсть часто, то твердить,
 Что ты ходячая монета,
 Въ любезностяхъ теперь для свѣта,
 Что умъ твой—не добро творить!—

Твоя улыбка граціозна—
 И блескъ твоихъ прелестныхъ глазъ,
 Движеніе тѣла, жизни полной—
 И нѣжность въ выраженьи фразъ—
 И все, что заключаетъ младость,
 Въ себѣ—безпечность—сердца радость,
 Всѣ чары бrenныя земли—
 Онѣ въ тебѣ одной столпились—
 Тобой, чтобъ люди веселились—
 Тобою бредить, чтобъ могли!—

Такъ, тѣшутся тобою всѣ,
 Какъ бы цвѣткомъ прелестной розы;
 Но долголь будешь въ красотѣ?
 Ахъ—и на розы есть морозы!
 Издохнетъ запахъ, и листы—
 Раздуетъ вѣтръ!—и другъ мой, ты,
 Узришь—кулисы измѣнятся—
 Узришь, вздыхая наконецъ,
 Что свѣтъ, причудливый нагнецъ—
 Ты станешь и сама смѣяться!....

Вотъ тѣжъ, со всѣмъ ужъ для другихъ,
 Вертятъ усы, бряцаютъ въ шпоры—
 Весь каламбуръ потѣхъ твоихъ—
 Теперь тебѣ—лишь въ смѣхъ и въ горе,
 Ты покиваешь головой—
 Тогда вспомянешь, гдѣ же мой—
 Здѣсь жребій, я его не вижу!?...
 Какіе право чудачи,....
 Искали всѣ моею руки—
 О маски!—я васъ ненавижу!!....

За маску, маска всегда—
 За чувство—чувство, намъ дается,
 Невелика еще бѣда,
 Когда безчувственный смѣется!
 А потому любовь пряма—
 Въ толпѣ любовной, есть скромна;
 Она однимъ предметомъ дышетъ;
 А кто двонть, десятеритъ,
 Тотъ часто самъ себѣ вредитъ,
 Она—оглохнеть тамъ, не слышетъ!....

Ахъ, не вертися же дружокъ!
 Какъ флюгирокъ, съ своею красою,
 Что бы не сдѣлать тотъ прижокъ,
 За конимъ вѣить пустотою.—
 Чтобъ твой возвысившійся духъ,

Не палъ—содѣлавшись самъ другъ.
 И вы въ двоимъ захохотавши—
 Разъединитесь какъ сошлись—
 И будетъ презабавна жизнь!
 Того ли ждали вы вѣнчавшись?....

Какъ часто льстивыя слова,
 И шель любви скороспѣлой,
 Огъ коей сердце, голова,
 Казалось свыше опьянѣли,
 Являли счастья намъ завѣтъ,
 А обнажаться счастья нѣтъ!—
 Вотъ наша мудрость—какъ шатка,
 Вотъ часто доля, нашей думы,
 Но жизненны нервутся струны,
 Гдѣ строить Божія рука.—

Не красота и не цѣрность,
 И не притворственный нашъ видъ,
 Не изучоная тоскливость,
 Намъ счастье прочное сулитъ:
 Но чистое, прямое чувство,
 Гдѣ нѣтъ малѣйшаго искуства,
 Себя, чтобъ не собой казать—
 Даютъ дамы счастье прямое,
 Хотя не небесное—земное—
 Чего жъ намъ болѣе желать?....

ПѢСНЬ XX.

ПѢСНЯ А.

Голубь сизый, голубь сизый, волохатый
Потерялъ свою голубушку, крылатый,
Онъ поднялся въ поднебесье и летаетъ,
Злу кручину между облакъ раскидаетъ.

Тамъ неслышны его стоны, воркованья,
Пропадаютъ въ буйныхъ вѣтрахъ завыванья
Онъ невѣрной тамъ голубки ужъ не встрѣтитъ,
И никто его кручины не примѣтитъ.

Ахъ, злой рокъ, о зла судьбина! что ты строишь?
Что мнѣ гроба—хладна гроба не откроешь?—
Такъ сожму жъ я свои крылья, озимъ ринусь,
Къ утѣшенію, жестокой, ужъ не двинусь.

Ахъ ты соколъ, не терзай меня когтями!
Я истерзанъ ужъ невѣрными сердцами—
Проглоти жъ меня ты цѣлымъ, если можешь—
Тѣмъ любви ты плачевной не встревожишь!!..

ПѢСНЬ XXI.

ПѢСНЯ II.

Ахъ канаренчка любезна
Гдѣ дѣлся голосъ твой!
Ты такъ пѣвала громко прежде,
Теперь сидишь нѣмой.

Вкругъ слышно пташекъ щебетанье,
Всѣ въ парѣ, ты одна!
Въ раздуміи или мечтанье—
Или ты просто зла?—

Не то, не упрекайте птички!
Во мнѣ вѣтъ сердца нѣтъ?
Водима я была привычкой,
А злость лишь въ немѣ живетъ.—

Я право вѣкъ была бездушна—
И пѣть лишь мой языкъ!
Онъ былъ всегда во мнѣ послушенъ—
Тому къ чему привыкъ!....

Когда жъ любовь я повстрѣчаю,
Любовь—не въ томъ цвѣту;
Тогда летаю я—летаю,
И пѣсенки гнегу.....

И что же пѣть? когда плаксива,
Меня судьбина ждетъ?
Я слишкомъ, слишкомъ полюбива,
Чтобъ мнѣ теперя пѣть!....

ПѢСНЬ XXII.

ЕЩЕ ОДНО ВОСПОМИНАНИЕ. О Н...

Воспоминанье о тебѣ, еще любви печальной
злѣе,

Какъ призракъ ты судьбы коварной,
Призракъ любви неблагодарной,
Тѣмъ зришься мнѣ, еще милѣе—

И мщенья твоего порывъ,
Давно вполнѣ я оцѣнилъ!

Какая странная борьба—ты мнѣ была Наполеономъ—
Ты жгла меня красы армадой,
Алкалъ я побѣдить съ досадой,
Тебя краса, своимъ—особеннымъ закономъ.—

Но не свершилося!!...

Свободенъ я—и всё горюю—
 Ты жъ безъ сомнѣнїя, проводишь жизнь златую.
 Вотъ кончались чѣмъ, мои громадные мечты—
 И знай мой сердца другъ, что я твой образъ милый,
 Снесу съ собой туда, гдѣ нѣту суеты—
 Куда въ несмѣнныя, преселимся квартиры—
 И тамъ въ цѣпи предбудущихъ вѣковъ—
 Внесу его съ собой превыше облаковъ!!...

А ты, прошу тебя, мой сердца другъ любимый
 Когда то жъ къ пристани житейской доплывешь,
 Поникнувъ головой въ раздумїи уныломъ,
 Мой рокъ припомнивши, не правда ли вздохнемъ?

И я сей вздохъ прїиму, завѣтомъ примиренья—
 И тихій вѣтерокъ—пахнетъ моимъ прощеньемъ,
 Такъ сладко на тебя!....

.

И какъ намъ будетъ мило!!!..
 Тутъ сбросимъ мы на вѣкъ, что сердце тяготило,
 И гордость, и красу; и тамъ познавъ себя
 Въ одинъ сдѣявшисъ духъ, вкусимъ такихъ утѣхъ

И ты!—и, я....

Какихъ въ семъ мірѣ нѣтъ.

Да!.... да!....

ЖУРНАЛИСТУ.

Въ 1828 году.

О ты, журналовъ Русскихъ Филинъ!
Талантовъ слабыхъ—грозный бичъ,
Россіи феномень счастливый
О ты у насъ великій... ичь!
Къ тебѣ я взоръ простерть дерзаю,
И въ духъ трепетномъ вѣщаю;
Помилуй насъ, и пощади!
Позволь летать въ лѣсахъ синицамъ,
Вѣдь ты Россійская жаръ птица.
И мы летаемъ позади!....

Ужели время золотое,
 Для насъ потеряно на вѣкъ!
 И сердце книжно—молодое,
 Теперь не будетъ человѣкъ?....
 Уже ль шумѣть не перестанешь,
 Уже ль съ улыбкою не глянешь,
 Ты снисходительной на низъ,
 Не всѣ же стихотворцы Графы,
 Другимъ насущный въ эпиграфъ,
 Правдивѣйшій ума эскизъ.....

Плѣняясь собственнымъ талантомъ,
 Напитаннымъ и всѣхъ и вся,
 Ты не доволенъ общимъ фантомъ;
 Фортуна лишь тебѣ судья—
 Несу и я съ спокойнымъ чувствомъ
 Бывъ увлеченъ твоимъ искусствомъ
 Дань должную—да.... такъ!... плати!....
 Хоть буду тѣдѣть вѣкъ въ телегѣ,
 Но по твоей фасонной пѣгѣ,
 Въ сей вѣкъ намъ должно всѣмъ идти!

А безъ того—исчезнуть факты,
 Новѣйшихъ бытностей земныхъ,
 И мы не бывъ тобою объаты,
 Найдёмъ лишь вздоръ въ себѣ самихъ,
 Съ тобою Русская зарница,

И наша мрачная зеница,
 Слегка провидитъ міръ кругомъ,
 Бываетъ же и то порою,
 Что мы гурьбою за тобою,
 Въ Метафизическій бредемъ!....

Но ты прегордое творенье!
 За всю пріязнь, за всю боязнь,
 За безусловное терпѣнье,
 Безжалостно всѣхъ мечешь въ грязь!....
 И только пикни кто неладно,
 Ужъ слуху твоему досадно—
 И желчью, пишешь приговоръ!—
 Ты правъ!—и я въ душѣ согласенъ;—
 Молчу—и далѣе безгласенъ;
 Но я ль одинъ пицу лишь вздоръ?....

Твоя ли умственная сила,
 Въ полетахъ равность соблюла,
 И не сбивалася ль въ стремнинахъ,
 Хотя красна—и вѣсьмъ мила?
 Пристрастія, избави Боже,
 Не то поступишь съ нами строже,
 И хлѣбъ насущный отберешь;
 Пусть чахнутъ наши жоны, дѣти—
 Пусть не обуты, не согрѣты;
 Но ты лишь правдою живешь!....

Такъ—есть чтецы и Еруслану
 Не всѣмъ по вкусу.....
 Бываетъ синему кафтану
 Пріятнѣй вздоръ, чѣмъ вкуса фактъ—
 Не всѣ о Гете, о Байронѣ,
 О Мурѣ и Наполеонѣ,
 Лишь будутъ въ помыслахъ бродить;
 Иному же свое родное,
 Хотя не модное, простое—
 Ближае сердцу говорить!....

Дурное же, безъ смысла, связи,
 Не далеко поедить въ ходъ,
 Увязнувъ въ собственной же грязи,
 Лишь смѣхомъ подарить народъ.
 За что же радостью чужою,
 Не дорожить, и лишь собою,
 Желать понятія наполнять.
 О будущемъ ни кто не знаетъ;
 Но всякъ въ думѣ своей читаетъ,
 Что денежки, нехудо брать!....

Пожалуй вы себѣ плѣняйте,
 Разумниковъ—вамъ добрый часъ,
 А насъ въ покоѣ оставляйте,
 Вамъ ваше—наше же для насъ;
 Лишь въ Библію не киньте ока,

Чтобъ ненайти себѣ урока—
Кичливыхъ, что смиряетъ Богъ!
Да длится жъ слава
Но въ снисхожденіи безъ жала
Которымъ бы язвить онъ могъ!....

КЪ ПРАХУ

БРАТА АЛЕКСА... В. БАШКАТОВА.

Какая власть утишить грусть,
Поможетъ сердцу не залиться
Въ крови своей—ужасно, пусть
Земля, и небо разразится—
Пусть я исчезну тамъ, нѣ сямъ,
На зло моимъ врагамъ, бѣдамъ—
Но только бы кончились тревоги—
И я воскресъ бы къ жизни вновь—
Познать бы дружбу—и любви.
Синъ сладчайшій оковы!....

Ахъ гдѣ любовь! гдѣ милый братъ?
 Ты спишь въ объятіяхъ покоя,
 Съ тобой любовь, и дружба спятъ—
 А я живу, лишь жизнью ноей—
 И гдѣ?—и съ кѣмъ бы здѣсь не былъ?
 Я всё одинъ!—я все одинъ!....
 Молчать давно твои уста—
 Не слышенъ голосъ ихъ привѣтный!
 И вотъ какъ призракъ незамѣтный
 Я въ тѣ жъ спѣшу снѣти врата.

И скоро—скоро, милый братъ!
 Повергнуся въ твои объятія,
 Хоть страшень мнѣ, могильный хладъ;
 Но мы съ тобой родные братья—
 Мы жили здѣсь душа съ душой,
 И тамъ уснемъ доска съ доской!
 Какое сладкое мечтанье!
 Мой духъ съ твоимъ я съединю,
 И къ новой жизни воспарю—
 Гдѣ спитъ на Бога упованье!....

Мечты былые стихнуть тамъ,
 Мои къ любви—твои ко славѣ.
 И по Всевышняго судьбамъ—
 Мы успокоимся къ забавѣ—
 По насъ оставшимъ удалымъ—

Да знаюгь всё—сколь тщетна былъ—
 И какъ всё сласти въ часъ единый,
 Со вздохомъ вмѣстѣ улетятъ,
 И гдѣ любви—гдѣ славы гладь?
 Они исчезнуть, какъ не были!....

Колумбы самыя—въ гробахъ,
 И Вертеровъ пожрали черви,
 И гдѣ ихъ дѣхъ?—и гдѣ ихъ прахъ?
 Исчезло всё, какъ свѣтъ вечерній.
 Былому здѣсь, возврата нѣтъ—
 Пока намъ свѣтитъ солнца свѣтъ.
 Гдѣ будутъ тѣ, кого любили—
 Со всей открытою душой
 Теряя счастье и покой?
 Они исчезнуть—какъ не были!....

Твое пристрастіе къ земли—
 Твои ландкарты—лексиконы—
 Какую сладость принесли,
 Тебѣ холодному къ любви?
 Гдѣ духъ твой мыслью не леталъ?—
 И чѣмъ себя онъ не ласкалъ?
 Но твой потухлый факель жизни,
 Не вспламенится болѣ тамъ,
 Гдѣ и великій, малымъ сталъ,
 Въ юдоли общія отчины.—

А я съ любовью красоты,
 Не утомленный—не призрачный,
 Умчу туда свои мечты—
 Въ тотъ край крестомъ благословенный,
 Гдѣ болѣй страсти не вскипать!
 И гдѣ ехидны не вснипать!.....
 Тамъ, тамъ, на нихъ мое презрѣнье—
 Съ улыбкой кроткой возвѣщу.
 И всѣ коварства имъ прощу—
 О жалкое успокоенье!....

Тамъ и Надежда, и Любовь!
 И Дуничка и всѣ Темиры,
 И Лизиньки, что портютъ кровь,
 И Машиньки—и Катерины,
 И Александры не въ попадѣ,
 Которымъ вѣчно былъ я радъ—
 Аняты милыя, Шарлоты—
 Ахъ жалокъ мнѣ о васъ вспоминь!!!
 Я съ вами жилъ!—и вотъ одинъ
 А въ вѣчность рухну безъ охоты!....

Да счастье на васъ живетъ!
 Да ваши дѣточки и внуки,
 Не попадутъ въ печальный слѣдъ,
 Моей прискорбной вѣчной муки!
 Да будетъ ихъ краса любить,

Они жъ красѣ, да будутъ мститѣ—
 Презрѣніемъ за всѣ напасти,
 Что въ жизни я отъ ней понесѣ.
 Пусть обольется токомъ слезъ,
 И всѣ познаетъ муки страсти.—

Они же чинно подбочась!
 А, а—жестокимъ съ язвой скажутъ!
 За нашихъ матерей вамъ казнъ.
 Страданье жребій вашъ развяжетъ!
 Узрите вы какъ умеръ тогъ,
 Кого убилъ ихъ злой комплотъ;
 Несите жъ въ гробъ вы, ваше дѣвство,
 Да тѣни ваши тамъ предъ нимъ,
 Уже смиреніемъ своимъ—
 Накажутъ злое чародѣйство!!....

Вотъ братъ мнѣ милый! все стяжанье,
 Въ семь кратковременномъ пути!....
 Вотъ наша жизнь, и ожиданья,—...
 Вчера ты жилъ—твоя мечта—
 Еще куда, куда летѣли?
 Въ любви мы братской пламенѣли—
 И что сего дня? Боже мой!
 Ты мертвъ, глаза твои смежились:
 Ударъ!—и добро—лишились!
 Лишь слышенъ мнѣ, народный вой...!!!

МОСКВА.

Москва привѣтствую тебя!
Ты мать счастливая Россіи,
Во всемъ прекрасное любя,
Я здѣсь нашелъ лишь дни златыя,
Вотъ только мѣсяцъ тутъ живу,
И всё судьбу благодарю,
Не слышу времени полета,
Онъ весь мелькнулъ, какъ бы моментъ,
И право то не complementsъ;
А сердца моего газета.—

Пріѣхалъ я сюда съ полей,
 Съ душою полною пустыни—
 Всѣ впечатлѣнія для ней,
 Конечно ярки, новы, живы;
 Прошу же, слушая разсказъ,
 Разборчивый читатель васъ—
 Не насмѣхаться надо мною;
 Я изъ далекой стороны,
 А вы конечно такъ добры,
 Что васъ разсказомъ не разстрою.—

Вотъ къ матушкѣ подѣхалъ я,
 Во мнѣ душа затрепетала—
 Внутри стучитъ: Москва—Москва!
 Москва снаружи мнѣ предстала.
 Не могъ ее обнять мой взоръ,
 Какой восторгъ, какой просторъ!!...
 Верхи церквей зажглись, какъ звѣзды
 Повсюду звонъ колоколовъ,
 Помятымъ голосомъ безъ словъ,
 Взывалъ—сколь Богу Русь любезна!—

Передъ заставой я вскочилъ,
 Взглянулъ—вдохнулъ! перекрестился,
 Мой взоръ на матушкѣ почилъ,
 И радостной слезой омылся.—
 Вотъ имя въ списокъ занесли,

Что житель я теперь Москвы;
 Опять насъ лошади помчали—
 Среди толпы и суеты—
 Уснули здѣсь мои мечты,
 Одни глаза торжествовали!....

Вотъ на мостъ я Москвы рѣки,
 Въѣзжаю съ жаднымъ удивленьемъ,
 Явились новы красоты—
 Мой духъ съ почтительнымъ волненьемъ
 Въ Кремль съ святыней Россіянъ
 Въ протекшихъ временахъ леталъ,
 На право видѣлъ домъ Совѣта,
 Скрижалъ Монаршей доброты,
 Привѣтъ любви, и правоты
 Къ пришедшимъ въ міръ сей безъ привѣта.

Въѣзжаю въ городскую часть,
 Явились Мининъ и Пожарскій,
 Вспоминъ про прежнюю напасть,
 И подвигъ истинно гиганскій—
 Вокругъ такая суета!
 Что мнѣ казалось то мечта,
 Не зная на что глядѣть мнѣ прежде,
 Мой взоръ леталъ, какъ мотылёкъ,
 Съ цвѣточка на другой цвѣтокъ—
 Толпой тѣснились въ грудь надежды!....

Мой первый долгъ—предъ Богомъ снѣ,
 Въ Соборъ Успенія являюсь,
 Онъ духа Русскихъ властелинъ,
 Предъ нимъ великимъ повергаюсь!—
 Благодаренія фиміамъ—
 Да взыйдетъ тамъ!—да взыйдетъ тамъ!
 Со мною отъ цѣлаго народа—
 Да въ этомъ духъ процвѣтѣтъ,
 Да въкъ почіетъ онъ на нѣмъ,
 И перейдетъ изъ рода въ роды.

Да возгордимся мы собой
 Своимъ добромъ—да будемъ славны!
 Витъ славны бубны за горой,
 Взгляни вблизи—намъ будутъ равны—
 Мы благочестіе любя—
 Не смѣемъ впрямъ развить себя,
 И бывъ пристрастными къ чужому,
 Къ себѣ мы строги не попадаѣ—
 И часто нашъ родной талантъ—
 Какъ бы булавка въ глазъ другому.

Чужіе часто роютъ вздоръ,
 Да какъ то чуждый вздоръ мнѣ,
 Не намъ—не намъ онъ есть въ позоръ
 Мы выскажемъ его смѣлѣ,
 Въ родномъ же словѣ? будь великъ!

Не то—умолкни твой языкъ!
 Вить—простота—не въ лучшемъ тонѣ—
 На всё теперь есть высшій взглядъ;
 А нашъ низжайшій не попадѣтъ,
 Повергнемъ въ храмъ предъ престоломъ.

Но полно! ужъ въ квартирѣ я
 Любуясь милымъ мнѣ привѣтомъ,
 Хозяинъ добръ, душа полна,
 Своимъ таинственнымъ разсвѣтомъ.
 И мысли разныхъ ужъ затѣй—
 Ронился въ душѣ моей.
 Такъ жизни новой проявленье—
 Какой то рѣзкою чертой—
 Дѣлало мрачный мой покой,
 На сладкое души волненье!—

И я вздохнувши отъ пути
 По адресамъ явился въ люди,
 Пріятно было мнѣ найти,
 Привѣтъ безъ горькія простуды;
 Вопросамъ не было конца,
 И въ минѣ каждаго лица,
 Москвы я видѣлъ отпечатокъ,
 Она жъ давнишній хлѣбосоль—
 Въ ней добродушно просторъ,
 И какъ то хлѣбъ Московскій сладокъ!

Хозяйки милы вообще,
 Вниманье ихъ невыразимо,
 Казалось бы теперь еще—
 Не всё мнѣ въ пользу говорило,
 По снисходительности жъ ихъ,
 Мой духъ въ волненіяхъ притихъ—
 И я довольнѣй сталъ собою,
 Яснѣ свѣтъ мнѣ засвѣтилъ,
 Я къ жизни взоръ мой обратилъ,
 И вижу жизнь въ моей тревогѣ!....

Въ театрѣ являюсь—ослѣпленъ,
 Я освѣщенъ и пространствомъ
 Его устройствомъ, красотой,
 И изгнаннымъ отсель педантствомъ,
 Вездѣ благопривѣтства видъ,
 Такъ сладко сердцу говоритъ:
 » Прійди, прійди къ намъ, насладися
 » Здѣсь въ сердцѣ Русскія страны!
 » Удѣломъ нашимъ на земли—
 » Брось вздоръ! тоску—и веселися!

Но вотъ завѣса поднялась:
 Священна тишина настала,
 Какое торжество для глазъ;
 Во мнѣ душа затрепетала!
 Красѣ дивился языка,

(Хоть Русскій я, но съ далека)
 Дивился выраженьямъ чувства,
 Манерѣ—и пріятству лицъ,
 Гармоніи пѣвцовъ—пѣвницъ,
 Оркестру, тонкому въ искусствѣ.—

А декорациі?—ну—чудо!
 Они такъ были натуральны,
 Что долго, долго не забуду,
 О положеніи забавномъ;
 Съ Оскольдомъ я въ вѣкахъ леталъ,
 А здѣсь могли созерцать!
 Не помнилъ, что сидѣлъ въ театрѣ
 Спокойно въ креслахъ и теплѣ,
 Мой духъ носился при Днѣпрѣ,
 А ночь звала въ свои объятія!!....

И вотъ на горизонтъ луна,
 Вполнѣ явилась величаво;
 И освѣтилась вся страна,
 И всё кругомъ спокойно спало—
 Вотъ вдругъ зефиръ зашевелилъ,
 Зефировъ я жъ всегда любилъ,
 Казалось листья колыхались,
 Гляжу на небо, облака—
 Бѣгутъ—летятъ! издалека—
 И вдругъ, мнѣ тучей показались!!....

И тьма нашла—и молнии блескъ!
 И дѣпръ взревѣлъ волнами роя!
 И вѣтра свистъ!—и весель плескъ!!
 Въ дали боролися герои—
 Въ уютныхъ лодочкахъ съ грозой
 Вотъ близокъ часъ ихъ роковой!!
 Вдругъ въ небѣ громы загремя
 И тучи будто раздались,
 Съ дождемъ проливнымъ понеслись
 Ужъ нѣтъ пловцовъ!.... лишь сердце мѣло!....

Въ такомъ волненіи вышелъ вонъ
 Въ забытіи ни зря, ни чуя,
 Къ подъѣзду шумному на дворъ,
 Вотъ на квартирѣ ужъ сижу я;
 И мыслью жизнь мою протекъ
 Я въ АЛЕКСАНДРОВЪ громкій вѣкъ,
 Когда за пепель мы Московскій—
 Носились по Европѣ всей;
 Добромъ мы расплатились съ ней—
 И наглядѣлись драмъ геройскихъ!!...

Вотъ маслина—собранье днѣмъ,
 И я ужъ здѣсь глаза мѣлю—
 Повседневный кажется восторгъ!
 Снимъ чувствомъ самъ я пламеню!
 Кажалось вскрылись небеса—

Осуществились чудеса,
 И Грацій тьма оттоль явилась,
 Что мой досель насытый взоръ
 Найдя вполне себѣ просторъ—
 Сліясь съ душою веселились!!...

Что Русская земля богата
 Цвѣтущей яркой красотою
 Сюда я приведу собрата,
 Взглянуть!.... вострепещи герой!
 Твоя здѣсь твердость ко дну канеть,
 Колю на тебя умильно взглянетъ
 Какая Фея здѣшнихъ странъ;
 Ты весь лишь въ нѣжность обратился,
 Ты въ нову жизнь переродился,
 И встрѣтишь счастье—не обмань!....

Мужей здѣсь вижу знаменитыхъ,
 Протекшей чудной стороны—
 Съ восторгомъ я какимъ то дикимъ,
 Любзая ихъ мыслію сѣдины,—
 И въ прошломъ думами летая
 Иныхъ давно ужъ не встрѣчая,
 Какъ на святино я глядѣлъ,
 И къ нимъ народное почтеніе—
 Раждало въ сердцѣ умиленіе—
 Мой духъ, какъ снова бы разцвѣлъ!....

Съ собранья ѣду на катанье
 Въ иномъ здѣсь родѣ торжество
 И новое очарованье—
 И въ новомъ видѣ франтовство.
 Морозъ красавицъ разцвѣчаетъ—
 Въ восторгъ каждая гуляетъ—
 На ухорскихъ лихихъ коняхъ—
 Поразрядившись въ экипажѣ;
 Межъ тѣмъ паяцы въ бонъ—куражѣ—
 Толпу собою веселятъ!....

Но вотъ великій постъ!—разлился—
 Унылый звонъ колоколовъ—
 Москвой, я вдоволь насладился,
 На благодарность нѣту словъ.
 Пойду же въ церковь, помолюся,
 За всѣ утѣхи поклонюся.
 Зиздителю всего Творцу,
 Да духъ въ сѣмъ сладостномъ волненьи,
 Забывши прежнія мученья,
 Взлетитъ къ желанному концу!—

Д Р О В А.

МОИ МЫСЛИ.

1.

Наслажденіе всѣхъ физическихъ и моральныхъ чувствъ жизненными благами, въ высочайшей степени совершенства ихъ, безъ сомнѣнія назваться можетъ блаженствомъ, обѣщаннымъ намъ, только въ обителяхъ Предвѣчнаго. Человѣкъ при всѣхъ преимуществахъ своихъ, есть твореніе слабое, стихія бытія его подвержена тревоженію обстоятельствъ, которыя такъ сильно дѣйствуютъ на его сердце, что онъ подобно какъ бы хамелеонъ цвѣтъ, принимаетъ отъ нихъ самого себя, и я сомнѣваюсь, чтобы самые великіе и твердые характеры ни когда не колебались отъ ихъ потрясенія; а потому совершенное счастье на землѣ, есть, кажется, ничто иное, какъ только пріятное заблужденіе нашего сердца.—

2.

Чтобы писать Историю народов, не бывши копіистомъ для одного человѣка потребно много посторонностей; онъ, думаю, будетъ рѣдкимъ—феноменомъ всего человѣчества; ибо, чтобы не унижить въ лицѣ своемъ сего великаго званія быть нетусклымъ зеркаломъ протекшихъ вѣковъ для современниковъ и потомства: сколько онъ въ лицѣ своемъ долженъ совмѣстить знаніевъ, сколько въ сердцѣ и умѣ своемъ долженъ сосредоточить характеровъ? Какъ глубоко и тонко долженъ понимать человѣка и потокъ страстей? Какъ долженъ быть въ повѣтствованіи своемъ справедливъ, сообразителенъ, наставителенъ и вообще добродушенъ и мораленъ? Историкъ не сказочникъ, есть истинно почтенная рѣдкость на землѣ.—

3.

О любви, семъ священнѣйшемъ чувствѣ, причинѣ бытія всего видимаго нами, уже такъ много и многими писано, что мнѣ нечего сказать болѣе не осталось—я только заглянувши въ сердце свое по собственному опыту нахожу, что безъ ея божественнаго огня, давно бы оно угасло; а гдѣ нѣтъ огня, тамъ нѣтъ и жизни; это есть одна изъ мета-

Физическихъ аксіомъ такъ хорошо выраженная Русскою пословицею: не любить, не жить! о семъ Божественномъ чувствѣ, да не дерзаютъ судить души холодныя; не на ихъ оледѣнѣлыхъ сердцахъ курится фиміамъ, въ жертву любви.—

4.

Человѣкъ, когда имѣешь ты доброе сердце, находи счастье въ самомъ себѣ, это будетъ самое прочное искательство!!—Слава, сія химера многихъ бурливыхъ головъ, да не вскружитъ головы твоей—слава пройдетъ, и что наконецъ Александры великіе, что Наполеоны? любовь — но какая пустота послѣ, замѣнить ее? Богатство — къ кому прибѣгните лишась его, какъ не къ самому себѣ? и величіе гаснетъ и любовь истребляется, и богатство улетаетъ, какъ дымъ; но если не улетитъ у тебя собственное къ себѣ уваженіе, и если не оставитъ тебя твоя добрая и чистая совѣсть, вмѣстилище всѣхъ святѣйшихъ законовъ Предвѣчнаго, не тужи другъ мой, ты еще счастливъ.—

5.

Меланхолія есть пища чувствительныхъ душъ, если бы симъ душамъ вмѣсто пустаго вымыслимаго счастья, или несчастья, да поручить дѣйствительное

какое нибудь занятіе, онъ бы съ большою пользою жили для человечества и себя, и могли бы спастись отъ непріятныхъ для здаровья своего послѣдствій. Меланхоликъ — по мсему мнѣнію — есть получеловѣкъ — и когда приходитъ къ памяти, то всё странности его въ собственныхъ его же глазахъ покажутся странностями; но въ параксизмѣ онъ составляютъ всё существо бытія сего жалкаго творенія — и онъ съ восхищеніемъ бросается въ сію туманную бездну химеръ, готовую его поглотить иногда не возвратно. Следствіе меланхоліи есть ипохондрія, а конецъ послѣдній, совершенная потеря разсудка. Что же тутъ добраго? Кто имѣетъ несчастія быть зараженнымъ сею слабостію, бѣги скорѣе отъ отравы, или причины тебя снѣдающей, не то погибнешь не возвратно, и никто о тебѣ не пожалеетъ! —

6.

Если бы кто былъ столько счастливъ, чтобы и въ наши времена, могъ прожить вѣкъ Маѳусанловъ. Если бы жизнь его, не была жизнь животныхъ; а жизнь существа образованнаго; ежели бы онъ имѣлъ чувствительную душу, тонкій и разборчивый вкусъ — и разумъ вышедшій изъ предѣловъ обыкновеннаго — ежели бы онъ любилъ ученость — когда бы,

говорю, онъ посвятилъ жизнь свою на чтеніе лучшихъ авторовъ всѣхъ вѣковъ и странъ, и соединилъ всё достойное ума и сердца въ одну книгу, которою бы прочитавъ доставило жизни всякаго человѣка, даже лѣниваго. Какъ священна была бы книга сія для народовъ? сколько бы уменьшилось число невѣждъ, часто встрѣчаемыхъ теперь, даже въ такъ называемомъ лучшемъ кругѣ людей? какъ бы смягчились нравы наши? — какъ бы пріятны были дружескіе вечера, не пустотою и картами наполняемые? таковой человѣкъ долженъ бы быть почитаемъ за истиннаго благодѣтеля человѣчества для современниковъ и потомства. Скажутъ нѣкоторые, что высокій умъ, самъ отъ себя можетъ написать подобное, безъ посредства чтенія—не вѣрю; чтобы родиться какой счастливой и великой мысли, для того надобно случая, и всё великія нынѣ существующія произведенія умовъ, суть ничто иное, какъ игра его; случай, есть геній, разтревоженныхъ имъ страстей, мы видимъ часто, что творцы великаго и изящнаго, часто послѣ писали пустяки—прочтите Ломоносова, Державина, Богдановича, Карамзина и многихъ другихъ, какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ достойныхъ писателей, не говоря уже о иностранныхъ, вы увидите, что невездѣ одинъ духъ, одинъ геній, одно чувство, и одинъ вкусъ; часто читаемъ — и не узнаемъ писателя!....

Для того то, говорю, надобно совмѣстить энтузіазмъ, или вдохновеніе всѣхъ вѣковъ, и умовъ, найти уму и вкусу сдѣлать достойный выборъ — и помѣстить сію драгоценность въ одну книгу, тогда я позволяю себѣ надѣяться, что никакая голова не родилась еще и не родится въ вѣкъ, чтобы могла составить сама собою подобную! Конечно, сія мысль, есть только идеаль, ничто другое какъ мечта, но да будетъ прощено слабости моей—пріятны мнѣ и самыя мечты о пріятномъ и полезномъ для чело-вѣчества.—

7.

Быть можежъ вы скажете, что за неправоту людей, люди же и наказуютъ, все это такъ. Но для чего же иногда моралью не предупредить зла, которому часто не сердце, а невѣжество наше бываетъ виною. Мысли дѣдушекъ и бабушекъ нашихъ въ насъ удерживаются, и мы таковыми же надѣляемъ дѣтей своихъ, что называется народнымъ, или по крайности фамильнымъ характеромъ—счастливы тотъ смертный, чья бабушка и дедушка были добрые люди—въ противномъ случаѣ кто виноватъ за наше невѣжество — конечно не природа, а тѣ отъ кого сіе прямо зависитъ.—

8.

Напрасно женщина будетъ истощать все дарованія свои, чтобы понравиться въ свѣтѣ молодымъ людямъ съ душою и хорошимъ вкусомъ, ежели нѣтъ въ ней тонкой разборчивости въ познаніи характеровъ ихъ; не все любятъ одно, и каждый въ особѣ, къ которой хочетъ, какъ бы привязать самого себя; желаетъ видѣть, или найти идеалъ воображаемыхъ имъ совершенствъ; а воображеніе, темпераменты, характеры и воспитаніе, не у всехъ одинаковы. Я зналъ женщинъ, которыя нравились почти всемъ безъ исключенія: это, тихій и пріятливый нравъ, съ умеренною веселостію, скромность во всехъ поступкахъ, образованный умъ безъ блеску, одежда безъ особенной изысканности, и какая то непостижимая внимательность къ каждой окружающей ихъ особѣ, прибавимъ—при миловидной физіогноміи—былъ такой магнитъ, который невольно притягивалъ къ нимъ вообще все сердца, даже самыя женскія.—

9.

Хотя мудрено теперь сказать, что нибудь для другихъ новое, кажется все уже мысли людскіе перебраны и въ разныхъ тисненіяхъ подъ разными именами отпечатаны, но хорошее и возобновить

кажется не есть преступленіе; счастливъ тотъ Монархъ, у котораго министры остроумные, праводушные и добросердечные люди; человѣку одному нельзя объять всего подробно въ частностяхъ. Хорошее управленіе государства подобно часамъ, которые побывали въ рукахъ честнаго и искуснаго художника, гдѣ всѣ части имѣютъ свой вѣрный математическій размѣръ, и никакая неправильность не мѣшаетъ ровному движенію маятника; и потому повторяю: какъ счастливо то государство, гдѣ министры, суть преданнѣйшіе друзья и слуги, какъ Государя, такъ равно и народа, гдѣ правда блескомъ своимъ всякое пристрастіе помрачаетъ, тамъ свѣтитъ истинное солнце счастія, тамъ ни одна горькая слеза не окропляетъ, ни трона Царей, ни ложа несчастливца—тамъ, истинно цвѣтеть вѣкъ Астрей!—

10.

Человѣкъ высокихъ чувствъ видѣтъ для примѣтательнаго глаза и въ самомъ низкомъ состояніи; слова нѣтъ, что образованіе и кругъ людей, въ которомъ проводить онъ болѣе теченіе своей жизни имѣютъ большое вліяніе на образъ нашихъ мыслей о вещахъ, на утонченіе вкуса, на прелестную щекотливость ко всему касательно источника истинной чести

человѣческаго сердца, и правилъ жизни; но всё, врожденную въ человѣкѣ честь, и доброе самочувствіе, никакіе случаи не перемѣняютъ; и ежели онъ иногда, повинаясь обстоятельствамъ, и слѣдуя гласу разума принаравливаетъ себя къ нимъ; но внутренній гласъ природы, гласъ истиннаго Бога, обитающій въ сокровенныхъ изгибахъ его сердца, чувствуетъ противное, и сей то истинной гласъ сердца человѣческаго, не скроется, говорю, отъ примѣчательнаго взора знатока, онъ невольно выразится въ глазахъ, въ минѣ, въ принужденности его положенія; и никакое актёрство его, никакое коварство, не можетъ сокрыть ни, какъ истинно высокой и добродѣтельной, такъ равно низкой и подлой въ чувствованіяхъ природы человѣка, черты.—

11.

Женщина ханжа есть самое противное для меня твореніе на землѣ,—она обманываетъ себя, обманываетъ людей, обманываетъ самаго Бога,—и, ежели никого изъ нихъ не обманываетъ въ сущности, то покрайній мѣръ желаетъ обмануть—какое же твореніе можетъ быть преступнѣе сего? Сколько къ неудовольствію моему не зналъ я женщинъ такого рода, всё казались какъ бы въ одну форму выли-

тыми. Они все были мечтательницы страннаго образа мыслей, въ глазахъ ихъ, всякой челоуѣкъ есть ложь, всякой открыто дѣйствующій, есть слабоумень: а противурѣчуцій имъ, рѣшительно глупецъ!—Все сіи схищны, всегда обладали даромъ слова, заимствованнымъ изъ Библии—и, облекшись силою, какъ будто самаго Бога, въ самомъ дѣлѣ, руководствовались силою діавола; ибо такихъ мерзостей и обмановъ, ни одна, даже самая разсѣянная и равнодушная къ славы своей особа, при самомъ даже открыто неза-видномъ поведеніи своемъ, и вообразить себѣ не можетъ. Милыя женицны! счастье нашей жизни! умолию васъ, именемъ всего для васъ святаго и любезнаго: не будьте ханжами! тогда васъ и мы муж-чины, и женицны любить станемъ, тогда вы будете жить по истинному своему назначенію на землѣ.—

19.

Быть выше людскаго мѣтнія въ правилахъ своей жизни, значить быть свободнымъ!—сколько я ни перебиралъ самого себя, но ни какъ не могъ воспользоваться симъ преимуществомъ, челоуѣку дарованнымъ выше. Какая же тому причина? говорятъ: гласъ народа, есть гласъ Божій, сіе изреченіе гдѣршасть вопросъ. Привычка, самые цѣпи обще-

житія дѣлають для насъ сносными, даже необходимыми. Разумъ нашъ, часто сбивчивый, отступя отъ правилъ, апробованныхъ такъ сказать вѣками, долженъ быть крѣпко самонадѣятеленъ, чтобы въ послѣдствіи не поколебаться; и какъ будетъ постыдно для нашего самолюбія, ежели вынужденными найдѣмся наконецъ вступить на общую дорогу, по которой вообще слѣдуетъ родъ человѣческій—излишнее умищанье, часто заставляетъ насъ краснѣть; и такъ, правило, что живши въ Римѣ должно жить по Римски, да избавитъ насъ отъ напраснаго ломанія головы, и сколько не прикладывай пальца ко лбу, лучшаго право не выдумаешь.—

15.

Потеря милыхъ нашему сердцу тяжела, но—утѣшима, прійдетъ время общаго нашего свиданія!—мы все не вѣчны! станемъ равнодушнымъ окомъ смотрѣть на сіи печальныя сцены. — Провидѣніе лучше исполняетъ свои предопредѣленія — умиримъ слезы наши,—онѣ ни къ чему другому не клонятся, какъ къ потери собственнаго здоровья, которое можетъ быть съ пользою понадобится еще для оставшихся въ мірѣ.—

14.

Не должно терять времени, на пустыя мечты будущаго счастія ; лучше въ полной мѣрѣ наслаждаться настоящимъ. Всякое мгновеніе жизни нашей, проведенное съ удовольствіемъ, какого бы рода оно, удовольствіе ни было, только бы некропляло черными каплями совѣсти нашей, можно считать, проведеннымъ по наилучшему назначенію судьбы; излишняя разборчивость, много хорошаго и восхитительнаго насъ лишаетъ. Тотъ человекъ въ глазахъ моихъ считается достойнѣйшимъ своего имени, которой имѣя добрую совѣсть, поставляетъ себя выше мнѣній людскихъ.—Загляните въ Исторію протекшихъ вѣковъ, гдѣ отличнѣйшіе умы, отличнѣйшія дарованія являлись на сцену міра, выкиньте въ ихъ цѣли, выкиньте въ ихъ мѣры, предпріятія къ достиженію оныхъ, и наконецъ, въ самыя послѣдствія; и тогда заключите, какъ вы должны вести себя, чтобы сблизиться съ блаженствомъ, предопределеннымъ природѣ вашей въ жизни сей. Уравновѣсьте бытіе свое и поведеніе такъ, чтобы и самыя удары непредвидѣннаго рока вамъ спосице было переносить. Правда, разсуждать о семъ предметѣ гораздо легче, какъ подводить жизнь свою подъ непрѣмьныя такового рода правила; но я, говоря сіе,

не имѣю въ виду самого себя, я уже вышелъ изъ границъ сихъ правилъ, мнѣ уже поздно возвращаться къ самому себѣ, словомъ: я уже потерялъ; но многолѣтныя опыты научили меня, или лучше предоставили мнѣ теперь, хотя то утѣшеніе, что я помысливъ о прошедшемъ, и со вздохомъ принося раскаяніе предъ моею совѣстію, предъ моимъ разсудкомъ, предъ человѣчествомъ, которое я люблю почти выше силъ человѣка, тѣмъ успокоиваюсь! — и въ сіе мгновеніе, самая смерть, нравственнаго меня, не устрашила бы!—

15.

Въ 1825^{мъ} году.

Мнѣ кажется, что родъ человѣческій, подобно растѣніямъ перерождается — и наконецъ выйдутъ одни плевелы. А для того и потребно не понятнаго мнѣ грохота, которой бы такъ сказать выгачивалъ злое зеліе, чтобы онъ наконецъ весь обратился въ пигмеевъ, какъ физически, такъ и морально.—

16.

Слабый человѣкъ! напрасно ты стремишься къ славы! умрешь же ты наконецъ, и слава твоя въ позднѣйшія времена исчезнетъ подобно послѣдному

тлѣнно природы — и ты слишкомъ не Философъ, если думаешь иначе. Умѣй наслаждаться жизнью сообразно природѣ твоей—будь—чуждъ сего общаго предразсудка жить въ потомствѣ, живи лучше тамъ, гдѣ природа тебѣ жить назначила, а не тамъ, куда высокомеріе и мечтательное заблужденіе направляетъ всѣ силы твоего духа безъ всякой существенной пользы. И да не покажется для тебя мысль сія слишкомъ низкою; тотъ всегда высокъ здѣсь, кто истинно высокъ, но сколько не станови себя на ходули, всё будешь ты только паяцъ, а не великанъ! Изъ нихъ тотъ и другой въ свое время будутъ забыты потомками, и никакіе мавзолеи — никакіе стихотворцы и историки не обезсмертятъ смертности; одинъ Богъ славенъ! и имя Его будетъ жить вѣчно.—

17.

Я видѣлъ женщинъ, которыя по величію своему, стыдятся даже приблизиться къ тебѣ, чтобы тѣмъ себя не унизить, что и ты смѣешь дышать однимъ съ ними воздухомъ; но съ удовольствіемъ, даже съ восхищеніемъ смотрятъ онѣ, когда мы бывъ очарованы ихъ прелестями, почтительно, какъ бы пожираемъ ихъ своими глазами. О женщины! какъ вы прелестны, и какъ вы слабы; кажется ника-

кое высокое положеніе ваше въ обществѣ, невластно прикрыть невинной слабости самолюбія красоты, или игры и утѣшенія прелестной природы вашей, когда чуждый глазъ, отдаетъ вамъ должную справедливость безъ лицемѣрія ; что вы , очень понимаете!—

18.

Не надобно унывать духомъ ; чѣмъ человекъ чувствуетъ себя выше , тѣмъ жизнь его пріятнѣе , и самыя его несчастія въ таковомъ случаѣ, кажутся для него однимъ только промежуткомъ , того блаженства, каковаго считаетъ онъ себя достойнымъ.—

19.

Мода,—приличіе времени,—духъ времени!—для меня этѣ слова кажутся странными.—Я хочу вѣрить, что есть поведеніе человека въ обществѣ взятое изъ самой натуры его, а не изъ капризовъ времени, которое прилично всѣмъ вѣкамъ, всѣмъ странамъ, всѣмъ народамъ, и наконецъ, всѣмъ лицамъ; наглость же, вертопрашество, нелѣпое бравурство, жеманство, чванство, хвастливость, величаніе собою, и надутость, всегда, и повсѣ вѣки, въ глазахъ благоумія, не смотря ни на какія современные моды,

будутъ презрѣнны и отвратительны , столько же , сколько, скромность, пріятность и снисхожденіе добры и ненаглядны.—

20.

Есть умъ добрый и умъ коварный, умъ добрый знаетъ свое предназначеніе на землѣ , а злый всегда , какъ бы эхидна скрывается во мракѣ , и страшится свѣта, онъ со злобою высматриваетъ простоту, чтобы наутѣвляя ея заблужденія , и пользуясь ея ошибками составлять собственное благо. Какъ напротивъ умъ добрый, часто, рискуя собственнымъ счастьемъ, слѣдитъ благополучію слабости, и часто, заступая ее отъ навожденія перваго, терпитъ самъ многія непріятности ; ибо творить зло гораздо легче, нежели добро.—

21.

Въ нашъ вѣкъ—вѣкъ Англомановъ—вѣкъ финансовый всё помышано на деньгахъ: деньги, деньги, и деньги!! гдѣ деньги , тамъ и человекъ , гдѣ деньги , тамъ и достоинство его; а бѣдное сердце, бѣдныя дарованія, когда настанетъ торжество вашего вѣка? Правда, что богатства во все времена были почтенны, но жалъ, что у насъ теперь нѣтъ Цензо-

ровъ, каковыя бывали некогда въ Римѣ, они разсматривали, какими мѣрами, кто, приобретае себѣ богатство? При тонкомъ разборѣ средствъ пріобрѣтенія, часто замѣтить бы можно, что они служатъ только упрекомъ другимъ достоинствамъ производителя своего богатства, и, если бы тотъ же человекъ, при тѣхъ же обстоятельствахъ внутреннаго себя, не увлекся общою страстію несправедливаго пріобрѣтенія, онъ бы въ глазахъ нашихъ при самой посредственности, былъ гораздо почтеннѣе, нежели при настоящемъ его богатствѣ. Сей пріѣхалъ на нажитомъ неправдою прекрасномъ цугѣ лошадей, въ великолѣпномъ экипажѣ; а тотъ на одной лошади, содержимой имъ законнымъ жалованьемъ, и кто жъ предпочтенъ будетъ теперь, въ нашемъ модномъ кругу? конечно первый, хотя бы то случилось въ домѣ расплатившагося собственностію за сіе великолѣпіе. Такъ, видите, теперь ведѣтся въ свѣтѣ; но водится такъ же у людей и благоразуміе, которое оцѣниваетъ таковымъ по достоинству. Есть блескъ безъ напряженія, натуральный, по истинному достоинству и положенію своему въ свѣтѣ, сей блескъ бываетъ благороднымъ, привѣтливымъ — не гордымъ, забывающимъ совершенно о личномъ своемъ величіи. И есть блескъ напряженный чванной голи, которая сн.штся сравняться съ первымъ, не имѣя тѣхъ бла-

городныхъ и чистыхъ началъ, сей то, говорю, блескъ, наводитъ на себя вообще внутренній смѣхъ; ибо надутому мыльному пузырю, ничего не остается болѣе, какъ на воздухѣ лопнуть, разлетѣться, и исчезнуть!—Онъ замѣтенъ бываетъ болѣе между людьми, или при упадающей фамильной знаменитости, или въ возникающемъ, и еще не совсѣмъ облагороженномъ чьемъ либо благополучіи изъ ничтожества, которое ни какъ не можетъ сложить себѣ, ни цѣны, ни вѣсу, ни приличнаго отношенія къ другимъ, и дѣйствуетъ повсюду какъ то невпопадъ.—

22.

Бывши въ Москвѣ, сердцѣ Россіи, гдѣ нашъ родной языкъ, такъ сладкозвученъ, я съ жалкимъ чувствомъ замѣтилъ въ лучшемъ кругѣ общества, отсутствіе народной гордости; я забывался, не въ Парижѣ ли я? Здѣсь Французскій языкъ былъ на сценѣ вообще, какъ бы отпечаткомъ народнаго благоразумія, и только иногда по дурному прононсу разговаривающихъ, можно было разувѣриться, что ты не во Франціи. Жаль, что теперь забытъ обычай, бывшій при блаженной памяти ЕКАТЕРИНѢ Великой, онъ повелѣвалъ таковымъ дурнымъ Русскимъ Французамъ, слушать, читаемую имъ въ слухъ Те-

лемахиду Тредьяковского. Извинительно бы еще было, говорить на иностранномъ языкѣ во время стола, въ присутствіи слугъ. Въ обществѣ же равныхъ намъ забывать родное прелестное наше слово, чтобы блистать (бываетъ не доучившись) дурнымъ иностраннымъ, есть непростительная ошибка вѣтренной моды. Не пріятнѣе ли будетъ для всѣхъ слушать мысль, выраженную Россіяниномъ вполне, несравненнымъ Московскимъ прононсе ловкимъ слогомъ, съ отличнымъ чувствомъ и отчетливымъ вкусомъ, нежели слушать, какъ бы онъ изъяснялся, затрудняясь въ отысканіи словъ, для выраженія той же мысли, употребивъ для того слова Французскія невъпопадъ, и иногда такимъ жалкимъ произношеніемъ, отъ котораго бы всякій Французъ, не смотря на всю свою вѣжливость, заткнувши уши, выбѣжалъ вонъ. Но, мы по взаимной снисходительности нашей, охотно другъ въ другъ извиняемъ пороки сей, только бы слыть образованными. Бѣдный Русскій языкъ!—ты осужденъ на жертву только однимъ невѣждамъ, непосвященнымъ во Французчину; однимъ, еще брадатымъ купцамъ, и мѣщанству съ ванюшами, а лучший кругъ людей, въ собраніи своемъ, тебя почти стыдится. Какое заблужденіе! А всё это отъ чего? Такъ принято, что кто не говоритъ по Французски, тотъ въ понятіи общественномъ, есть человекъ не-

дообразованный ; разобравши же хорошенько снхъ модниковъ невольно скажешь, какъ некогда *Фонъ Визинъ*:

Что мы роднаго поотстали,
Да и чужаго не достали,—
И тѣмъ себѣ—и людямъ добрымъ въ смѣхъ,
Ни то, ни сѣ, теперь мы стали;
А противъ родины, вить это право грѣхъ!
Вотъ мнѣ на старости, пришлось учиться
по Французски,
Не то, такъ модныя всѣ двери будутъ узки
Москвитянъ для меня;
Я Русскій!—О, *pardonnez moi!*

Мы очень перенимчивы и мастера подражать во всемъ хорошемъ иностранцамъ, отъ чего же не хотимъ мы подражать имъ и въ чувствѣ народной гордости любить родной языкъ свой? Отъ чего почти всѣ народы у себя дома говорятъ на природномъ своемъ языкѣ? Англичане на примѣръ по Англійски, Французы по Французски — Китайцы по Китайски и проч: Ужели одинъ Россійскій языкъ нашъ, будетъ на долго еще такъ несчастливъ, что мы Русскіе не обратимся къ нему съ нашею любовью? Кажется онъ теперь уже такъ красивъ и богатъ самъ по себѣ, что для полнаго выраженія

всѣхъ нашихъ мыслей и чувствъ на нёмъ вполне,
достанетъ Русскихъ словъ; а еще пѣняемъ, что
у насъ на отечественномъ языкѣ мало хорошихъ
писателей?—....

К О Н Е Ц Ъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

- (1.) *Панское* есть названіе селенія принадлежащаго Генералу Кудрявцову въ Малоярославскомъ уѣздѣ Калужской губерніи.
- (2.) Однажды за обѣдомъ, любуясь молодостию, красотой и любезностию Е. А. В. я въ комплементъ сказалъ ей, что теперь смотрю на нее, какъ на вѣчно неземное; она же улыбувшись опивчала; а щи емъ!...
- (3.) Однажды Е. А. В. смотря на меня приспально предсказательнымъ голосомъ сказала другому лицу, что моя будущая суженая, будетъ прелестна собою, и между прочимъ добавила: будетъ препешая дура! въ отвѣтъ я значительно взглянувъ на нее — проглотилъ вздохъ.
- (4.) Вышедши въ отставку, я первые годы помился скукою, живя въ деревнѣ въ одиночествѣ.
- (5.) Онъ пошелъ во время Персидской кампаніи въ походъ вмѣстѣ съ конно-Артиллерійскою ротою № 13.
- (6.) Одна дѣвушка сказала мнѣ въ комплементъ за столомъ, что между другими 3 лицами она и меня четвертаго любитъ.
- (7.) Въ Малороссіи вообще всѣхъ нехристіанскаго исповѣданія людей называютъ бусурманами.
- (8.) Въ Малороссіи всякое непріятное опъ людей дѣйствіе, почищается Тапарскимъ навожденіемъ повоспоминанію; а пошому А... о. Ципаль молодыхъ Арп: офицеровъ за шаковый для себя случай.

(9.) Дѣтлами онъ называлъ молодыхъ офицеровъ.

(10.) Лящъ на Малороссійскомъ языкѣ есть рыба, и пакъ же называется въ Малороссіи всякій ударъ, отъ котораго раздается въ воздухѣ яркій оглолосокъ, какъ наприкладъ сѣ бываетъ, если кто другому въ азарнѣ дастъ ловко пощочину.

(11.) Онъ получилъ отъ дѣвушки задержосць аплеуху.

(12.) Въ Малороссіи почти всегда 17 Марта наступаютъ весенніе время и знакомъ онаго являюся первыми по лѣсамъ и полямъ бѣлые цвѣточки, называемые пролѣсками, или по-тамошнему про-сереномъ.

(13.) Ея благодѣтель а мой другъ скончался, неожиданно отъ приключавшейся болѣзни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Мой Богъ.	7
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ Всероссійскому въ 1824 году.	12
На кончину благословеннаго АЛЕКСАНДРА I ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго въ 1825 году. . .	21
Тарушино 1817 года.	24
Приношеніе праху Артіла: Генераль-Маіора Дмитр. Иван. Кудрявцова 1825 года.	27
Дружба со скукою.	32

П Ъ С Н И.

Нѣшь, нѣшь никакъ красопки.	35
Дни счастья моего исчезли.	37
Хопъ кропъ и слѣпъ, но больше видипъ.	40
Лизынька со мной гуляла.	43
Влюбленнымъ грустно тяжко жить.	45
Не спану я тебя любипъ.	48
У Маши очи голубые М. К.	50
Ахъ мой другъ, хорошо Л. М. С.	52
О женщины, о полъ ужасный!	54
Любовь безъ грусти и мученья К. Н. С.	56
Гдѣ другъ мой, гдѣ моя опрада.	59
Ахъ грустно всюду пустопа!	62
Сожалѣніе.	64

II

	Спр.
Воспоминаніе О. А.	67
Въ альбомъ А. И. Ф.	69
Сновидѣніе.	72
Разочарованіе.	75
Сеѣтъ помодѣ въ Г. В.	77
Несчастливецъ въ 1815.	86
Счастливецъ.	88
Печаль о пропекшей юности.	90
Суепа суепъ.	94
Ошибка въ расчотахъ.	96
Подлостъ.	100
Балъ.	102
Моя звѣзда Т. Ф. Л.	105
Мечта.	107

НАДПИСИ.

Подъ изображеніемъ Спасителя	109
Къ портрету Наполеона.	110
Къ портрету его же въ 1820 году.	—
Фридеріку Великому Королю Прусскому.	111
Къ портрету А. Т. Бараровскаго.	112
Машъ.	113
Акроспихъ.	120
На памянь Ея Превосх: М... Я... Б.	123
Къ Е... А... В.	126
Нельзъ къ А. С. Б.	—
Къ Г. В. П.	127
Опдыхъ къ А. А. Г.	129
Жалоба къ нему жъ.	130
Прощаніе къ нему жъ.	131

Ш

Стр.

ВЪ АЛБОМЫ.

К. К. Зону.	131
А. И. Р.	132
Н... Н... Л.	133
А... А... Б... й.	—
Л. К... Н.	134
Н. Н. Л... й.	—
К... А... Ч.	135
В... Ф... С... у.	—
Недоумѣніе Л. М. С.	137
Призывъ Л. М. С.	139
Путешествіе къ Л. М. С. А. С. Б... у.	143
Иудеи.	150
Думка про себе А. о. на Малороссійскомъ языкѣ.	155
Досада.	159
Воспочный кейфъ.	161
Благо ближняго.	163
Къ А... Ф... Л.	166
Упрекъ сердцу.	174
Къ жестокимъ.	177
Къ себѣ.	183

ОНА.

Воспоминаніе О. Н. М. Р.	191
Тоска.	193
Обманщица.	196
Назначеніе.	198
Досада.	206
Утѣшеніе.	209
Ты.	214

IV

	Стр.
Опчаяніе.	218
Совѣтъ.	222
Неперпѣніе.	224
Упоеніе.	227
Зависть.	229
Сравненіе.	232
Къ Н.	235
Призракъ Р.	238
Эпипафія Р.	240
Послѣдствіе.	241
Да.	246
Такъ что жъ?	250
Пѣсня А.	255
Пѣсня Н.	257
Еще одно воспоминаніе о Н.	259
Къ журналисту въ 1823 году.	261
Къ праху брата А. В. Башкапова.	266
Москва.	271

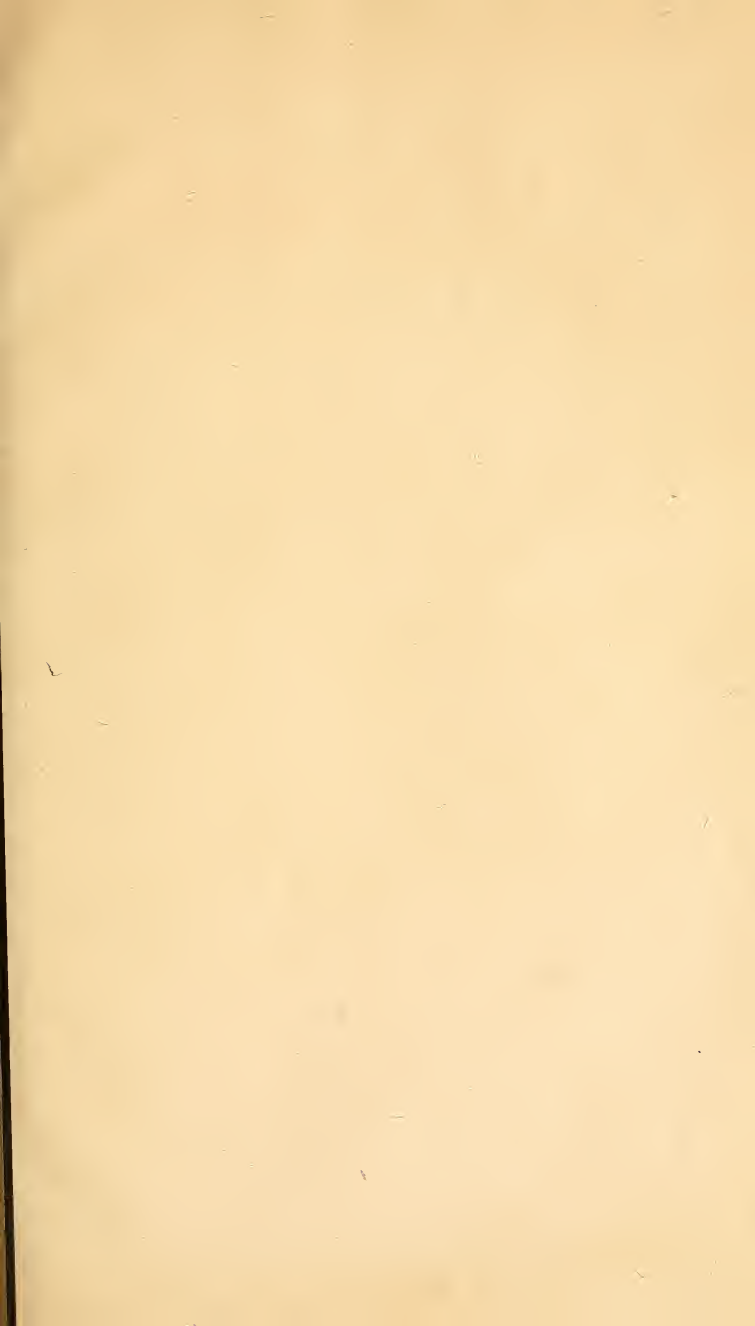
ПРОЗА.

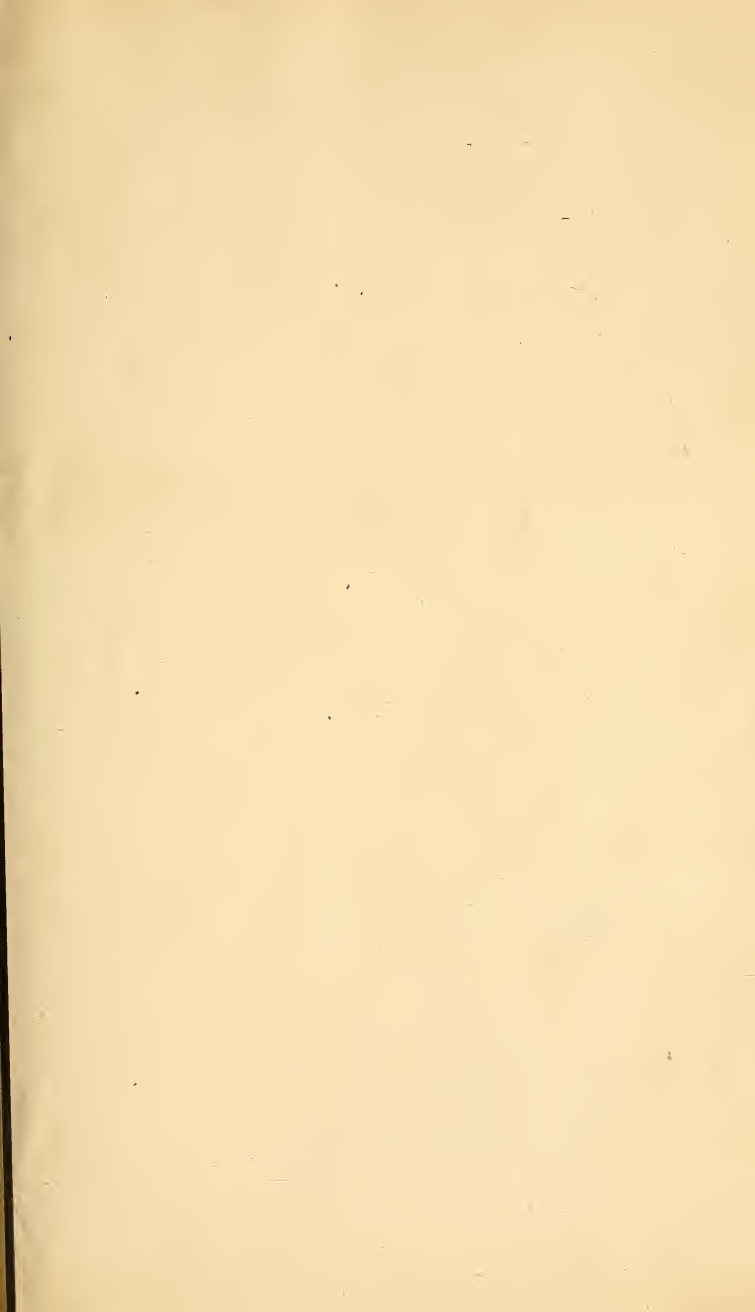
Мои Мысли.	283
--------------------	-----

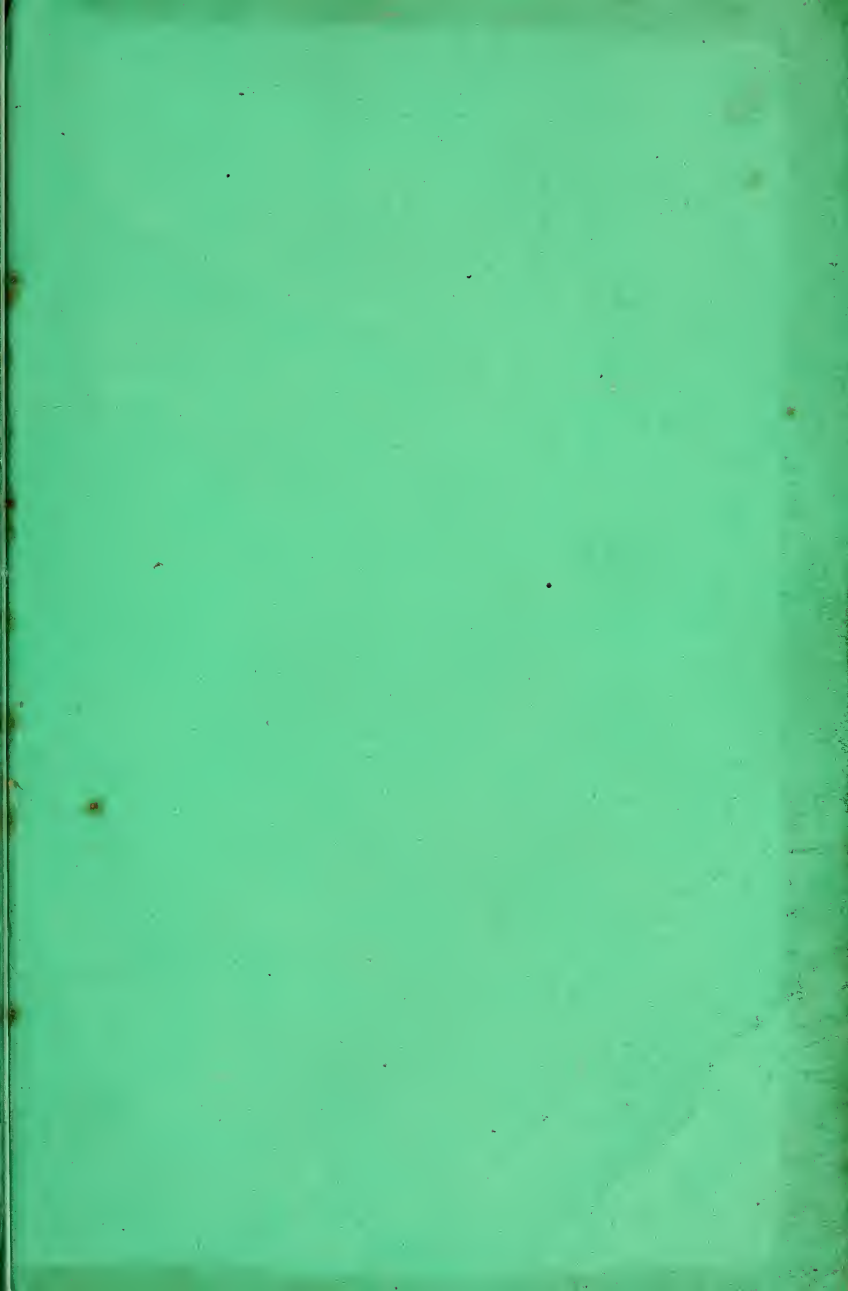
ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	строк.	Печатано.	Читай.	
7	—	6	внѣдряюсь	внѣдряюсь
17	—	5	путь	путь
—	—	9	съ солдапомъ	съ солдапомъ
18	—	18	сыномъ	сынамъ
33	—	23	пewольно	невольно
46	—	13	сисренъи	сиреньи
—	—	19	ручонучку	ручоночку
107	—	3	некторъ	нектаръ
—	—	7	препещипъ	прелещепъ
111	—	13	вселось	всѣлось
131	—	1	ПРОЩЕНЬЕ	ПРОЩАНЬЕ
157	—	23	нудно	чудно
—	—	24	чудно	нудно
180	—	19	предъ нами	предъ ними
194	—	7	померпвело	померпвѣло
207	—	5	безъ цѣла	безъ цѣли
243	—	12	реялся	рѣялся
253	—	24	вѣипъ	вѣепъ
260	—	12	вздохнемъ	вздохнешь
270	—	11	ихъ	вашъ.

LIBRARY OF CONGRESS

00025279487